

Колёса

8

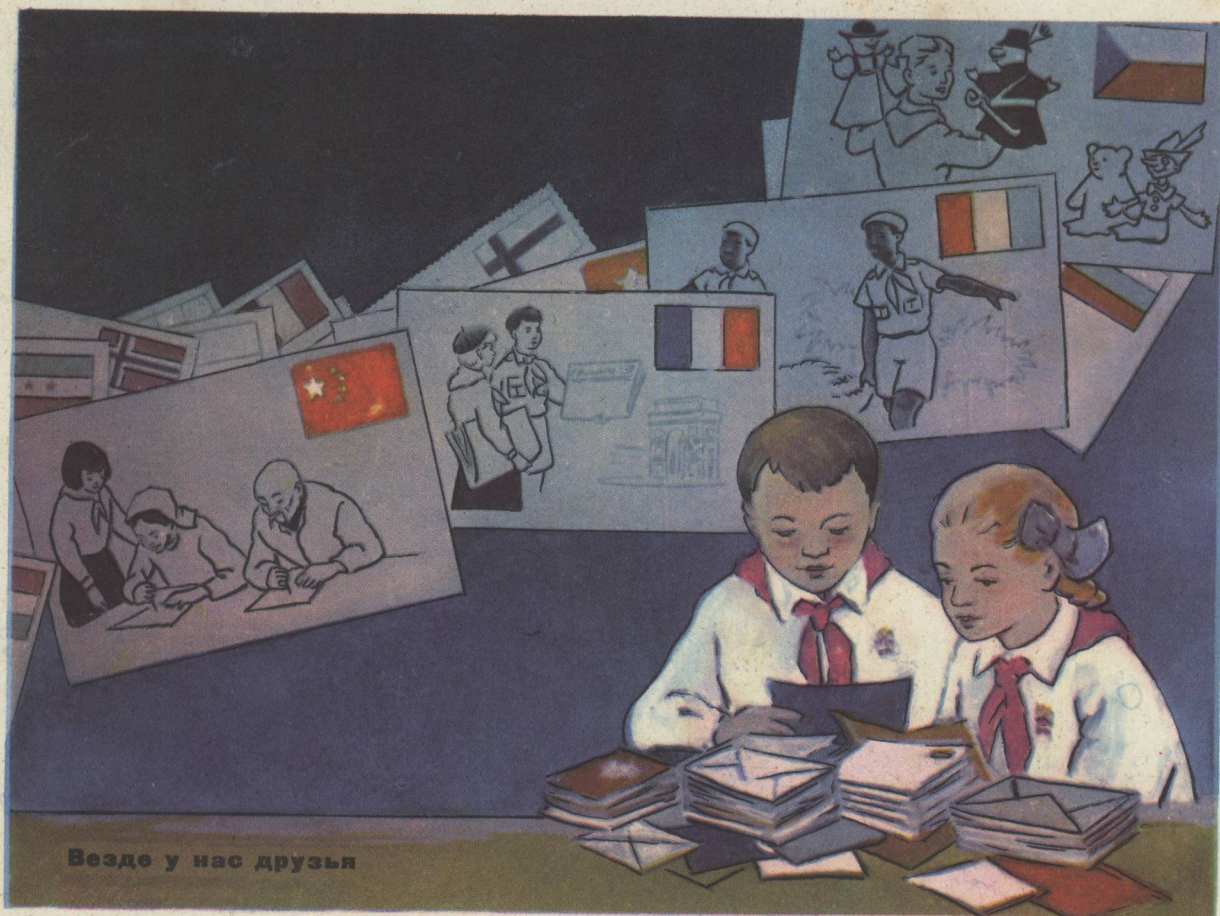
АВГУСТ

1961

Эскизы плакатов А. Давыдова и Ю. Лобачева

Костёр

8

АВГУСТ
1961

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

**ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ,
СКАЗКИ**

«СТАРОЖИЛ» Н. Гиппиуса,
«НОЧЬЮ» А. Пунчонка, «ПОСЛЕ
ПОГОНИ» Л. Семина, «ХУАН
ТУЛ-ПРОКАЗНИК», сказка,
«КОКОН САТУРНИЙ» Л. Сте-
кольникова

*

ОЧЕРКИ

«САМЫЙ БОЛЬШОЙ В ЕВРО-
ПЕ» В. Ганишина, «ОН СВОЕГО
ДОБЬЕТСЯ» А. Страхова, «ТАЙ-
НЫ ХОЛОДНОГО СОЛНЦА»,
«ЭТО БЫЛО В МЮЛЛЮПЕЛЬ-
ТО» Г. Платоновой

*

СТИХИ

«РАССВЕТ НА ЗАЛИВЕ»,
«ОСЕННИЙ МЫС», «ПЕРВАЯ
ЗЕЛЕНЬ» В. Шефнера, Стихи
твоих ровесников

*

ОГНО СЕМИЛЕТКИ

*

МОРСКАЯ ИГРА

*

ШАХМАТЫ

*

СПОРТ

*

НЕСКУЧАЙНИК

*

На обложке рисунок Б. Власова.

на 2-й стр. обложки фото Б. Уткина

СТАРОЖИЛ

Н. Гилтис

Киноповесть

Рисунки
В. Беломлинского
и Г. Ковенчука

Андрей Крутиков учится в пятом классе. Ему двенадцать лет. И городу, в котором он живет, тоже двенадцать лет. В этом городе есть улица Андрея Крутикова.

— Ого! — скажете вы. — За что парню такой почет?

В том-то и дело, что не за что. Повезло — и все тут.

Андрюша был первым ребенком, который родился в поселке строителей. Вот строители и решили: пускай первая улица, которую мы построили, будет называться улицей Андрея Крутикова.

Так и живет теперь мальчишка на улице своего имени, Андрей Крутиков, старожил...

Утро. За столом — бабушка и внук. Бабушка читает письмо.

— ...Как вы там живете, без нас? Мы с мамой очень скучаем. У вас, наверное, сейчас весна, а здесь, на Кавказе, самое лето, температура воздуха тридцать градусов...

Андрюша пьет молоко и разглядывает конверт, где изображены море и пальмы.

— ...Мамаша, напишите нам, как учится Андрюша, — читает бабушка. И спрашивает:

— А как ты учишься?

— В общем — нормально! — отвечает Андрюша.

— Тебя послушать, ты первый ученик. Я вот у твоей учительницы спрошу.

— И спроси!

— И спрошу!

— Бабушка, я опаздываю... — Андрюша встает из-за стола, хватая портфель и мчится по коридору.

Во дворе семилетний Малыш прогуливает лохматого пса.

— Не подходи! Разорвет! — еще издали кричит малыш.

— Ну и уродище! — удивился Андрюша, разглядывая пса.

— Зато ужасно свирепая порода!

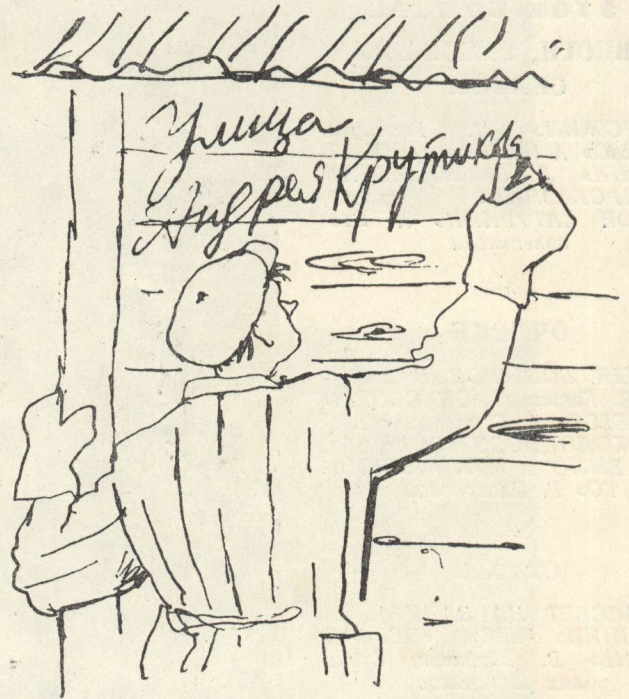
— Смотри, если попортите наши сажены, — получишь!

— Нужны они Тигру. Он только на столбы обращает внимание.

Пока мальчишки разговаривают, свирепая порода крутится рядом, подхалимски машет хвостом и пытается лизнуть Андрюшу в ухо.

— Да убери ты его! — отмахивается Андрюша убегаю.

— Тигр! Тигр! К ноге! — дергает за поводок Малыш.

Андрюша бежит по улице, размахивая портфелем.

Возле нового дома рабочие сваливают на грузовики строительный мусор.

Электросварщик приваривает крепления для чугунных ворот.

Андрюша достает из кармана синее стеклышко и смотрит на пламя.

Две короткие вспышки — и рабочий выключает аппарат. Откидывает защитную маску с лица.

— А, Андрюша, здорово! Ну как твой батя, загорает?

— Ага! Пишет, что у них уже лето.

— А у нас, можно считать, осень. Дом-то мы к осени должны были сдать! — смеется рабочий. — На днях комиссия принимать будет. Во как!

— Чего ж вы мне раньше не сказали? Всегда так, в последнюю минуту! — с обидой в голосе говорит Андрюша. Отходит от рабочего и по-хозяйски оглядывает строительный участок.

На городских часах — без пяти восемь.

Андрюша заворачивает за угол. И видит...

По мостовой важно шествует слон. Идет себе, раскачивает хоботом и ни на кого не обращает внимания.

Мальчишки сопровождают слона. И Андрюша примыкает к шествию.

— Откуда он? — гадают ребята.

— Наверное, у нас зоосад будет!

— А может, он идет в Москву. Из Индии, своим ходом? — делает предположение Андрюша.

— Через наш-то город? Сказанул...

*

Класс.

— Почему ты опоздал? — строго спрашивает учительница.

Андрюша стоит потупившись:

— Я... я встретил слона!

Весь класс грохнул от смеха.

— Честное пионерское, я встретил слона! — оправдывается Андрюша. — Я иду... а он мне навстречу.

— И тут я прицеливаюсь из автомата... Бах! Слон падает! — продолжает за Андрюшу Лева Пелевин, очкастый мальчик, сидящий за первой партой.

— Пелевин, не паясничай, — приказывает учительница.

Условия задачи уже написаны. Остается только взять мел и решить.

Андрюша пишет, стирает написанное, снова пишет. С надеждой поглядывает на ребят.

— Не знаешь! — посмотрела на доску учительница. — Очень жаль, Крутиков, но придется поставить тебе еще одну двойку. Третьей быть не должно! Ты меня понял?

— Понял, Анна Васильевна.

— Завтра я тебя вызову первым!

— Завтра воскресенье! — уточняет Андрюша.

Учительница промолчала. Вернула дневник.

— Садись!

Андрюша разглядывает дневник, плетется на свое место.

— Таня Сеницына!

Соседка Андрюши встает. Это худенькая большеглазая девочка с аккуратно заплетенными косичками. У нее болит зуб, она придерживает щеку рукой.

— Я попрошу тебя позаниматься с Крутиковым.

Андрюша сидит мрачный, чистит перо промокашкой.

— Анна Васильевна, а почему обязательно — я? Лева Пелевин по арифметике сильнее всех...

— Видишь ли... — раздумывает учительница. — Я считаю, что и тебе это будет полезно. У тебя есть педагогическая жилка...

— Хорошо! — соглашается Таня обводя глазами класс. — Только он должен меня слушаться... Ой!

— Крутиков! — учительница строго взглянула на Андрюшу.

— Я ее не трогал! Скажи, трогал я тебя, трогал?

— Анна Васильевна, он не трогал... Ой!.. Это зуб. Можно, я пойду к врачу?..

— Иди, Сеницына!

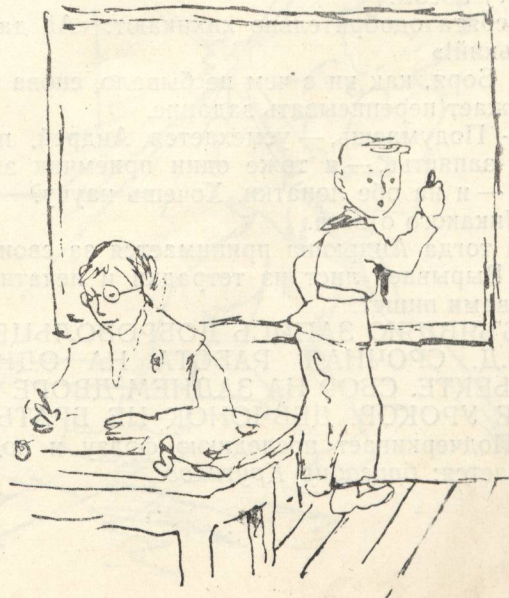
Таня, с видом страдальцы, выходит из класса.

— Ребята! — продолжает урок учительница, — до конца занятий остались считанные дни. Дорожите ими. При желании еще многое можно успеть. Контрольная будет очень серьезной. Обещайте, что мне не придется за вас краснеть.

— Обещаем, Анна Васильевна!

И Андрюша вместе со всеми тянет на бабах:

— Обеща-ем!

Вдруг весь класс дружно поднимается под аккомпанемент хлопающих крышек. В класс входит директор школы и следом за ним высокий мальчик.

— Анна Васильевна, вот новенький, о котором я говорил. Знакомьтесь: Боря Скалов.

Директор легонько подталкивает за плечи новенького.

— Надеюсь, вы подружитесь. Верно, ребята? Сидите, сидите...

Директор выходит. Класс с любопытством разглядывает новенького.

— Куда же мне тебя посадить? — раздумывает учительница.

На первой парте Зина и ее подруга не сговариваясь придвигаются друг к другу. Но учительница не оценила их порыва.

— Садись пока с Крутиковым, вон там. А сейчас, ребята, перепишите задачи на повторение...

Учительница подходит к доске. Застучал мелок.

Андрюша приглядывается к соседу. Тот спокойно достает тетради. Пишет и не обращает на Андрея никакого внимания. Андрюша, улучив момент, вытаскивает у Бори из парты одну тетрадку. Нацепив на нос воображаемые очки (жест Анны Васильевны), перелистывает страницы. Четверка, пятерка, четверка — мелькают отметки. И на последней странице — тройка.

— Ай, ай, ай! — кивает головой Андрюша и показывает тетрадь всему классу.

— Отдай! — тихо требует Боря.

Андрюша только хмыкает.

И тогда Боря очень ловко хватается Андрюшу за руку, каким-то непонятным приемом заставляет повернуться его к себе. Тетрадь сама ложится на прежнее место. При этом Андрюша, помимо своей воли, два раза клюнул парту носом.

Ребята одобрительно хихикают: «Ай да новенький!»

А Боря, как ни в чем не бывало, снова продолжает переписывать задание.

— Подумаешь, — усмехается Андрей, потирая запястье, — я тоже один приемчик знаю. Раз — и на обе лопатки. Хочешь научу?

Никакого ответа.

И тогда Андрюша принимается за свои дела. Вырывает лист из тетрадки и печатными буквами пишет:

«ОБЪЯВЛЯЮ ЗАПИСЬ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В Б.П.Д. СРОЧНАЯ РАБОТА НА ОДНОМ ОБЪЕКТЕ. СБОР НА ЗАДНЕМ ДВОРЕ ПОСЛЕ УРОКОВ. ДЕВЧОНОК НЕ БРАТЬ».

Подчеркивает последнюю фразу и подписывается: *бригадир Крутиков.*

Тихонько подсовывает листок Боре.

— Прочти и передай дальше.

— А что это за Б.П.Д.?

— Бригада полезных дел.

Боря кивает. Пишет свою фамилию. И передает листок на соседнюю парту. Коля и Леша читают послание. А Леночка, сидящая сзади, вытягивает шею. Читает и презрительно фыркает.

*

Новый дом.

На площадке лестницы навалом школьные портфели, форменные гимнастерки, брюки, фуражки.

Андрюша бежит по лестнице наверх. Мимо него Коля и Леша волокут мешок со строительным мусором.

Боря Скалов собирает с подоконника обрезки стекла и комки замазки. А этажом выше Лева Пелевин сметает в кучу паркетную стружку.

В комнату вбегает Андрюша. Размахивает веревкой.

— Порядок! Сейчас будет вода, пол вымоем...

— Чего? — переспрашивает Лева. — Паркет не моют...

— Отставить разговоры! Кто здесь бригадир? Ты посмотри, какой Лешка шланг достал...

Андрюша бросает конец веревки в окно. И кричит:

— Привязывай!

Андрюша тянет веревку, втаскивает резиновый шланг. И вдруг замечает, что Боря, уже одетый, собирается уходить.

— Ты куда? — гневно окликает его бригадир.

— У меня... Меня ждут...

— Одно ведро вынес и смываешься?

— Шесть, — поправляет Борис.

— А больше — кишка тонка, да? Зачем тогда записывался? Дезертир ты, вот кто... — разошелся бригадир.

Но на Бору это не действует. Он мирно говорит Леве, подставляя ведро:

— Сыпь, я вынесу по дороге.

Боря откладывает портфель, уминает стружку.

Андрюша взрывается:

— Не нужно нам твоих одолжений. Выкатывайся отсюда!

И надо же — в этот момент в комнату входят Леночка и Зина. Андрюша их не замечает. Он вырывает у Бори ведро, потом хватается его портфель и бросает к дверям. Портфель ударяется о косяк и... о, ужас! — плюхается в

корыто с грязной водой, которое оставили маляры.

Фонтан брызг и тишина.

Девочки ахнули и застыли.

Лева Пелевин садится на кучу стружек. А Боря посмотрел на Андрюшу, молча подошел к корыту, выудил портфель. Вылил воду. По одной стал доставать мокрые тетради.

Боря готов расплакаться. Но сдерживается, закусив губу. Не говоря ни слова, он медленно идет к выходу. Тетради прижаты к груди, открытый портфель бьет его по ногам.

Только у самой двери Боря говорит:

— Спасибо!

И сейчас, когда ушел Борис, ребята осуждающе посмотрели на Андрюшу. Он и сам уже понял, что переборщил. Чтобы не выдать себя, принялся распутывать шланг.

— Ну и ну! — презрительно произносит Зиночка.

Андрей круто поворачивается.

— А вы чего приперлись? Кто вас звал? — набрасывается он на девочек.

— Пришли и тебя не спросились! — спокойно отвечает Леночка.

— Нам тоже хочется сделать что-нибудь приятное Анне Васильевне, — заявляет Зина.

— Кому, кому?

— Анне Васильевне... Она получает квартиру в этом доме.

Андрей свистнул. Подошел к окну, крикнул во двор:

— Кончай работу! — и девочкам: — Подлизываться пришли? Да? А мы не будем!

— Кто это мы? И почему — подлизываться? — оскорбился Лева.

— Если ты нахватал двоек, так и молчи... — отрезала Зиночка.

— А я сказал — кончай работу!

В комнату влетели, гремя ведрами, Леша и Коля. Остановились, не понимая, к ним ли обращены слова Андрюши.

— Да кто бы вас пустил сюда без меня?

— Не задавайся! — Лева поправляет очки и спрашивает у Коли: — Как там?

— Готово!

— Включай воду! — кричит Лева в окно.

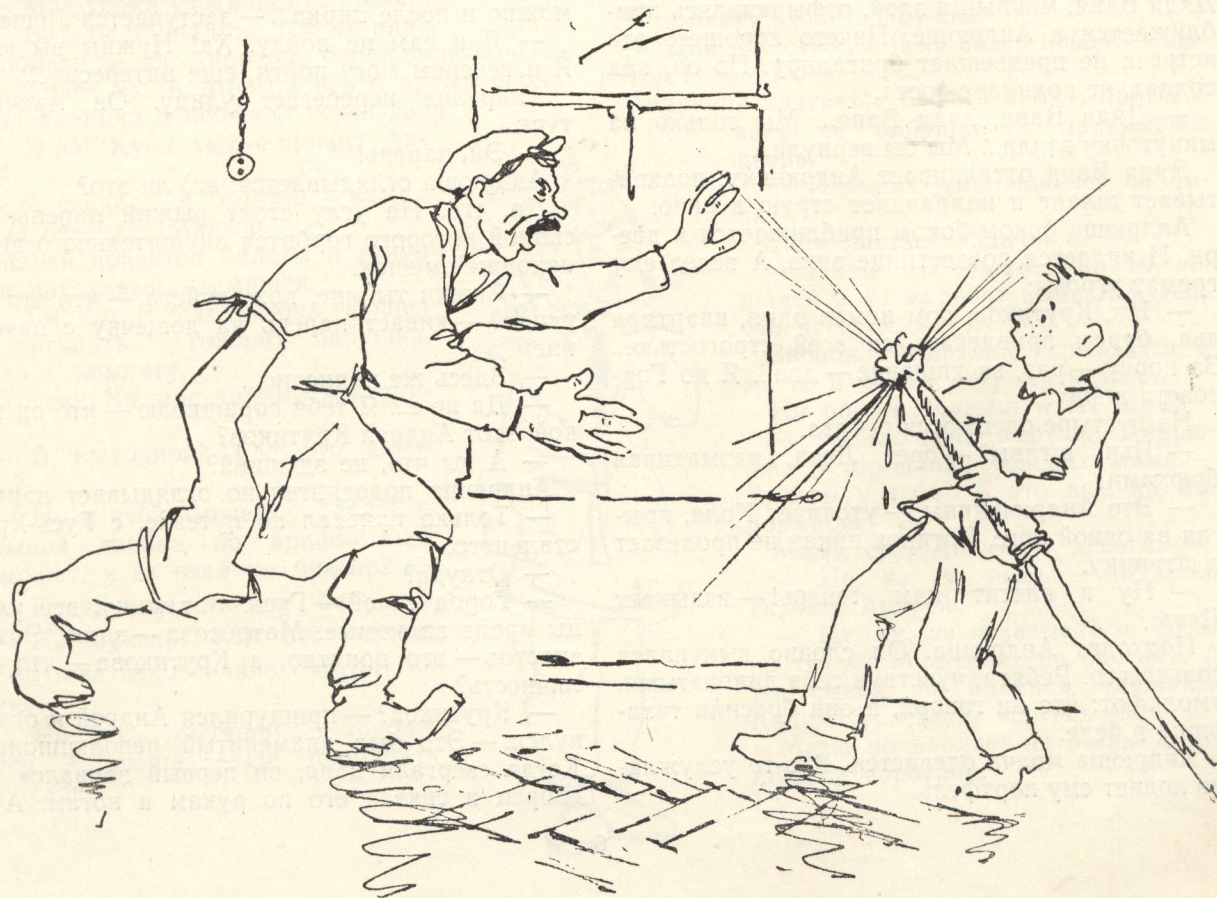
— Не командуй, я бригадир!

— Включай! — кричал Лева, отталкивая Андрюшу. — Девочки, ведра!

Лева расправляет шланг. И вовремя — пошла вода. Сначала перебоями, потом сильнее и сильнее.

— Еще, еще ведра! — кричит Лева.

Коля высыпает мусор на пол, подносит последнее ведро. Но вот уже и оно полно до краев.

— Больше некуда! — мечется по комнате Леночка.

— Закрывай! Хватит! — кричит Леша.

Вода хлещет через край. Лева направляет струю на пол, пытается зажать наконечник ладонью.

Девочки с визгом бросаются в сторону, спасаясь от душа.

— Эх, вы... — презрительно хмыкает Андрюшка.

Он вырывает у Левы шланг, заламывает его, прижимает ногами. Вода на время смирилась.

— Кран... Кран заверни! — кричит Андрюша.

Леша опрометью бросается к дверям и со всего размаха налетает на дворника, дядю Ваню. Дворник в гневе.

— Вы что делаете, ироды? Кишку утащили... Да? Я вам покажу. Недельку сидеть не сможете...

Дядя Ваня крепко держит Леву и пытается схватить Колю. Но когда это удается, вырывается Лева. Не отпуская Колю, дворник гоняется за Лешей. В это время убегают Зина и Леночка.

А Андрюша ведет неравную борьбу с водой. Борьба происходит, как говорится, с переменным успехом. Но Андрюша не бросает шланг. Дядя Ваня, мокрый и злой, отфыркиваясь приближается к Андрюше. Ничего хорошего эта встреча не предвещает бригадиру. Но он, как солдат, не покидает поста.

— Дядя Ваня, дядя Ваня... Мы только на минуточку взяли... Мы бы вернули...

Дядя Ваня отталкивает Андрюшку, подхватывает шланг и направляет струю в окно.

Андрюша боком-боком приближается к двери. И кидается по лестнице вниз. А вслед ему гремят угрозы:

— Ну, Крутиков, дом номер один, квартира два, будем привлекать со всей строгостью... За порчу — раз, за хищение — два... Я до Горсовета дойду.

На пустыре одеваются ребята.

— Чьи штаны? — орет Лева, размахивая брюками.

— Это Андрюшкины, — уточняет Коля, прыгая на одной ноге. Ботинок никак не пролезает в штанину.

— Ну и влетит нам теперь! — вздыхает Лева.

Подходит Андрюша. Он словно выкупался только что. Ребята, чувствуя себя виноватыми, умолкают: что ни говори, а они бросили товарища в беде.

Андрюша молча одевается. Кто-то услужливо подает ему портфель.

— Трусы! — вырывает портфель Андрюша. И уходит со двора.

Следом потянулась вся бригада.

Ребята идут по улице. Порядок тот же: впереди Андрюша, поодаль плетутся остальные. Постепенно расстояние между ними сокращается. Вот уже вся группа шествует рядом, единым строем.

И вдруг — остановка. Все головы задраны вверх.

На заборе афиша, еще мокрая от клея: ЦИРК — ШАПИТО. БОЛЬШАЯ ПРОГРАММА. СЛОН-КАНАТОХОДЕЦ. ВЫСШАЯ ШКОЛА ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ.

НАЧАЛО ДНЕВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ — в 12 ч. ВЕЧЕРНИХ — в 7 ч.

— Ну что, не верили? Слон-канатоходец. Я его первый увидел! — торжествует Андрюша.

— Вот это да! — кричит Леша. — Пошли завтра на утренник?

— Пошли! — размахивает портфелем Андрюша.

И вдруг скисает под пристальным взглядом Коли.

— Ты забыл?

— Да ладно... — отмахивается Андрюша.

— В одиннадцать придет Таня... — уточняет Коля.

— Коля, пускай он пойдет. Подзаняться можно и после цирка... — заступает Леша.

— Я и сам не пойду. Ха! Нужны вы мне. Я и вечером могу пойти, еще интереснее...

Андрюша перебегает улицу. Он мрачнее тучи.

— Эй, парень!

Андрюша оглядывается: его ли это?

Да, его. На углу стоит рыжий парень, за спиной которого горбится внушительного вида походный мешок.

— Скажи ты мне, пожалуйста, — что это за улица? — кивает парень на дощечку с названием.

— Здесь же написано...

— Да не-е... Я тебя спрашиваю — кто он такой, этот Андрей Крутиков?

— А вы что, не здешний?

Андрюша подозрительно оглядывает парня. — Только приехал по путевке, с Гусь-Хрустального.

— Откуда?

— Город такой — Гусь. Вот хожу, все улицы вроде знакомые. Матросова — знаю, Энтузиастов — это понятно, а Крутикова — что за личность?

— Крутиков? — прищурился Андрей и оглянулся. — Это был знаменитый революционер. Когда свергали царя, он первый ворвался во дворец и связал его по рукам и ногам. А в

Отечественную войну он лично взял в плен десять фашистских генералов, подбил двадцать танков и погиб, как герой. А совсем недавно он изобрел космический корабль и лично полетит на нем...

— Э-э, стой, стой. Куда полетит? Ты же говорил — он погиб как герой?

— Ха! — ни капли не смутился Андрюша. — А вы разве не знаете — настоящие герои не умирают!

И преисполненный гордости за героев, которые не умирают, с высоко поднятой головой Андрюша зашагал своей дорогой.

*

Утро следующего дня.

На часах — без малого одиннадцать.

Андрюша расстелил на обеденном столе галету, поставил чернильницу-непроливайку. Разложил тетради.

— Андрюша!

В окне показывается голова Малыша.

— К нам гости приехали.. — чуть не плачет Малыш.

— А я здесь причем?

— В цирк не с кем идти. Мама сказала, если меня кто-нибудь возьмет, она отпустит...

— Мотай отсюда! Я в цирк не собираюсь!

— Что тебе стоит! Возьми, Андрюш!

— Мне уроки учить надо... Понял?

— Билеты пропадут... Пятый ряд...

Соблазн велик. Андрюша берет билеты, рассматривает их. А Малыш в это время сполз с подоконника и побежал через двор.

— Э-эй! Куда ты? — кричит Андрей.

— Я сейчас... я быстро! — улелепывая отвечает Малыш.

Андрей повертел билеты и сунул их в нагрудный кармашек.

— Ты что дома сидишь, пошел бы погулять... — говорит бабушка, входя в комнату.

— Успею! Ко мне заниматься придут...

— В выходной? Где это записать?

— Ну и что? Может, у Тани Синицыной двойка по арифметике? И может, я ее взял на буксир?

— Куда? — не поняла бабушка.

— На буксир. Как отстающую. Бабушка недоверчиво смотрит на внука.

— Ничего, вытянем... — хорохорится Андрюша... — Не пропадать же человеку!

А Таня в это время выходит из дома. Щека у нее повязана пестрым платком.

— Куда ты? С больным зубом... — говорит ей мама.

— Мамочка, как ты не понимаешь... Я обещала с ним позаниматься... Это мой долг.

— Повязку не снимай! — строго говорит мама. И по-доброму улыбается.

На площадке перед Андрюшиной квартирой Таня развязала платок и спрятала его в портфель. Позвонила. Дверь открыла бабушка.

— Здравствуйте! Андрюша дома?

— Дома, дома... Ждет тебя...

Андрюша слышит, как в передней бабушка говорит Тане:

— Как же это тебя угораздило? Бедная ты, бедная... Перед самой контрольной.

Таня удивлена: откуда бабушка знает, что у нее болит зуб?

Андрей пулей выскочил в коридор. Оттеснил бабушку.

— Таня, проходи!

А бабушка продолжает:

— Ничего, то ли еще бывает... Ты, главное, не запускай...

— Бабушка, не мешай нам сейчас... Идем, Таня...

Андрюша втаскивает Таню в комнату. Закрывает дверь.

— Садись! — подвигает он ей стул.

В комнату входит бабушка.

— Дай мне сумку... Я на базар пойду! — шепотом говорит она.

Андрюша хватает с буфета сумку, протягивает ее бабушке и прикрывает дверь.

— Начнем? — спрашивает он Таню.

Таня листает задачник.

— Пиши. «В колхозе на 60 лошадей и 40 жеребят выдают в день 440 кг овса...»

Звонок. Андрюша срывается с места и бежит открывать дверь.

На пороге Малыш и его мама.

— Ты нас очень выручил, Андрюша... — торопливо говорит мама. — Билеты у тебя? А это вам на мороженое.

Мама сует Андрюше деньги.

— Но я... у меня... — пытается сказать Андрей.

— Ну, ну, не отказывайся. Только ты уж Мишеньку не бросай... А ты, сынок, не балуйся, слушайся Андрюшу... Да не вертись ты...

Мама поправляет на Малыше отложной воротник.

— Горе ты мое!

И уходит.

Андрей с ненавистью смотрит на Малыша. А тот сияет. Андрей хватает Малыша за руку, тащит за собой, на кухню.

— Сиди здесь и жди! И — тихо!

Андрюша вбегает в комнату.

— Сколько там выдают овса? — как ни в чем не бывало, спрашивает он Таню, усаживаясь за стол.

— 440 килограммов, — диктует Таня. — По сколько килограммов овса выдают в день каждой лошади... Почему ты не пишешь?

Андрюша действительно не пишет. Он размышляет.

— Послушай, у тебя так бывает? Хочешь, чтоб лучше, а получается — все наоборот!

— Нет, так не бывает! — сердится Таня. — Ну, ты будешь заниматься или я уйду.

— Диктуй...

— Сколько овса выдают в день каждой лошади, если жеребята получают по два килограмма овса? Написал?

— Ага.

— Условие задачи понятно? — совсем, как учительница, спрашивает Таня.

— Вообще-то понятно...

Андрюша пытается сосредоточиться, и тут он видит, как тихонько приоткрывается дверь, просовывается голова Малыша. Андрюша грозит ему кулаком. Малыш, готовый расплакаться, закрывает дверь.

— Решил? — спрашивает Танечка.

— Нет еще.

— Это же очень просто... Смотри...

В коридоре какой-то грохот.

— Ой-ой! — кричит Андрюша и косится на дверь.

— Что с тобой?

Возня в коридоре не утихает. Андрюша, чтобы сбить с толку Танечку, кричит что есть силы.

— О-ой-ой!

— Андрюша, тебе плохо!

— Кажется, опять началось! У меня неизлечимая болезнь. О-ой!

— Может быть, позвать врача?

— Ни один врач не может ее открыть.

— О-ой! Это само пройдет, ровно через пять минут... Сиди здесь и не двигайся.

Андрюша, корчась и охая, выходит из комнаты в коридор.

Так и есть. У двери стоит Малыш. А на полу лежит велосипед. Малыш размазывает слезы по лицу.

— Да-а, я отцу пожалуюсь... Еще велосипеды на стенках вешают.

— Ты мне урок сорвал!

— Теперь — опоздали! Всё из-за тебя... — плачет Малыш.

— Да не реви! Вот навязался на мою голову... Ладно, идем.

*

Цирк. Гремят аплодисменты.

С арены, помахивая хоботом и припадая на передние ноги, уходит слон.

Андрюша и Малыш пробираются на свои места.

— Слона больше не покажут? — шепчет Малыш.

— Молчи.

— Высшая школа верховой езды! Юный джигит — Борис Скалов! — объявляет обершталмейстер.

Оркестр играет галоп. Щелкает хлыст, на манеж вырывается белая лошадка. И следом за ней — мальчик. На нем свободная рубашка из блестящего шелка, мягкие сапожки. Он мчится вдогонку лошади, что-то кричит и на полном скаку прыгает в широкое седло. Потом... Нет, все, что он проделывает потом, надо видеть! Самые рискованные прыжки, сальто...

— Так ведь это Борька! Он со мной на одной парте сидит! — крикнул вдруг Андрюша. И захлопал в ладоши.

— Тише! — одергивает его соседка.

— Нет, он правда у нас учится... — не унимается Андрюша.

А юный наездник продолжает номер. Униформист бросает ему цветные шары. Боря подхватывает, жонглирует на полном скаку.

Весь цирк долго и дружно аплодирует. И громче всех — Андрюша и Малыш.

— Друг, стало быть? — спрашивает у Андрюши молодой паренек.

— Ага! — сияет Андрюша и вдруг становится мрачным. Даже аплодировать перестает.

Он вспомнил, как обидел вчера новенького.

— Талант, одно слово... — восторгается паренек.

*

Возле цирка, в антракте.

У клеток со зверями — не протолкнуться. Особенно много любопытных у загородки, где стоит слон. Величественный слон лениво принимает знаки внимания публики. Дадут ему булку — отправляет в рот. Протянут мороженое — брезгливо отказывается. С трудом Андрюша и Малыш протискиваются к загородке. И когда позиция занята, Андрюша видит, что совсем рядом стоят ребята из его класса — Коля и Леша. Пока не поздно, надо удирать.

Андрюша толкает Малыша. Но Малыш обеими руками вцепился в барьер, упирается, Андрюша силой тащит его за собой.

Ребята шмыгают за занавеску, на которой написано: «Посторонним вход воспрещен».

— Куда же ты? — вопит Малыш.

— Молчи, — дергает Андрюша Малыша.

Служебное помещение. Рабочие переносят какие-то ящики. Артисты в халатах готовят снаряды.

— А-ай! — кричит Малыш.

Он чуть не наступил на лапу медведя, который по-домашнему, в наморднике, сидит на привязи.

Спасаясь от медведя, ребята попадают в конюшню. Там старик-конюх кормит сахаром белую лошадку.

— Порядка не знаете? — кричит он на мальчишек.

— Дяденька, нам надо Борю Скалова...

— Он занят. И нельзя тут находиться...

— Дяденька, я... я только хотел спросить... — тянет время Андрюша... — Вот эта лошадь... Сколько она получает овса?

И вдруг старик растаял.

— Коломбина? — похлопал он лошадку. — Рацион у нее трехразовый... Овса пять кило. И еще витамины...

*

Класс.

— Так сколько же получает овса каждая лошадь? — повторяет вопрос учительница.

Андрюша стоит у парты. Плохо ему сейчас. Леша, сидящий впереди, трясет за спиной всеми десятью растопыренными пальцами.

— Не знаешь! — качает головой учительница.

— Вообще-то знаю! — глядя в пространство произносит Андрюша.

— Тогда отвечай.

— Лошадь получает пять килограммов овса. Плюс витамины.

Класс грохнул.

Учительнице стоит большого труда, чтобы остаться серьезной.

— Ничего смешного нет! — повышает она голос. И Андрюше: — Интересно, из каких источников ты черпаешь свои знания?

Андрей потупился: не может же он сказать правду.

— Ты занимался вчера с Таней Сеницыной?

— Вообще-то... занимался! — поводит плечами Андрей.

— Садись!

Учительница придвинула к себе классный журнал, взяла перо и задумалась.

— Я могла бы написать письмо твоим родителям, но пока этого делать не буду... А к бабушке зайду. Завтра, после школы.

И учительница поставила отметку.

Леша вытягивает шею, заглядывает в журнал. И поднимает два пальца.

— Урок окончен! — говорит учительница.

Ребята повскакали с мест, выбегают из класса.

Несколько учеников толпятся возле столика учительницы. Только Андрюша остается сидеть на своем месте. Он слышит, как учительница спрашивает кого-то:

— А почему сегодня не был Боря Скалов?

*

Грязная, покоробившаяся тетрадь.

Она лежит на самодельном столе, сделанном из бочки, покрытой крышкой от ящика. Боря старательно переписывает старые задания в новую тетрадку.

Он выбрал место для занятий в тихом уголке двора, возле цирка. Неподалеку, у забора, старый служитель ловко управляясь двумя щетками, чистит Коломбину.

Боря откладывает тетрадь, берет следующую, отливывает поля. Вдруг чья-то тень падает на его стол.

Рядом стоит Андрюша.

— Здравствуй!

Боря не отвечает. Продолжает линовать поля.

Андрюша молчит, перекидывая с руки на руку свой портфель.

— Ну? — не отрываясь от дела, спрашивает Боря.

— Меня Анна Васильевна послала... — глядя куда-то в сторону, сообщает Андрюша.

— Ах, Анна Васильевна, — усмехается Боря.

— Она велела узнать, почему ты не был в школе.

— Тетрадки переписывал! — спокойно отвечает Боря. — Всё?

— Нет, я... Я еще принес задачки, на завтра.

Боря встает, собирает тетради, и все так же холодно, заявляет:

— Некогда мне! Сейчас мое время на манеже...

И, словно Андриюши и нет здесь, уходит.

Андриюша остается один. Глупейшее положение. Да еще старый служитель подозрительно косится на него.

Андриюша неторопливо идет через двор, перекидывая портфель с руки на руку.

Но как только конюх отвернулся, Андриюша ныряет под занавеску с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Три булавы со сверкающими гранями мелькают в воздухе.

На манеже репетирует Боря. Он в майке и стареньких шароварах. Рядом с ним пожилой артист в спортивном костюме. Он внимательно следит за каждым движением Бори.

— Ап! — выкрикивает он и кидает Борису еще одну булаву.

Боря ловит. Четыре булавы в воздухе. И вдруг все они падают на ковер.

— Спокойно! Еще раз...

И все начинается сначала. Три булавы.

Короткое «Ап».

Четыре булавы. Теперь уже Боря не ошибается.

Андриюша, вобрав голову в плечи, сидит в первом ряду и, как зачарованный, смотрит на манеж.

А на другом конце манежа несколько человек работают с подкидной доской.

Толстяк со сверкающей лысиной, не обращая ни на кого внимания, играет на каком-то диковинном инструменте: это труба, колокольчики и автомобильная сирена — все разом.

И вдруг к Андриюше подходит Борис.

Усаживается рядом, блаженно вытягивает ноги. Через плечо у него перекинута мохнатое полотенце.

Мальчишки сидят и молчат.

— А тебе... вот так... часто приходится? — первый начинает Андриюша, кивая на манеж.

— Каждый день!

— Я бы так не смог! — вздохнув, признался Андриюша.

— Глупости! Когда ты уроки готовишь, тоже ведь не встаешь, пока не выйдет...

— В общем — да! — неуверенно произносит Андриюша.

— Ну вот так и здесь. Это — как урок. От простого к сложному.

С манежа уже убран ковер, рабочий выравнивает граблями опилки.

— Так что нам сегодня задали? — спрашивает Борис. Андриюша поспешно вытаскивает из портфеля задачник.

— Вот. Отсюда досюда.

— Да-а... — нахмурился Боря, читая про себя условия.

— Чего ты?

— Да понимаешь, отстал я от вас, из-за переезда...

— Ха! Подумаешь. Это пара пустяков...

— А ты бы смог со мной подзаняться?

— Я?

— Ну да, по арифметике.

— По арифметике? В общем, могу и по арифметике... Я тут одну девочку уже подтягивал. Могу и тебя...

*

...Андриюша бежит по улице, что-то бормочет про себя, размахивает руками. Две девочки, которых он обогнал, переглянулись — странный мальчик.

Андриюша собирается перебежать улицу, как вдруг перед ним останавливается сверкающая, сказочной красоты «Чайка». Дверца открывается:

— Крутиков, садись...

Только сейчас Андриюша видит на переднем сидении председателя Горсовета. Председатель улыбается и повторяет приглашение.

— Не задерживай движения, садись.

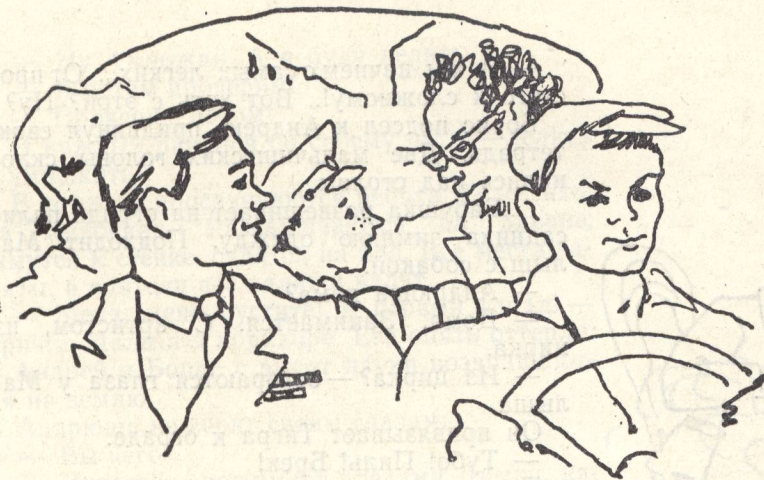
— Да я... Спасибо! Мне...

Но все-таки садится — когда еще удастся прокатиться на «Чайке».

В машине, кроме председателя и шофера, еще двое: гость и переводчица. Гость член, кудряв, белозуб.

— Познакомьтесь! — говорит председатель. — Андрей Крутиков, старожил. А это наш гость, господин Иемадже... Андриюша поздоровался и, пока

девушка переводила, тихо спросил у председателя.

— А он откуда?

— Из Африки...

— Из самой Африки?

— Господин Иемадже спрашивает, что такое — старожил?

— Переведите. Первый человек на этой земле, самый старый житель города.

Девушка перевела, гость засмеялся и что-то сказал, похлопывая Андриюшу по плечу.

— Господин Иемадже удивлен, что самый старый человек выглядит так молодо!

— Скажите нашему гостю, что мы едем по улице, которая называется именем Андрея Крутикова.

Девушка перевела. Гость закивал головой.

— О, Крутикоф-стрит... Дагбэ, дагбэ!

Гость что-то спросил Андриюшу.

— Господин Иемадже интересуется, как его молодой друг оправдывает столь высокое доверие? — перевела девушка.

Андриюша смутился, но председатель выручил его.

— По мере сил и возможностей! Неплохо учится, ведь так?

— В общем, да... — тихо соглашается Андриюша.

— Принимает активное участие в деле благоустройства нашего города, — продолжает председатель. — Вот тополя... Это он и его товарищи посадили...

— И еще мы помогаем строителям... — осмелел Андриюша.

— Бригада добровольцев Андрея Крутикова? — строго спрашивает председатель.

— Так ведь мы хотели...

— Ясно! Переводить это не будем!

— Господин Иемадже желает дальнейшего успеха своему новому знакомому... — переводит девушка.

— Спасибо! — благодарит Андриюша.

— Учти, Андрей! Весь мир на тебя смотрит. Держись, старожил. Ну, если будешь не на высоте — что делать... Переименуем улицу... — не то в шутку, не то всерьез говорит председатель. — Приехали!

Машина остановилась возле большого дома с колоннами.

И когда все вышли, председатель спросил у Андриюши:

— Ты чего надулся? Пойдемка с нами, пообедаем.

— У меня дело есть... Очень важное. До свидания!

*

Звонок и дощечка: к Синициным. Андриюша позвонил. Открыла Танина мама.

— Ты к Танечке? Вытри ноги и проходи. Ей уже совсем хорошо. Молодец, что зашел... Танюша, это к тебе...

— Кто это, мамочка? — радостно закричала Таня. Она сидит на диване, туфельки сбросила, в руках у нее книга.

Андриюша вошел в комнату.

— Ты? — Таня захлебнулась от негодования. — Ты еще посмел прийти!

— Таня, я тебе все объясню. Понимаешь...

— Не желаю я тебя слушать! Ты гнусный обманщик... А я то хотела ему помочь, пришла больная, накануне операции...

— Какой еще операции? — удивился Андриюша.

— Мне дергали зуб... А он... Дурочку нашел. Подожди, я еще учительнице скажу...

— Ну чего ты тарыхтишь... Ну, виноват... Ну, извини... Давай сейчас подзаймемся...

— Вот еще!

— Я же сам пришел...

— Не буду! Пускай прикрепляют кого-нибудь другого, а я не буду... Принципиально!

— Тань! Мне очень надо...

— Мама! — крикнула Таня.

И когда мама появилась, приказала:

— Проводи его. Я не желаю видеть этого человека! — И гордо отвернулась к стене.

— Танюша, что с тобой? — удивилась мама.

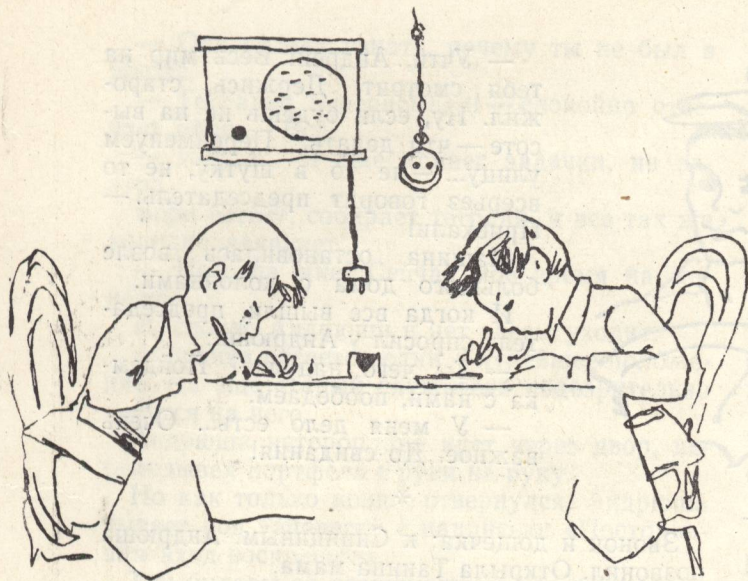
— Мама, пусть он уходит!

— Ладно, уйду... — засопел Андриюша... — Артистка беззубая!

*

Дома. Андриюша садится за стол, открывает задачник, листает тетрадь. А во дворе собирается футбольная команда. Свист, крики — это скликают запаздывающих игроков.

— Андриюха! Димка!

Андрюша крадучись закрывает окно и задергивает занавески.

— Быстро я? — входит запыхавшись Борис. — Ты уже учишь?

— Нет, тебя ждал! Садись...

Боря достает свои тетради.

— Может, с географии начнем? Или с русского? — неуверенно предлагает Андрюша.

— Да нет. Сначала решим задачи...

Андрюша покорно кивнул головой, но тут же подбежал к приемнику.

— О! Сейчас будут передавать второй тайм... «Динамо» — Тбилиси...

В приемнике — шип, треск и только. Боря откладывает задачник, смотрит на Андрюшу, но ничего не говорит. И Андрей, перехватив взгляд Бориса, неохотно выключает приемник.

— Сегодня очень ответственный матч! — словно оправдываясь, замечает Андрюша. Возвращается на свое место.

— Решим сначала вот эти, — предлагает Борис.

Андрей сидит подавленный. Вздыхает.

— Боря! Ты меня извини... Только заниматься я не буду.

— Почему?

— Надо было мне тебе сразу сказать... У меня... у меня у самого по арифметике пара. И вообще я самый последний врун. Никого я не подтягивал...

Андрюша прячет глаза, шмыгает носом.

— Андрюша! Да брось ты... Андрюша...

— Ты лучше кого-нибудь другого попроси...

А меня можешь презирать...

— Вот еще! Давай попробуем вместе... А? Вместе?

— Нет, ничего не выйдет...

— А мы начнем с самых легких... От простого к сложному!.. Вот хоть с этой? Ну?

Борис подсел к Андрею, придвинул свою тетрадь. Две мальчишеских головы склонились над столом.

...Бабушка развешивает на ограде палисадика зимнюю одежду. Подходит Малыш с собакой.

— Андрюша дома?

— Дома. Занимается. С артистом, из цирка.

— Из цирка? — загораются глаза у Малыша.

Он привязывает Тигра к ограде.

— Тубо! Пиль! Брек!

Пес рвется с поводка, не понимая, чего же от него хотят.

Малыш прибегает на пустырь, где ребята гоняют футбольный мяч. Путается под ногами у игроков, хватается за трусы, кричит.

Игра сорвана, мальчишки подходят к Малышу. Малыш захлебываясь сообщает новость. И зовет за собой. Команда покидает поле. Последним бежит Малыш.

К футболистам присоединяются еще ребята, те, что играли в лапту.

Во дворе переполох. Свистки. Открываются окна. Высовываются ребячьи головы.

Голубятники покидают свои вышки.

Девочки побросали скакалки и камешки.

Хлопают двери. Мелькают ребячьи ноги.

В Андрюшкиной парадной — толкотня. Дверь в квартиру приоткрыта.

Малыш снова впереди. Он приглашает зайти.

— Не бойтесь!

И, осмелев, ребята входят.

За столом — азарт научного спора.

— А теперь умножать! — кричит Андрей.

— Нет, делить, — настаивает Борис.

— Нет, умножать. Часы на километры.

— Километры на часы!

— Что на что?

— Ну, умножай. А я буду делить.

— А потом проверим!

— Проверим потом!

И каждый ринулся по своему пути — делить и умножать.

В комнату просачиваются ребята. Тихо-тихо, на цыпочках. Рассаживаются на диване, жмутся к стенке, садятся на пол. Все места заняты, а зрители все валят и валят.

— Меня, меня пустите! Я первый узнал! — кричит Малыш в коридоре. Его опять оттерли.

Андрей и Борис с высот науки возвращаются на землю.

Андрюша не верит своим глазам:

— Вы чего?

— Ничего! — пожимает плечами Димка, капитан футбольной команды.

— Кто вас пустил?

— Сами пришли. А разве нельзя?

— Мы только посмотрим! — пищит толстущка, улетающая пирожок с черемухой.

— Что тут смотреть? — закипает Андрюшка.

— Цирк! — хором отвечают ребята.

Андрей и Борис переглядываются.

— Цирка не будет! — решительно заявляет Андрюшка.

— Это еще почему? — возмущается Димка.

— А потому. Боря — джигит. Понятно? Он — высшая школа верховой езды.

— Ну и что?

— Лопух! Что же нам лошадь сюда привести, да?

Довод убедительный. Ребята огорчены.

— Зря только бежали...

Димка презрительно взглянул на Малыша.

— Эх, ты... Балаболка.

— А тарелки умеешь кидать? — спрашивает Дима.

— Умею. Только не кидать, а жонглировать!

— Если на лошади нельзя, давай хоть тарелки... — милостиво разрешает Дима.

Андрей быстро что-то шепчет Борису. И говорит ребятам:

— Ладно. Будет вам цирк!

Он снимает с кровати покрывало.

— Иди сюда. Ты и ты... Держите так...

Два самых высоких мальчика растягивают покрывало. Теперь это занавес. А за него Андрей уводит Борису. Потом выглядывает и отдает приказ.

— Считайте до десяти. И не подглядывать...

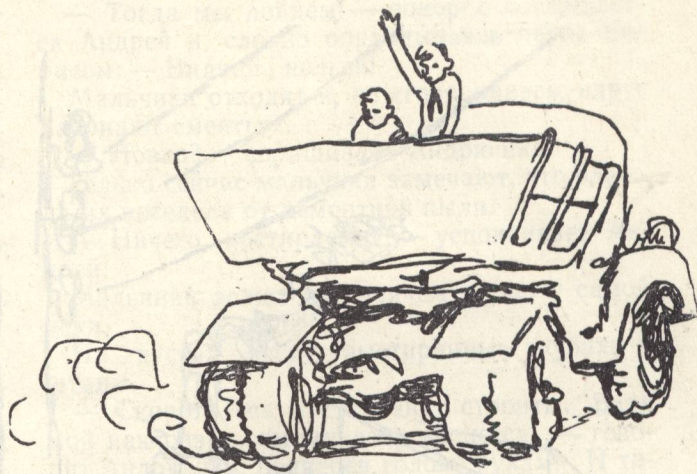
— Раз, два, три... — хором считают зрители.

Произносится «десять», а за занавесом тихо.

— Начинай! — кричат зрители.

Падает занавес — один из мальчиков отпустил конец.

— Где же они?

— Вот это да! — восторгается кто-то.

— Ребята, да они убежали!

Действительно, окно раскрыто.

— Обманули!

— Лови их!

Андрюшка и Борис перемахнули через забор... Бегут пустырем, сворачивают в переулок. Слышны крики преследователей.

Андрюшка выбежал на дорогу, наперерез огромному самосвалу. Поднял руку. Машина притормозила.

— Дядя Лева, спасай! — кричит Андрей.

— Садись, Андрюха!

Андрей и Боря по колесу забрались в кузов. Машина петляла по наезженной дороге, оставляя за собой дымовую завесу.

— Куда мы едем?

— На цементный завод. При строительстве номер два...

— Номер два — это секрет какой-то, да?

— Никакого секрета... Медеплавильный комбинат строят на правом берегу...

Машина въехала на территорию цементного завода.

Хозяином Андрей разгуливает по заводскому двору.

— Привет, товарищ гвардии сержант! — поздоровался он с одноруким крепышом.

— Здорово, Крутиков-младший. Все растешь?

— А разве заметно?

— Заметно, брат!.. Ну, бывай... — И однорукий крикнул шоферу: — Прихвати меня на участок!

— Самый главный подрывник! Камень рвет на Большом карьере, — доверительно сообщил Андрей.

— А руку ему... тоже на карьере? — спросил Борис...

— Нет, это еще на войне. Он сапером был,

вместе с моим батей... Пошли на вышку! Оттуда весь наш город, как на ладошке...

— А пустят?

Их пустили. Охранница, здоровущая тетя, даже обрадовалась:

— Что же ты не захаживаешь Андрюшка? Ай, забыл свою вторую мамку?

— Некогда, тетя Нюся. Знаешь, сколько уроков задают!

— Твои-то пишут?

— Пишут...

— А чего пишут?

— Жара там 30 градусов в тени... И процедуры...

— Как же они выдерживают?

— Акклиматизировались. Тетя Нюся, мы поднимемся?

— Только аккуратней там!

— Ладно, не впервой!

И ребята застучали по винтовой лесенке наверх.

— Скажи, а почему она себя второй мамой называет?

— Тетя Нюся-то? Да так. Я у нее под присмотром был, еще маленьким... Родители работали, а она с малышами возилась. Её так и звали: «Тетя Нюся — детский сад».

Ребята выбрались на площадку, огороженную решеткой.

— Гляди! — крикнул Андрюшка. — Круговой обзор!

И верно, отсюда видно всё, как на ладони. Город, с его прямыми улицами, трубы и корпуса завода, а дальше, за молодым леском, — степная ширь до самого горизонта.

— Соображаешь? Вон там — наша школа, а там вот — базар и цирк, видишь? — дирижирует Андрюшка. — А это моя улица.

— Да, я все хотел спросить... Тебя зовут Андрей Крутиков и ваша улица — Андрея Крутикова... Это что — однофамилец?

— Нет. Она в мою честь названа.

— А за какие заслуги?

— Ну, потому что я родился... — как само собой разумеющееся отвечает Андрюшка.

— Только потому, что родился? — не унимается Борис.

— Так я же здесь первый ро-

дился... В общем, самый первый ребенок... Вот строители и придумали... Родился бы Левка Пелевин — его бы именем назвали... Он до сих пор завидует, что опоздал на месяц... А чему завидует? Да я бы с ним поменялся! Назвали, а теперь вот живи! И, главное, еще неизвестно, что из меня получится? Может, я никем и не стану.

— Ну, станешь, — успокаивает Борис.

— Может, и стану. Гагарин, наверное, тоже в детстве не знал, что он Гагарин...

Ребята перешли на другую сторону площадки. И перед ними открылась река.

А от башни на заречье перекинуты стальные тросы подвесной дороги. Как редкие бусины нанизаны на канаты ковши-вагонетки.

— Это для чего? — кивнул на дорогу Боря.

— Цемент подают на стройку, прямо с завода. Мощно придумано, а?

Андрюшка перемахнул через перила, подтянулся и прыгнул в вагонетку.

— Залезай! — кричит он Борису.

— Не попадет?

Мальчишки уселись рядом.

Вдруг где-то в первых этажах башни заурчали моторы. Вагонетка дрогнула и плавно двинулась к другому берегу.

— Андрюша! — рванулся Борис к перилам.

— Сиди! — вцепился в него Андрей. — Теперь — всё, попались.

Чуть покачиваясь, плывет вагонетка над рекой. Боря притих. А Андрею — хоть бы что.

— Мы попались, мы попались, ох, мы попались, бум, бум, бум! — поет он во все горло. — Повезло нам! На тот берег, знаешь, как трудно перебраться? Я тебе всю стройку покажу. Где медеплавилка будет, где прокатный...

Такая же башня, что и на левом берегу. Только здесь охраняет вход на вышку седенький старикан в поношенном морском кителе с надраенными пуговицами. Он сидит на лавочке у приоткрытой двери, между колен зажата берданка. Солнце разморило его, старик дремлет.

Андрюшка выглянул из-за двери, подал знак Борису: «Выходи». Ребята прошмыгнули мимо сторожа, но тот вдруг проснулся.

— Стой? Кто такие? — крикнул он.

— Это мы, дедушка! — спокойно ответил Андрей.

— А, Андрей-воробей... — успокоился старик. — Опять здесь крутишься?

— Да вот, товарищу строительство показываю. Он просится на вышку, а я говорю — не положено.

— Правду сказал, не положено!

— Я говорю — охрана не разрешит!

— Нельзя туда — объект! Еще сверзнется, кто отвечать будет?

— Тогда мы пойдем! — покорно соглашается Андрей и, словно оправдываясь перед Борисом: — Видишь, нельзя!

Мальчишки отходят и, не сговариваясь, вдруг начинают смеяться.

— Ловко? — спрашивает Андрюшка.

Только сейчас мальчишки замечают, что одежда их поседела от цементной пыли.

— Ничего, постираемся! — успокаивает Андрей.

Мальчишки лежат на горячем песке, у самой реки.

На кустах висят выстиранные рубахи и штаны.

— Скоро здесь мост начнут строить... Батя мой как раз к самому делу вернется... — говорит Андрюшка, подперев голову руками. И тихонько вздыхает.

— Он кто у тебя?

— Монтажник.

— А ты кем будешь?

— Даже не знаю...

Андрюшка перевернулся на спину, раскинул руки. Высоко в небе стоят, тесно прижавшись друг к другу, облака-барашки.

— Мне много кем хочется... И шофером... И подрывником... И как батя... А теперь еще охота в цирке работать.

— А я знаешь, чего бы хотел? — раздумывает Борис.

— Чего?

— Строить что-нибудь... Например, дороги...

— Охота была — землю копать!

— Да нет. Не простые дороги — особенные. Представляешь, вместо рельсов — прорыть каналы... Как на Марсе. На тысячи километров. И пускать по ним реактивные катера...

Андрюшка сел.

— Сам придумал?

— Сам.

— Мощь! Постой, а как же цирк? Бросишь?

— Не знаю, может быть... А нам не пора домой?

— Рано еще, успеем...

— Нет, Андрюшка, надо возвращаться...

— Эх, жаль...

Андрюшка схватил одежду. Гимнастерка и брюки стоят колом. Тоже самое у Бориса.

— Вот это да! Как броня! — удивился Борис.

— Зацементировались! — постукивает Андрюша по гимнастерке.

— Как же мы завтра в школу пойдем?

*

В классе, перед началом урока. Возле парты Левы Пелевина — хохот. Лева рисует карикатуру в стенгазету. Называется

она «Слон и Моська». Слон как слон, а моська очень похожа на Крутикова.

— Здорово схвачено!

— Ты ему щеки, щеки побольше нарисуй...

— И нос курносый!

И вдруг в класс врывается Зина.

— Ребята, ребята, что я вчера видела! Крутиков бежал через весь город раздетый...

— Голый? — удивился кто-то.

— Не совсем, но почти... Я спрашиваю, в чем дело, а он говорит: тренируюсь. Но я сразу поняла, что он врет... И вместе с ним был новенький из цирка, в таком жутком виде, что жалко смотреть. По-моему, Крутиков плохо на него влияет.

— Подожди, подожди. Давай по порядку! — требует Коля. — Почему Крутиков на него плохо влияет?

— Да разве он может на кого-нибудь влиять хорошо? Даже смешно!

В класс входят Боря и Андрюша.

Их встретило остороженное молчание.

— Мальчики, почему вы не в форме? — строго спросила Леночка

— Так! — отвечает Андрюша.

— У меня ее нет! — отвечает Борис.

— Но вчера ты был в форме, мальчик.

— А сегодня у меня ее нет! — упорствует Борис.

— Видите, видите... Что я говорила! — кричит Зина.

Танечка подходит к своей парте и видит, что ее место занято незнакомым мальчиком.

— Мальчик, здесь мое место!

Боря хочет встать, но Андрей удерживает его.

— Сиди! Тебя Анна Васильевна посадила! А ты погуляй!

— С тобой я вообще не разговариваю! — презрительно смотрит Танечка на Андрюшу.

В класс входит учительница.

— Здравствуйте, ребята!

— Здравствуйте, Анна Васильевна.

— Садитесь!

И когда все сели, учительница замечает Таню Синицину, которая стоит в проходе.

— Ах, да. Синицина... Ты осталась без места?

Боря встает.

— Анна Васильевна, разрешите мне сидеть с Крутиковым?

— Потому что ему так хочется? — улыбается учительница.

— Нет... Он... Он мне помогал вчера... по арифметике! И кроме того...

По классу прокатился смех.

— Тихо! — строго посмотрела учительница. — Ну, хорошо... Если вы занимаетесь

вместе, сидите. Таня, ты ведь и раньше просила пересадить тебя. Вот и садись с Катей...

— Пожалуйста, Анна Васильевна, — и гордая Таня идет на новое место.

— Кто не приготовил домашнее задание? — спрашивает учительница.

Класс молчит.

Учительница идет по рядам.

— А вдруг у нас что-нибудь не так? — шепчет Андрюша.

Анна Васильевна подходит к мальчикам. Смотрит тетрадь Бориса. «Четверка» — выводит ее карандаш.

Андрюша робко протягивает свою тетрадь. Строгое лицо учительницы. Класс ждет. Должна же быть справедливость, но, очевидно, на свете что-то произошло.

— Молодец, Андрюша. Четыре! — нарочно, чтобы слышали все, говорит учительница.

Сияющее лицо Андрея.

— Ты передал бабушке, что я хочу ее видеть? — тихо спрашивает учительница.

Андрей мгновенно мрачнеет.

— Анна Васильевна... — тянет он.

— Сегодня я зайду после уроков.

И учительница отходит к следующей парте.

— Ну, что ей еще надо! Все равно я больше тройки не получу по контрольной...

Дома.

*

Андрюша бросает портфель на стол, фуражку — на крючок и проходит на кухню, где бабушка чистит картошку.

— Бабушка, который час?

— Третий, сейчас обедать будем! — отвечает бабушка.

— А ты куда не пойдешь? — спрашивает Андрей.

— Куда же мне идти? И так — находилась за день!

— Бабушка, ты, наверное, устала... Тебе надо отдохнуть... — убеждает Андрей.

Бабушка смотрит на внука из-под очков.

— Бабушка, нельзя все время сидеть дома... Вот цирк, например, ты видела? Не видела...

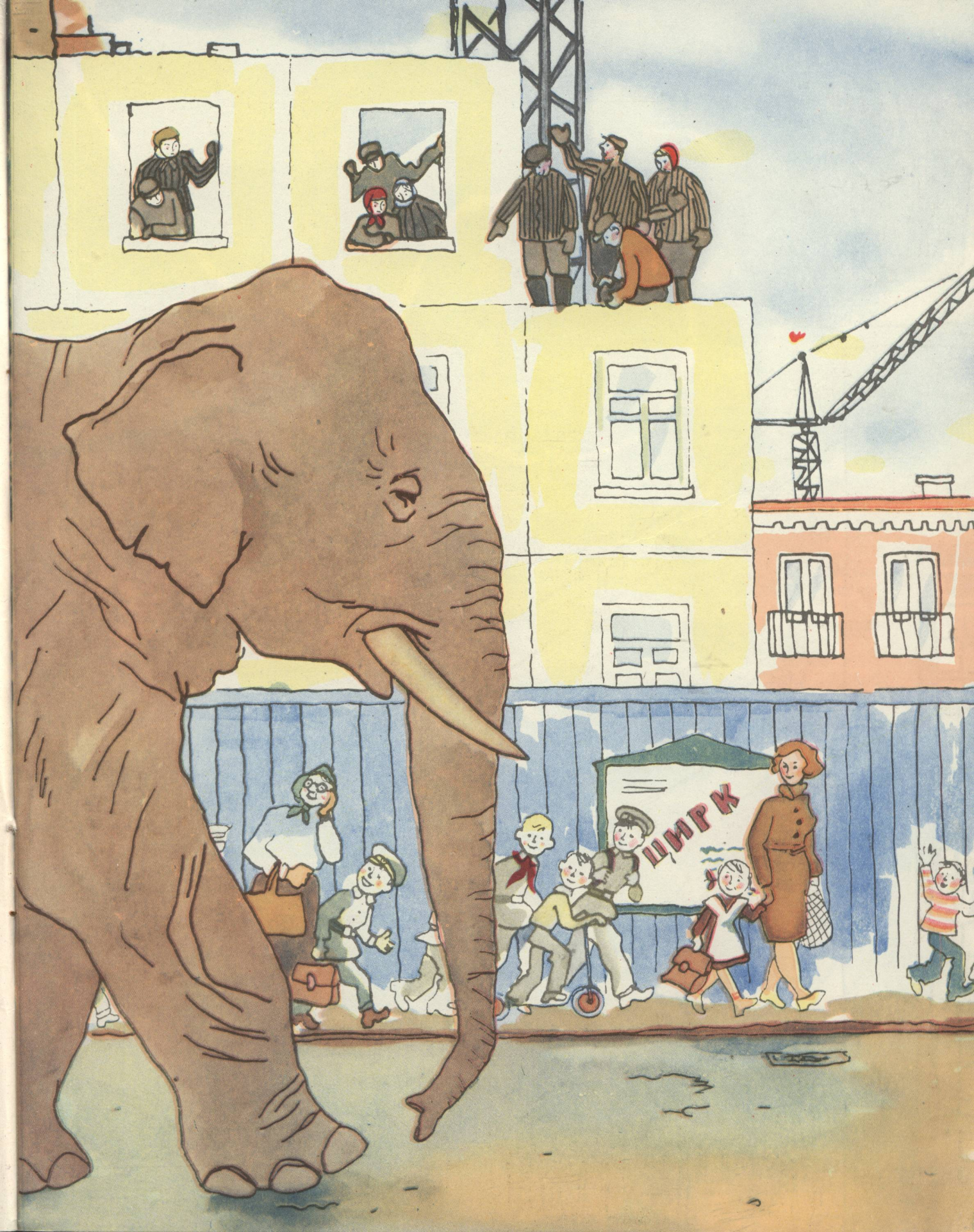
— Отстань...

— Как хочешь! — вздыхает Андрюша. — А в баню не пойдешь?

— Вот я тебе покажу сейчас баню... — теряет терпение бабушка. — Собственный внук из дома гонит! Люди, да что же это такое?

Андрюшка улетучивается.

В передней стоит ящик с отцовскими инструментами. Андрюша тихонько, чтобы не слышала бабушка, вытягивает кусачки и выходит на площадку лестницы. Он осматривает проводку.

За этим занятием и застает его Малыш. Он пришел с Тигром. На Тигре — голубой бант.

— Звонок испортился? — спрашивает Малыш.

— Помалкивай! — цыкает на него Андрей.

— А я к тебе... По делу! Вот в цирк хочу поспутать! — сообщает Малыш.

Андрюшка хмыкает.

— Да ты понимаешь, что такое цирк?

— Мы же вместе были!

— А как там работают?

— Весело! — взвизгивает Малыш.

— Цирковые артисты — это... это все равно, что рабочий класс, понял? Знаешь, как они вкальывают? Каждый день, по две смены... До седьмого пота!

Андрей тихо свистнул... Он замечает, что через двор к их парадной идет учительница.

— Смойся! — приказывает он Малышу.

Андрюшка прикрывает за собой дверь. И рвет провод звонка.

Андрей приник к дверям. Прислушивается. И вдруг он слышит голос Малыша.

— Тетенька, у них звонок не работает.

Андрюшка на цыпочках отходит от двери.

В это время раздается стук в дверь.

— Андрюша, открой! — кричит из кухни бабушка.

Андрей стоит ни жив ни мертв.

Стук настойчивый. И бабушка сама идет открывать.

— Анна Васильевна? Проходите... Ах, да как же это... Кабы знала... Ах, ах... вот сюда, сюда пожалуйста. Ах, ах... — суется бабушка.

— Здравствуй, Андрюша! — входит учительница в комнату.

Андрей молча кивает. Смотрит, ждет.

Бабушка замешкалась в коридоре, снимая передник.

— Ты бы починил звонок... — тихо говорит учительница. И бабушке: — Вот, зашла проведать вас... узнать, как живете...

— А... не то, чтобы... одним словом... — поглядывая на Андрея, спрашивает бабушка.

— Нет! Андрюша учится неплохо... Мог бы, конечно, и лучше...

— Вот я и говорю — мог бы... — соглашается бабушка. — Вообще-то Андрюша старается... Мальчик тут один ходит к нему, уроки учить...

— Это я знаю! Ну, а как он ведет себя? Без отца? Слушается вас?

— Андрюшка-то? — переспра-

шивает бабушка, чтобы собраться с мыслями. — Так ведь, как сказать, иной раз слушается, а вот вчера вечером...

— Бабушка!

— А что? Вот я и говорю... Вчера-то вечером... тоже себя вел замечательно...

— Я очень рада! — поднимается учительница. — Проводи меня, Андрюша! До свиданья, Евдокия Павловна.

Улица «Андрея Крутикова».

Учительница и Андрюша идут рядом.

— Анна Васильевна, честное пионерское, я не виноват... Я стараюсь, хочу как лучше... А получается все наоборот... Наверное, такой уж я человек! Что я могу сделать! — вздыхает Андрей.

— Да-а... — сочувствует ему учительница. — А ты помнишь, как строилась наша школа? До занятий оставался один месяц. А школа была еще не выстроена. Помнишь?

— Помню.

— И тогда ваши родители решили отложить все дела, но достроить школу. И достроили. Это очень хорошо, что тебя многое интересует. Но бывает так, что надо отложить все дела. Для главного. Ты понял меня?

Андрюшка кивает.

— Дальше меня не провожай! — останавливается учительница. — Ну, что ты намерен делать?

— Я подтянусь. Подготовлюсь к контрольной.

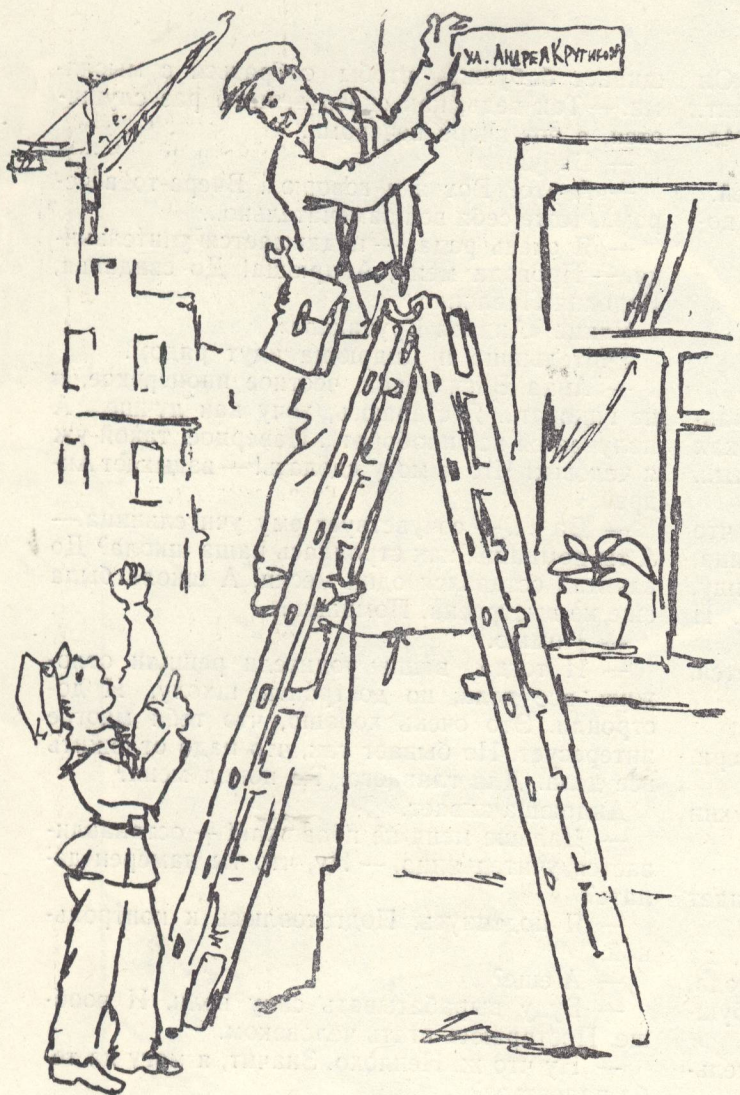
— А еще?

— Буду вырабатывать силу воли. И вообще. Постараюсь стать человеком.

— Ну что ж. Неплохо. Значит, я могу на тебя надеяться?

Андрюша поводит плечами, — дескать, что за вопрос?

— С этой минуты и начинай!
Учительница уходит. Через несколько шагов оглядывается. Андрей все еще стоит на прежнем месте. Но вот он пошел с видом человека, принявшего бесповоротное решение начать новую жизнь. Шаг его пружинист, брови нахмурены. Руки отмахивают, как на параде: раз-два, раз-два... И вдруг останавливается. Путь к новой жизни загороживает лестница-стремянка. Она приставлена к дому. «Тук-тук-тук!» — долбит кто-то у Андрея над головой.
Андрюшка видит, как какой-то парень, оседлав стремянку, на глазах у всех, среди бела дня, отрывает дощечку с названием: «улица Андрея Крутикова».
— Эй! Ты что! — кричит Андрюша.
Парень глянул вниз и продолжает свое дело.
— Кто разрешил? Мешает она тебе? — орет Андрей.

Парень рывком отрывает дощечку и бросает на асфальт. Не спеша спускается.

— Я... я милицию сейчас! — наступает Андрей.

— Дыши носом! — спокойно произносит парень. — Если хочешь знать, есть постановление Горсовета — сменить! Вот так!

И парень как ни в чем не бывало принимается копаться в сумке с инструментами.

— Сменить? — повторяет Андрей.

Он стоит, как громом пораженный. И понимает, что парень его не обманывает. Куда девался весь его бравый вид! Он как-то сжался, поник. Тихо поплелся к дому...

Если бы Андрюша остался еще на минуту, он бы увидел, как парень вынул из ящика дощечку. Сверкающую, эмалированную. Белым по синему четкая надпись: «улица Андрея Крутикова». И, обтерев рукавом, парень полез прилаживать ее на место старой.

Но Андрей ничего этого не видит.

...И вот сейчас он сидит за столом, обхватив голову руками. Перед ним — письмо.

«Папа и мама и бабушка! Пожалуйста, меня не ищите, потому что все равно не найдете. Я знаю, что сам во всем виноват, но жить в этом городе больше не могу. Но вы не беспокойтесь, я не погибну, а когда стану настоящим человеком, то сообщу свой адрес. До свидания. Андрей».

Андрюша стаскивает со шкафа вещевой мешок. Встряхивает его. Чихает. В мешок засовываются учебники, шапка-ушанка, трусы и майка, пересыпанные нафталином валенки, отцовская телогрейка, фотография всей семьи Крутиковых.

Потом из тайника извлекается коробка из-под «Казбека». На крышке чернилами написано: *на фотоаппарат.*

Андрюша пересчитывает свои сбережения. Тихо-тихо приоткрыл Андрюша дверь в комнату бабушки. Там темно. Андрюша закрывает дверь, взваливает на плечи мешок и выходит в темный коридор.

Он шмыгает носом, всхлипывает. Не легко все-таки покинуть родительский дом.

В этот поздний час улица пуста. Гулко раздаются шаги беглеца. Он шагает не поднимая головы. Тяжелый мешок сползает, то и дело его приходится подтягивать. Тень, свет, тень, свет... Это Андрюша переходит от дома к до-

му. И у каждого дома горит лампочка, как раз над табличкой с названием улицы. Но Андрюша не поднимает глаз. Наверное, там уже другое имя, имя более достойного человека...

Последний угловой дом. Если не взглянуть и сейчас, так, пожалуй, никогда и не узнаешь, как же теперь называется улица. И Андрей поднимает голову. Сияет новая табличка: «Улица Андрея Крутикова».

Андрюша протирает глаза. Нет, ему не снится. «Улица Андрея Крутикова».

Андрей бежит к соседнему дому. И там новая табличка. Еще один дом. И там тоже.

И тогда мешок взлетает в воздух — тяжелый мешок со всем имуществом. Взлетает и шмякается на мостовую. А на мешок садится счастливый Андрюшка.

*

Улица.

Лева Пелевин стоит у ворот нового дома. И, как пограничник с плаката, из-под руки смотрит на дорогу.

А во дворе на крыльце загорает вся бригада Крутикова. Носы нацелены на солнце, глаза зажмурены.

— Едут, едут! — бежит через двор Лева.

В ворота въезжает грузовик, нагруженный мебелью. На самом верху, держась за ножки стола, сидит Зина. Грузовик подрулил к парадной. Из кабины вышла учительница.

Крутиков скомандовал тихо: «Раз, два», и вся бригада крикнула в один голос:

— Анна Васильевна, с но-во-сельем!

— Спасибо, мальчишки!

— Анна Васильевна можно разгружать?

— Что вы, ребята... Вещи тяжелые... Сейчас придут рабочие...

— Анна Васильевна, у нас уже опыт... Мы целый корпус вселили, — говорит Андрюша.

И, не дожидаясь согласия, командует:

— Разгружай!

Бригада набрасывается на грузовик, отвалились борта, ребята разбирают связки книг, стулья, горшки с цветами.

К грузовику подходит Боря.

— Андрюша, на минуту...

— Ты чего опоздал? — подбегает к Борису Андрей.

— Мы уезжаем... — грустно произносит Боря.

— Куда уезжаем?

— В Кузьминку. Завтра... Весь цирк.

— Эх! Столько занимались! — вздыхает Андрюшка.

Мальчишки садятся на ящики. Молчат.

— Попроси, чтобы тебя оставили. У вашего главного. Хоть на три дня.

— Просил.

— Ну и что?

— У меня же номер! — разводит руками Борис.

— Ну и что! Номер! Ты ведь не только артист, ты еще школьник. Должны тебе создать условия для учебы?

Боря молчит.

— Слушай! Я знаю, что делать... Ты только скажи — хочешь остаться до конца занятий? Хочешь?

— Конечно, хочу!

— Тогда пошли! — вскакивает Андрюшка.

— Куда, Андрюша?

— Идем, я знаю, куда...

*

...Дощечка на двери: «Председатель».

Андрюшка робко входит в приемную.

Секретарша стучит на машинке.

Распахивается дверь, и в приемную заходит толстяк с портфелем.

— У себя? — спрашивает он секретаршу, кивая на обитую клеенкой дверь.

— Да! Там совещание...

— Доложите, Сурков! По личному!

И толстяк шлепает портфель на стул. Садится. Андрей подходит к секретарше.

— Доложите, Крутиков...

Из кабинета председателя выходит сразу несколько человек. Спорят о чем-то между со-

бой. Секретарша идет в кабинет. И когда появляется снова, смущенно произносит:

— Крутиков, войдите...

Андрюша входит в кабинет.

— Здравствуй, герой! Зачем пожаловал? — спрашивает председатель.

— Я по личному!

— Давай по личному.

— Друг у меня, Борис. На одной парте сидим... Послезавтра контрольная... А он уезжает.

— Постой, постой... Какой еще Борис?

— Я же говорю, на одной парте сидим... Он с цирком приехал... А сейчас уезжает! Перед самой контрольной.

— Из цирка, говоришь? Это который наездник?

— Он самый! — оживился Андрей. — Нельзя ему уезжать. Мы столько готовились... Он говорит — я в Кузьминке буду писать... А там, наверное, и школы-то еще нет.

— Верно, нет еще школы...

— Так что же ему, на второй год оставаться?

— Да, история! — размышляет председатель. — Что же ты предлагаешь?

— Я не знаю... Только надо ему создать все условия.

— Дело-то у тебя, выходит, не личное! — улыбается председатель. И снимает телефонную трубку.

— Кузьминку мне... Жду.

Андрей привстал с места.

— Кузьминка? Алексей Михайлович? Привет. Да, это я... Подожди, подожди, какой цемент... Тут дела поважнее... К вам цирк приезжает... Ждете? Нет, завтра не придет. Не придет, говорю, завтра. Денька через четыре будет у вас...

— Вы ему про контрольную скажите! — шепчет Андрей.

— Здесь у меня товарищ Крутиков, и мы решили цирк задержать. Крутиков, да... Старожил наш... Причина? Причина серьезная, контрольную надо писать... Ведущему артисту... Какую контрольную?

— По арифметике! — подсказывает Андрей.

— По арифметике! Короче, получишь официальное уведомление. А цемент мы вам дадим... Дадим, дадим... Присылай представителя.

У подъезда ходит Борис. Три шага туда, три шага обратно. Останавливается. Вздыхает.

— Борис! — бежит ему навстречу сияющий Андрюшка.

— Ну!

— Порядок! Остаешься!

— Не врешь?

— Честное пионерское Эх, теперь бы нам еще контрольную написать!

*

Класс. Тишина.

Учительница медленно идет по рядам. Останавливается возле Андрея и Бориса. Андрюша с мольбой смотрит на учительницу. Та заглядывает к нему в тетрадь и одобрительно улыбается.

Таня Синицына вскакивает из-за парты, подходит к учительнице, сдает свою тетрадь. И гордая выходит из класса: «А все-таки я первая написала!»

Сдает тетрадь Лева Пелевин. И Коля.

Борис заглядывает в контрольную друга. И, успокоенный, поднимается. Отдает тетрадь учительнице.

— Ты проверил? — тихо спрашивает она.

Боря кивает. Выходит из класса.

В коридоре мечется встревоженная Танечка.

— А я говорю тридцать два, тридцать два...

— Нет, триста двадцать! — настаивает Коля.

— Боря! Скажи! — кинулась к нему Танечка. — Сколько у тебя получилось?

— Триста двадцать!

— Точно! Триста двадцать! — говорит Андрюша. Он только что вышел из класса.

— Мамочка!

Глаза у Танечки стали совсем круглые.

— Вот, а не хотела со мной заниматься! Ну, ничего. На следующий год я тебя подтяну!

Мальчишки гордо шагают по улице. Шпарит солнце. На углу продают мороженое. И мальчишки покупают мороженое.

— По две порции!

На следующем углу торгуют газировкой.

И они берут газировку.

— Два двойных!

А Несчастье идет с ними рядом. Оно несет банку с клеем и кисть. И на глазах у ребят, мазнув кистью по цирковой афише, налепляет зловещую полоску бумаги.

«СЕГОДНЯ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ»

Потом Несчастье закуривает и шагает дальше — делать свое черное дело.

Ящик с надписью — «Цирк — Шалито».

Два носильщика подхватывают его с тележки и переносят в товарный вагон. Возвращаются за следующим. А за тележкой стоит Малыш. Авоська со свертками висит у него на плече, в руках поводок с Тигром.

У седьмого вагона собрался весь четвертый класс. Борис уже в вагоне, у открытого окна.

— А где же Андрюша?

— Не знаем!

— Друг называется. Даже проводить не пришел! — так, чтобы все слышали, говорит Танечка.

А Андрюшка бежит по платформе. Останавливается у вагона, заглядывает в окна.

— Скорый поезд отправляется через три минуты. Повторяю: скорый поезд... — хрипит голос по радио.

Андрюша готов расплакаться. И вдруг он слышит:

— Андрюшка! Я здесь!

Это кричит Борис.

Андрей подбегает к окну, расталкивает ребят. Тяжело дышит. Протягивает сверток.

— Вот... на память...

— Что это?

— Алгебра! Арифметика-то кончается!

— От простого к сложному? — улыбается

Борис.

— От простого к сложному...

Это звучит, как клятва.

В вагоне шум. Мальчишеский крик, лай собаки. Проводник вытаскивает из вагона брыкающегося Малыша.

— Граждане, чей ребенок? — показывает проводник «зайца» всему честному народу.

— Мишка! Это же Мишка! — кричит Андрей.

Проводник вручает Малыша Андрюшке.

— Так ведь и уехать может дитя! Смотреть надо...

— Ты чего? — дергает Мишку Андрей.

— Все равно убегу в цирк... Все равно! — упрямо повторяет Малыш.

И вдруг поезд трогается.

— До свидания! До свидания! — кричат ребята.

— Ты пиши. Адрес помнишь? — спрашивает Андрюша. Он идет рядом с вагоном, не выпустив руки друга.

— Ага! Улица Андрея Крутикова, дом один, квартира два.

— Так ты пиши!

Поезд набирает скорость.

Андрюша бежит быстрее, быстрее и быстрее, только бы не отстать от вагона, и останавливается на краю платформы.

— До свиданья, Борь!..

Поезд уходит. Вот и последний вагон. Товарный. Раскрытые двери до половины забраны железной загородкой. И за ней стоит слон. Он поднял хобот, будто прощается...

САМЫЙ БОЛЬШОЙ В ЕВРОПЕ

В. Гатилин

Рисунки С. Петтинова

В ТРИСТА ТЫСЯЧ РАЗ ЗОРЧЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГЛАЗА

Рассказывают что несколько веков назад жил в Голландии человек, который видел так хорошо, что даже открыл звезду, дотоле неизвестную. Только много лет спустя ученые рассмотрели звезду и подтвердили его открытие...

А в наши дни астрономы даже в телескоп редко смотрят: не надеются на собственное зрение. За пультом управления астроном только контролирует работу прибора. Послушный «приказанию» гигантский глаз — главное зеркало — «на-

ходит» звезду и начинает неотрывно следить за ней.

Телескоп Галилея, изобретенный им более трех веков назад, сейчас показался бы нам подзорной трубкой Жака Паганеля: трубка диаметром в два с половиной сантиметра, две линзы, напоминающие стекла очков...

А чтобы соорудить телескоп, о котором пойдет речь, на Ленинградском оптико-механическом заводе выстроили корпус высотой с шестизэтажный дом. В ворота корпуса по рельсам въезжал паровоз, а за

ним — платформы с деталями грандиозного прибора.

Зеркало нового советского телескопа имеет такую светочувствительность, что смогло бы уловить свет спички, зажженной во Владивостоке, или могло бы проследить путь космического корабля на протяжении нескольких миллионов километров.

Сорок, шестьдесят, сто тонн весят отдельные части телескопа. И несмотря на это, гигантский инструмент работает с большой точностью.

Как удалось достичь этого?

ПОЛИРОВАЛЬНИК „ПРОПЛЫВАЕТ“ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ...

Самые опытные заводские мастера в нескольких тиглях варили стеклянную массу для будущего зеркала. Целых полгода остывала заготовка в печи. Температура печи ежедневно снижалась на несколько градусов. Специалисты называют этот процесс тонким отжигом. Иначе стекло остужать нельзя: оно станет хрупким, непрочным.

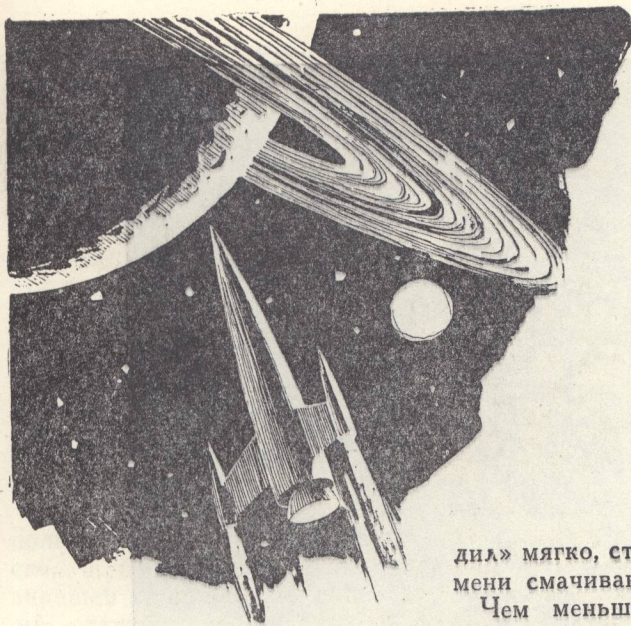
Остывшая пятитонная заготовка напоминала огромную голубоватую льдину толщиной в полметра. Ее привезли на завод, где уже стоял построенный

специально для нее шлифовально-полированный станок.

Заготовку положили в зале, и на двери появилось предупреждение: «Не входить!» В помещении стали поддерживать идеальную чистоту, строго определенную влажность и температуру. Отклонение даже на полградуса против режима было совершенно недопустимо: заготовка могла изменить свои размеры.

Полтора года продолжалась обработка, пока зеркало отполировали. Полировальник — это

металлический круг, который вращается и трется о поверхность стекла. От трения стекло постепенно стирается, шлифуется. Чтобы полировальник «хо-

дил» мягко, стекло время от времени смачивают жидкостью.

Чем меньше полировальник, тем легче он, тем тоньше обработка. Тысячи километров «проплавали» полировальники по заготовке, «слизывая» микрон за микрон. Если первый полировальник весил сотни килограммов, то шестой по счету не более ста граммов и его

диаметр равнялся семи сантиметрам...

Последние тысячные доли микрона лучший оптик завода Дмитрий Федорович Семенов снимал вручную. Этой операции не мог бы выполнить самый точный станок. Пять километров прошел последний полировальник в руках опытного мастера.

Еще нигде в мире такая огромная стеклянная деталь не была обработана с такой точностью. Отражающая поверхность зеркала напоминала формой своей гигантскую чашу, кривизну которой нельзя увидеть простым глазом.

ТЕЛЕСКОП ВЕДЕТ НАБЛЮДЕНИЕ

Телескоп перевезли из Ленинграда в Крым. Здесь для него построена башня с куполом. Между прочим, издали купол похож на шлем древнего воина. Купол вращается, когда труба телескопа наведена через смотровую щель на небо. В наблюдениях — перерыв, и щель наглухо закрывается забралом.

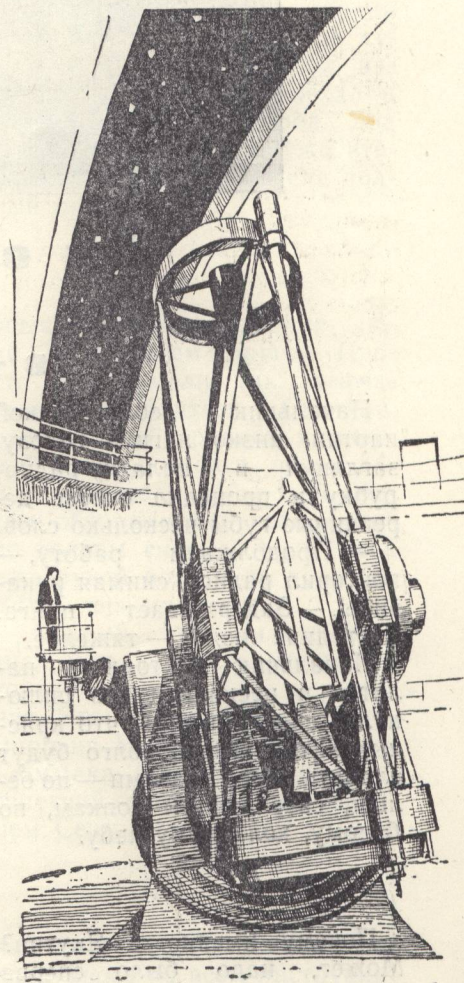
Вокруг башни посажены деревья: зеленая листва хорошо поглощает лучи солнца. Перегреваться башне вредно, и поэтому вся она опоясана солнцезащитными козырьками. Они создают панцырь, помогающий регулировать температуру воздуха.

От многих условий зависит точность работы телескопа.

Телескоп уже работает, ведет наблюдения. Первые снимки, полученные с помощью гигантского рефлектора, очень интересны ученым.

Вероятно, скоро весь мир узнает о том, что сумел увидеть внимательный глаз телескопа-гиганта в бесконечных просторах Вселенной.

Идет непрерывное изучение космического пространства, ведь штурм космоса уже начался, и астрономы должны помочь будущим космонавтам.

Он своего добьется

А. Страхов

В тот самый момент, когда...

Начальник геологической партии, низко нагнув голову, заглянул в палатку-радиорубку и процедил сквозь деревянные губы несколько слов.

— Продолжаем работу, — повторил радист, снимая рукавицы. — Задерживает цинга. Состояние людей — тяжелое.

Начальник постоял у палатки и несколько раз сплюнул в снег. Он знал, что красные пятна теперь долго будут плавать перед глазами — по белым, сверкающим сопкам, по белому, холодному небу.

Почему именно с Якутии? Может, надо было сперва вспомнить о Средней Азии, о желтых колючих песках, о го-

Первое, что он увидел, вернувшись к себе, была редиска. Она валялась на брезенте у самой койки — обыкновенная, розовая, с коротеньким тонким хвостиком. С одного боку к редиске прилипла земля.

— Галлюцинация, — подумал начальник партии и провел рукой по глазам, — совсем плохо дело, елки-моталки.

Он осторожно приоткрыл один глаз. Редиска по-прежнему лежала на брезенте, между

полевой сумкой и томиком стихов поэта Эдуарда Багрицкого. Рядом стоял открытый ящик с редиской и луком. На койке сидел коренастый человек с веселыми серыми глазами.

— Сюммак, — человек улыбнулся и протянул руку. — Ефим Васильевич Сюммак, научный сотрудник опытной станции в бухте Тикси. Я слышал — у вас цинга...

Так начинается этот рассказ.

Почему?

рячем ветре, о безжалостной лихорадке — и о первых вагонах риса, которые отправил с берегов реки Или рабочим Пе-

трограда молодой агроном Сюммак?

А может, стоило начать с того, как уполномоченный по

коллективизации Ефим Сюмак вместе с рабочим-путиловцем Сережей Ивановым отбились от кулацкой банды в темном глухом перелеске?

Или уж сразу рассказать о

том, как, стоя лицом к лицу с грозным казачьим атаманом Анненковым, Сюмак бесстрашно требовал вернуть крестьянам их земли?

Целую жизнь не расска-

жешь на журнальной страничке. И мы начали прямо с Якутии — потому что без Якутии было бы непонятно и все остальное — то, что случилось под Ленинградом.

А что случилось?

Ефим Васильевич Сюмак проработал на крайнем Севере двадцать лет. Двадцать лет он воплощал в жизнь завет Мичурина: не ждать милостей от природы, брать их у нее своими руками.

В зоне вечной мерзлоты, на полюсе холода — в Верхоянске, в бескрайней тайге, не знавшей других растений, кроме оленьего мха и лишайницы, Ефим Васильевич строил парники и теплицы, добиваясь высоких урожаев от коров, впервые попавших в такие суровые и холодные места. А главное — заставлял людей поверить в силу мичуринского учения.

Преобразить природу — это значит не только превратить пустыни в сады или изменить течение великих рек. Перед человеком стоят сотни и тысячи мелких и очень обыкновенных задач.

Сумейте надоить от каждой коровы лишний литр молока в день, и вы получите по всей стране целую молочную реку.

Сумейте получить с каждого гектара лишнюю сотню центнеров кукурузы, — и мы обгоним Америку по производству мяса и молока.

Сумейте продвинуть на север, пускай всего на несколь-

ко десятков километров, богатые витаминами овощи и фрукты, — и вы сохраните здоровье, а может быть, даже жизнь, многим тысячам советских людей.

Агроном-опытник Ефим Сюмак всегда стремился быть там, где труднее всего, там, где он мог принести больше пользы.

Вот почему, когда страна начала большую битву за кукурузу, Сюмак покинул насиженные места и приехал в Лугу, маленький город под Ленинградом. Здесь уже второй год кукуруза терпела полный провал.

Закаляйся!

То ли лето здесь было слишком короткое для южанки, то ли весна холодная, то ли уход не тот, что нужно, — но кукуруза не удавалась. Сто, сто пятьдесят центнеров зеленой массы получали с гектара в лучших колхозах, а что до початков, так их здесь никто и в глаза не видел.

Люди потеряли веру в хваленую южную культуру.

— Не для наших мест кукуруза, слишком она нежная да прихотливая. Лучше уж будем на стороне корма прикупать, чем с ней возиться.

Так перед Сюмаком — который уже раз в жизни —

встал новый вопрос: как приучить избалованную щедрым солнцем кукурузу к короткому и прохладному северному лету?

Может быть, это и в самом деле невозможно?

Попробуйте ни с того ни с сего окунуться в прорубь. Хорошо если на следующий день вы не свалитесь с воспалением легких. А ведь есть люди, которые купаются в проруби каждый день. Чем крепче мороз, тем у них больше охоты искупаться.

Что же это, люди такие необыкновенные? Нет, самые

обыкновенные, здоровые люди. Дело совсем в другом. Просто они сумели так замечательно закалиться. Сначала, наверное, обтирались комнатной водой до пояса, потом обливались холодной водой. Потом обтирали все тело с ног до головы снегом. А от снега уже рукой подать до проруби. Вот и весь их секрет.

Старый агроном хорошо знал, что закалить можно не только человека, но и растение. Этому учил Иван Владимирович Мичурин. Этому учил Сюмака и весь его двадцатилетний опыт работы на Крайнем Севере.

„Чудит старик...“

Ефим Васильевич намочил семена кукурузы, а когда они проросли, положил их на де-

сять дней прямо в снег. Таки-ми закаленными семенами он засеял свой опытный участок

на целый месяц раньше, чем полагалось по всем инструкциям и научным пособиям.

— Чудит старик, — говорили лужские агрономы, — лето решил продлить кукурузе, а не возьмет в толк, что она давно уже погибла в холодной земле.

И продолжали сеять кукурузу так, как положено: в начале июня.

Но подошла осень, и агрономы только в смущении разводили руками: у них кукуруза вышла хуже прежней, а Сюммак получил спелые початки, кукуруза поднялась у

него во дворе в человеческий рост.

Вы скажете: ну, теперь ясно, кто прав, а кто нет. На следующий год, конечно, все лужские колхозы стали сеять кукурузу по методу старого опытника.

Вы скажете так — и, к сожалению, ошибетесь. Есть еще у нас люди, для которых привычка милее нового, свежего дела. Нашлись у Сюммака сильные противники. Они никак не хотели верить, что про-

стой агроном, да еще пенсионер, может придумать что-то более толковое, чем целые министерства и научно-исследовательские институты.

И по району был отдан суровый приказ: сеять по инструкции, а Сюммака считать фантазером, которому просто один разок повезло.

Но уж такая у нас страна, что новое и справедливое всегда и во всем пробивают себе дорогу.

Такая уж у нас страна

— Это что у вас? — сердито спросил научный сотрудник крепкого старика с веселыми серыми глазами.

— Это у нас ранний посев кукурузы, — улыбаясь ответил старик. — Решили все-таки получить высокий урожай не на огороде, а на большом поле.

— Кто разрешил? По какому праву? — рассердился научный сотрудник. — Ведь у меня в брошюре ясно сказано...

Но в это время кто-то позвал: «Ефим Васильевич!» — старик повернулся и быстрым, уверенным шагом пошел прочь.

— Безобразие! — пробормотал научный сотрудник, усаживаясь в машину. Я вам покажу! Я не допущу...

С этими словами он и уехал.

Партийные руководители района рассуждали иначе. Они решили дать возможность старому опытнику показать свой метод выращивания кукурузы на практике. И результат превзошел все ожидания: на участках, засеянных закаленными семенами, собрали до девяносто центнеров с гектара — в шесть раз больше, чем получали по старому методу!

Сейчас Лужский район занимает по кукурузе первое место в Ленинградской области. А старый мичуринец Ефим Васильевич Сюммак не успокаивается: сегодня на отдельных участках он добывается урожай в полторы-две тысячи центнеров зеленой массы и початков с гектара.

Два медведя в одной берлоге

Кроме того, Ефим Васильевич проводит новый смелый опыт: в совхозе «Серебрянский» он засеял пятьдесят пять гектаров кукурузой вперемежку с сахарной свеклой. Вы скажете: как же так? Разве растения не помешают друг другу?

На деле получается, что не только не помешают, но даже принесут друг другу большую пользу. Когда кукуруза про-

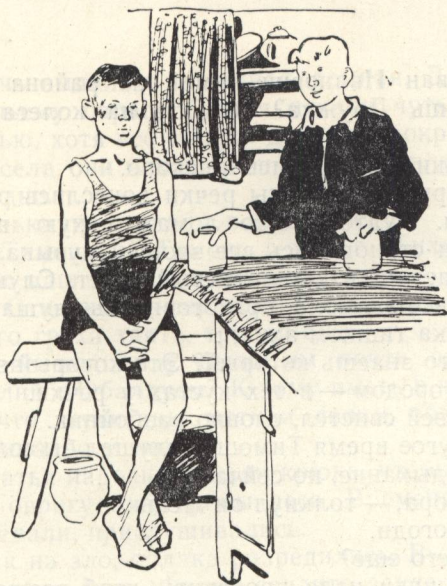
растет, она очень чувствительна к холодным восточным и северным ветрам. Но как раз в это время широкая молодая ботва сахарной свеклы защищает кукурузные посевы, прикрывает их, как одеялом.

А когда наступает жаркое лето и кукуруза становится выше и крепче, она в свою очередь начинает оберегать свеклу от солнечных ожогов.

В результате и та и другая дают хороший урожай.

Всего в этом году Сюммак взял шефство над 250 гектарами кукурузы. С каждого гектара нужно получить не меньше 500 центнеров зеленой массы!

Можете быть уверены — он своего добьется.

Н о ч ь ю

*Александр Пучинов
Рисунки Н. Лямина*

Воскресенья Тимошка ждал нетерпеливее других. Можно ли не ждать торжественной линейки и костра, посвященных окончанию учебного года, особенно, если тебе поручают зажечь костер?

Тимошка распирало от гордости.

На заготовку сучьев, елового лапника и прочих горючих материалов он мобилизовал всех трудоспособных младшеклассников. И помощником своим назначил, конечно, двоюродного брата Леньку.

Дорога, пролежавшая от Замошьяго леса до Сорочьяго оврага, вскоре стала похожей на муравьиную тропку. Ребята сновали туда-сюда, волоча всякий мало-мальски годный сучок.

Костер обещал выдаться на славу.

И вдруг — тревога! Весть о ней принес вездесущий и всезнающий Ленька.

Оказывается, двое исключенных из школы хулиганистых парней задумали сорвать торжественную линейку. По соседству они приготовили свой костер — побольше школьного и, конечно, собрались зажечь его именно тогда, когда директор начнет речь. Наверняка ребята кинутся к большому костру...

Все это Ленька разведal в субботу, накануне торжества.

— Айда к пионервожатой, — предложил он.

— Нет! — отрезал Тимошка.

— К директору?

Нет, в Тимошкины расчеты это не входило. Если те парни узнают, кто раскрыл их затею, — расправы не миновать. Скольким ребятам в

деревне досталось от Виталия, прозванного «Тихим ходом» и от Васьки-обалдуя!

— К директору не годится, — решительно сказал Тимошка, — думай, соображай.

— Не соображается чего-то, — вздохнул Ленька.

Братья совещались в Ленькином доме, и младший вел себя по-хозяйски.

— Есть охота. Давай поедим.

— Погоди, — отмахнулся Тимошка.

— Чего годить? Знаешь, как от простокваши соображается? Это мой батя говорит. Во!

Ленька принес из сеней две банки простокваши. С минуту колебался — которую дать Тимошке. Протянул большую.

А когда Ленька ел, то для него на свете ничего не существовало. Еда захватывала мальчишку целиком. Отхлебнет Ленька несколько глоточков, посмакует, затем пальцем смахнет остатки сметаны с краев посуды и оближет его. Какой блеск изливала при этом Ленькины глаза!

Тимошка, не притронувшись к своей банке, нетерпеливо спрашивал,

— Ну как соображается?

Ленька не спешил с ответом. Доел простоквашу, погладил себя по животу и вдруг изрек:

— Ночью спалим Виталькин костер. Во!

Тимошка не сразу оценил смелую Ленькину мысль.

— Сдурел ты? Не знаешь Виталия и Ваську? Они ж так надают, что не встанешь.

— Слабак, — хмыкнул Ленька, — боишься?

— Кто, я? — вспыхнул Тимошка. — Боюсь?

Ленька на всякий случай отодвинулся от брата.

— Мы ж никому не скажем, что спалили. Откуда они узнают?

— Да, ты не скажешь. Как же...

Тимошка ворчал, но уже представлял себе, как ловко могло все получиться, если действовать осторожно и не болтать. Кто заподозрит их?

Ленька обычно подавал лишь идею, а развивал ее и составлял подробный план действий Тимошка. Так было и теперь.

Тимошка не без ехидства сказал:

— Сам струсил.

— Чего?

— Поклянись.

— Как?

— По-молодогвардейски...

Ленька мотнул головой:

— Я лучше честное пионерское дам.

— Так-ты же не пионер.

— Буду!

Тимошка усмехнулся:

— И комсомольцем будешь?

— Еще каким! — пристально, серьезно посмотрел Ленька на брата. — По всяким пустякам честным словом кидаться нечего. Не бойся, не струшу.

* * *

Ленькино донесение подтвердилось. «Тихий ход» с «Обалдуем» уже заготовили костер — куда больше школьного, ловко расположив его в зарослях ивняка неподалеку от лужайки, где предполагалось провести линейку.

Виталий с Васькой хитро все задумали. Это, видите ли, самодеятельный костер. Никого они к себе не зазывали и не принимали. Вот прохвосты. Но не поколебался Тимошка в своем решении: во что бы то ни стало костер уничтожить. Одного не знал — как ему с Ленькой отправиться в ночную операцию совершенно незамеченным. Чтобы даже домашние не знали.

— Чепуховина, — уверенно заявил Ленька. — Потом пускай от отца достается, зато знаешь, как гореть будет? Искры на километр полетят. Во!

Пришлось охлаждать его пыл.

— Ты что, думаешь, мы для себя их костер поджигать будем? — принялся вразумлять Тимошка брата. — Это мы для всех.

— А то как же, — не возражал Ленька, — а искры все равно полетят! — Он взмахнул руками, показывая, как полетят искры, и добавил: — Ты ночуй у нас, скажи, что барабан нужно починять.

— А врать зачем?

— Трудный ты человек, — вздохнул Ленька. — Ну, не ври, давай по-настоящему чего-нибудь починять.

— Это другое дело...

Конечно, ничего они не починяли. Остаток вечера провели в нетерпеливом ожидании: скоро ли улягутся и заснут Ленькины отец и мать?

Петухи, словно одержали победу над всем миром, — так раскричались. Собаки и те брехали осторожно, должно быть, не желая мешать петухам.

В темноте Ленька ткнул губами в Тимошкино ухо и жарко задышал:

— Слышишь, Тимош, как агрономов петух дает, слышишь?

Тимошку не интересовали петухи. Он отодвинулся от брата.

Потом петушьи восторги умерились. Наступил собачий час.

Как бы сигналом начинать его послужил нарастающий рокот мотора.

На улице собаки с неистовым лаем атаковали машину.

Ленька знал всё. Зашептал снова:

— Иван Иванович домой из района едет. Слышишь Дружка? Это он на колеса бросается!

Собаки угомонились не скоро.

И вдруг со стороны речки донеслись резкие щелчки. Будто кто-то ломал сухую палку. Щелчки становились все звонче, музыкальнее, потом перешли в заливистый свист. Слушайте все! И всё замерло, приготовилось слушать.

Ленька тишком ахнул:

— Это знаешь который? Это который за вашим огородом — в тех кустах у речки.

Соловей свистел, словно разбойник.

В другое время Тимошка слушал бы соловья, затаив дыхание, но сейчас...

— Пора, — толкнул он Леньку.

— Погоди.

— Чего еще?

— Спички надо проверить, чтоб все-всегодились.

— Вольтычик! Там проверим.

Тимошка бесшумно сполз с кровати и так же бесшумно, босой, выскользнул в сени. Обувался в темноте.

Ленька чего-то мешкал.

«Заснул, значит, — в сердцах подумал Тимошка. И решил: — Ну его, пойду один, — но тут же сообразил: — спички у Леньки. Ох, простоквашник!»

Со всеми предосторожностями Тимошка приоткрыл дверь, и в тот же миг в избе что-то загрохотало...

Тимошка замер.

Из горницы донесся голос Ленькиной матери:

— Что вы там колобродите?

— Пить охота, — невозмутимо ответил Ленька.

Он неуклюже протиснулся в сени, больно наступив брату на ногу.

И все эти выходки приходилось сносить Тимошке. Ведь сегодня на нем лежала большая ответственность. Огромнейшая! Ничто не могло помешать ему выполнить долг перед товарищами.

* * *

...Они пошли через огород тропинкой, ведущей к речке.

Ленька, чувствуя себя виноватым, оправдывался, скулил:

— Я не нарочно. Я хотел взять булку, а ведро само скатилось.

— Обжора и есть, — презрительно кинул Тимошка.

Ленька чуточку посмелел, предложил:

— Хочешь булки? Знаешь, какая мягкая?

— Отвяжись.

Ночь выдалась облачная, темная. Дорогу к Сорочьему оврагу братья искали чуть ли не ощупью, хотя все стежки-дорожки вокруг родного села они исходили и знали каждую превосходно.

Ленька приставал с вопросами:

— Тимош, ну Тимош, а вдруг «Тихий ход» сейчас наш костер подпаливает?

— Отцепись, — сердился Тимошка.

Чего греха таить, трусил он.

Разве под силу были им почти взрослые Виталий с Обалдуйем? К тому иметь в виду надо, что хулиганы мстили своим обидчикам беспощадно и подло.

Братья нарочно давали крюка, чтобы подойти к оврагу со стороны леса. Временами они приседали, прислушивались.

Как на зло, облака разредились. Выглянула глазастая луна. Филин сердито заухал на луну: наверное, зачем она вмешивается в его филиновы темные дела.

Беспечный до того Ленька присмирел. Тут и ему стало не по себе.

Вот и овраг.

Пробираясь по густым зарослям лозы, мальчишки вдруг приметили на дне оврага огонь. Там горел небольшой костерок.

Это было настолько неожиданно, что Ленька даже не произнес своего обязательного «Во!»

Тимошка схватил его за ворот, пригнул к земле и лег сам.

Долго лежали ребята, не зная, что предпринять.

Снова заухал, захохотал филин, будто потешаясь над перепуганными ребятами. Это, пожалуй, и заставило Тимошку действовать. Он шепотом приказал:

— Зайдем с левого фланга, с подветренной стороны. Соблюдать полную звукомаскировку.

— Ага.

В иных условиях за такой невоенный ответ Ленька получил бы затрещину, но тут Тимошка стерпел.

— Вперед!

Они поползли.

Лучшие в мире разведчики могли бы позавидовать такому умению подкрадываться к неприятелю.

Тимошка с Ленькой залегли за пнем на косогоре. Отдыхались.

Неподалеку от темной груды хвороста, заготовленного противниками для завтрашнего костра, горел маленький костерок. Вокруг него расположились четверо: «Тихий ход», Васька-обалдуй и двое парней из соседней деревни Подлесье. Грозная сила!

Огонь от костра и луна хорошо высветили заговорщиков.

Тимошка шепнул:

— Не дыши!

А Ленька... До чего, все-таки, глупый. Он уже не боялся. Он не понимал, что грозило им.

* * *

У костра за предводителя был Виталий. Ох и любил же он врать! Отец его работал где-то далеко в Якутии на золотых приисках. И мать уехала туда же. Парня взялась воспитывать тетка, но что она могла поделывать со своевольным племянником, если тот слишком рано почувствовал себя самостоятельным. Отец часто присылал Виталию деньги на «карманные расходы», а тетка сначала не проверяла, на что Виталий тратил их. Когда же спохватилась — было поздно. Парень завел себе бесшабашных дружков, стал курить. Да что там курить!

Сейчас Виталий самозабвенно врал:

— Значит, приезжаю я вообще в Ленинград. Так? Дядя вообще встречает меня на своей «Волге». Так? У него и «Чайка» есть. Адмиралам вообще полагается по две машины. Так? Он сразу спрашивает меня: «Ты, Виталий, вообще в какое плаванье хочешь, в кругосветное или дальше?» Так?

Даже Обалдуй усомнился.

— Куда это дальше кругосветного?

— Обалдуй ты вообще и есть! — огрызнулся Виталий. — Куда это дальше? К Южному полюсу! Так? Приезжаю я вообще в Америку, а там уже знают про меня. Туда дядя вообще радио дал. Так?

Тимошке и раньше доводилось слушать беззастенчивое вранье «Тихого хода». Все знали, что никакого дяди-адмирала у Виталия нет.

Только не от вранья было сейчас Тимошке плохо. Очень осторожно квакнула поблизости лягушка. Он вздрогнул, словно его обнаружили.

А Ленька вдруг звонко хлопнул себя по лбу.

— Ты что? — сердито прошипел Тимошка.

— Комарье, — простонал Ленька, — едят меня.

Тимошка присмотрелся. И впрямь над братишкой роилась мошкара. Бедный Ленька! Комары всегда отдавали предпочтение толстяку, а тощего Тимошку не трогали.

Он стащил с себя куртку и укрыл Леньку с головой.

— Замри.

— Замираю, — отозвался Ленька, — я спички проверять буду. — Потарахтев коробком, он забормотал: — Одна... две... три. Эта не годится...

— Ш-ш...

Но Ленька продолжал бормотать:

— Восемь... девять...

На счете «шесна...» он утих.

Небо совсем освободилось от облаков. Посветлело. У комаров не оставалось, видно, выбора, и они накинулись на беззащитного Тимошку. А в добавление ко всем бедам Ленька принялся громко сопеть. Заснул.

Хорош помощник!

К счастью, заговорщики ничего не услышали.

В сердце Тимошки закипела ярость. В нем будто спорили два человека. Один, рассудительный, советовал: «Беги и расскажи обо всем директору, пионервожатой. А другой, насмешливый, дразнил: «Что, Тимоша, испугался? А туда же — я, я! Трус, вот кто ты!»

Не сразу заметил он, как на маковки деревьев, что возвышались над оврагом, полился дрожащий свет. Заметил — догадался: это от велосипедного фонаря!

На косогоре, совсем близко от Тимошки, выросла фигура велосипедиста, и рядом — силуэт огромного пса. Тимошке показалось, будто земля под ним стала мелко трястись. Дрожала, конечно, не земля, а сам Тимошка. От страха, — что собака учует его.

— Э-эй! — гаркнул прибывший велосипедист.

— Чего надо? — отозвался снизу «Тихий ход».

— Айда на танцы! Там драка началась.

Заговорщики вскочили, засуетились.

— Айда...

— Потеха!

Тимошка заплясал бы на радостях. Наконец-то повезло. Хулиганы уберутся. Но тут новый

приступ страха заставил его сжаться в комок и прикинуться к земле.

Пес зарычал, почуяв неладное.

Хорошо, что фонарь на велосипеде погас. С косогора он как раз осветил бы Тимошку и Леньку.

А пес уже порывался кинуться.

— Свои там, — успокоил собаку хозяин, — не узнал Обалдуя, что ли?

Тимошка чуть-чуть успокоился.

Вскоре беду пронесло. Голоса заговорщиков смолкли. Наступила неправдоподобная тишина.

Тимошка растолкал брата:

— Ушли — слышишь? Ты полежи малость, а я проверю. И пополз Тимошка. Часто замирал, прислушивался.

Ничто не нарушало тишины.

Когда он выбрался из оврага, — расслышал голоса, которые доносились теперь издалека.

Опротметью кинулся Тимошка назад, к Леньке:

— Давай спички!

— Пожалста, — зевая, Ленька передал брату коробок. — Двадцать три спичины.

Тимошка начал считать спички и вдруг почувствовал в пальцах: от одной... другой... третьей... отвалились размягченные головки.

— Отсырели! — простонал он, — где ты держал их?

Ленька опасно отодвинулся от брата:

— Я только посчитал их. Я их под пузо складывал. А зачем они отсырели?

И досталось же тут Леньке. Но он мужественно перенес наказание.

Тимошкин гнев постепенно унялся:

— Что теперь делать?

— Да, я не виноват, — забубнил Ленька, — я их не отсырял.

Хорошо, что Тимошка вспомнил про костерок, горевший недавно внизу.

— За мной! — скомандовал он.

На месте костерка, в кругу выжженной дровины, братья кинулись раскапывать золу.

Ленька оказался удачливей. Он нашел два маленьких, едва тлевших уголька.

Бережно соединив их, Тимошка принялся раздувать огонь. Напрасно. Погасли огоньки, а с ними — последняя надежда.

Всходило солнышко, облака уже подрумянились с восточной стороны. Вдали пелена тумана, будто растрепанное ватное одеяло, сползла в овраг. Сделалось холодно, сыро.

— Пошли, — зябко ежась, сказал Тимошка.

— Куда?

— За спичками.

— К вам?

— К нам нельзя. Бабка услышит.

— А у нас только один коробок был, — содрал Ленька.

— Ладно, помалкивай!

В Тимошкином голосе Ленька вновь почув-

ствовал малоприятную для себя твердость, поэтому он предпочел держаться от брата на расстоянии.

По крутизне напрямки оба выкарабкались из оврага и уныло зашагали к дому. Когда до села оставалось всего-ничего, из-за бугра внезапно показался пионерский отряд. Без сомнения, ребята под предводительством старшей пионервожатой Люси направлялись в тот же овраг.

— Прячься! — Тимошка успел толкнуть Леньку в кусты, облепивши обочину дороги. Залег сам.

Притаившись, они и подслушали горькую правду про самих себя. По голосам распознавали, кто говорил.

Люся на ходу допрашивала Васятку Долгополова:

— А ты шибко стучал?

— Барабанил ого-го, — объяснял тот, — сначала я к Тимошке стучался, так бабушка сказала, что он у Леньки ночует. А у Леньки батя сказал, что нету, обоих нету!

— Странно, — заметила Люся.

— Чего странного, — сердито заявил Косач, — Тимошка, он всегда индивиду. Это вы всегда: «Тимошка, Тима». А надо на совете отряда вопрос поставить: почему все не спали, пошли костер выручать, а Тимошка шлялся где-то? Потому что он индивиду, вот кто!

Тимошка чуть было не выскочил на дорогу и не закричал:

«Я же здесь! Я с вами...» Но обидное слово «индивиду» будто припечатало его к земле.

Отряд миновал место засады, удалился. До Леньки с Тимошкой доносились лишь обрывки фраз:

— ...мы оба костра вместе сложим.

— ...еще скажем «Тихому ходу» спасибо...

Понурые братья брели домой.

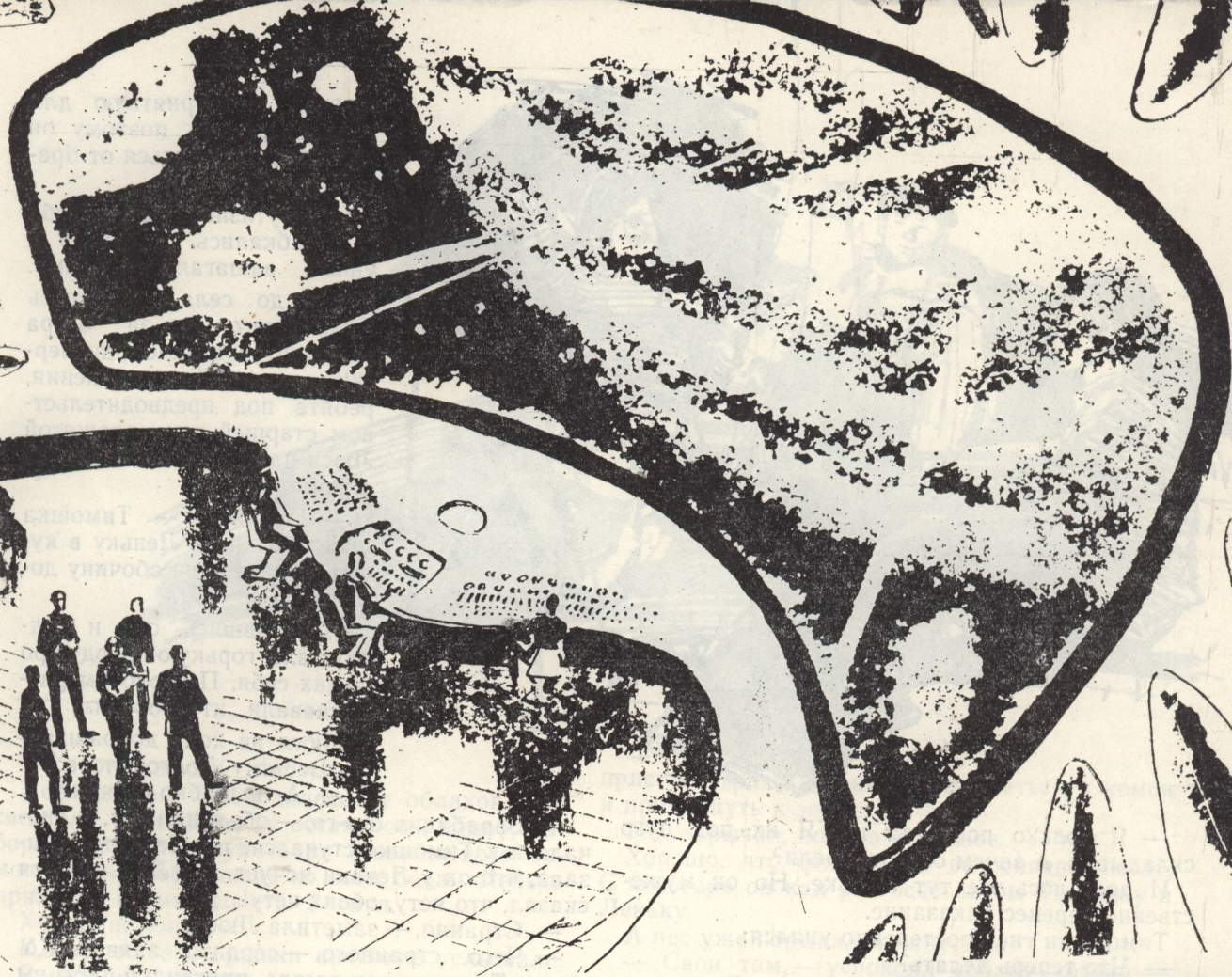
Ленька осторожно спросил:

— А что это — «индивиду»?

— Ничего, — огрызнулся Тимошка, — много будешь знать — скоро состаришься.

Ленька притворно вздохнул:

— Ну и не надо, не говори. Проголодался я из-за тебя. — Он похлопал себя по животу. И вдруг его физиономия расплылась в улыбке: — Пойдем, индивидучик, на ферму, маманя, поди, уже первую дойку начала.

В прошлых номерах журнала мы совершили путешествие на Марс и Венеру. Теперь нам предстоит побывать на Юпитере. Пожалуй, ни одна далекая планета не может похвастаться таким обилием загадок ...

ТАЙНЫ

А. Томилин

ЗЕМЛЯ — ЮПИТЕР

...Ракета с героическим экипажем, покинув Землю, уйдет к планете Юпитер. Конечно, такой старт будет еще не очень скоро, но произойдет непременно. Что ждет космонавтов на их нелегком пути?

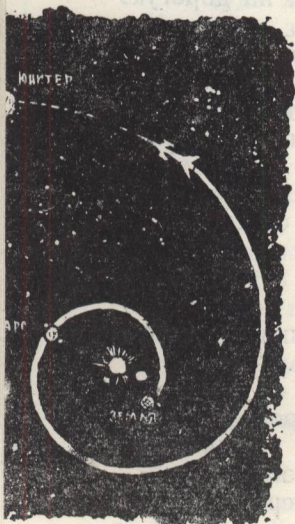
ПОЛЕТ БУДЕТ ДОЛГИМ! Не один год проведут люди в кабине плането-лета, прежде чем диск Юпитера закроет иллюминаторы корабля.

ОТ ЗЕМЛИ К МАРСУ. Долгий путь полон опасностей. Удаляясь от Марса, ракета должна пролететь через **ПОЯС АСТЕРОИДОВ**. Огромная **ТОЛЩА ЯДОВИТОЙ АТМОСФЕРЫ**: воздух Юпитера состоит из метана. Колоссальное притяжение, которое грозит расплющить космонавтов: стенки корабля защитят от его действия. **ПОЛЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНО СИЛЬНОЙ РАДИАЦИИ**, в сто триллионов раз более сильное, чем вокруг Земли.

Трудно предугадать все, что ждет космонавтов на планете, которая удалена от нас на миллионы километров...

Из чего он состоит?

По дороге к Юпитеру.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ СЕГОДНЯ?

Юпитер — самая большая планета солнечной системы.

Диаметр Юпитера больше диаметра Земли в одиннадцать раз. Объем Юпитера столь велик, что в нем могли бы поместиться почти 1300 земных шаров.

Загадка первая.

Когда ученым с большим трудом удалось измерить среднюю плотность гигантской планеты, оказалось, что она всего только на одну треть выше... плотности воды. Масса Юпитера только в триста восемнадцать раз больше массы нашей планеты.

ИЗ ЧЕГО ЖЕ ОН СОСТОИТ? Не может же целая планета представлять собой бездонный океан?

Результаты исследований неожиданны: самые сложные, самые точные приборы упрямо твердят, что **СОСТАВ ЮПИТЕРА... ВОДОРОД.**

Газ? Нет, не совсем. Чем глубже погружаться в недра планеты, тем сильнее давление. В центре оно достигает фантастической цифры: около семидесяти миллионов атмосфер... Под таким прессом **ГАЗ СТАНОВИТСЯ В ДВА С ЛИШНИМ РАЗА ПЛОТНЕЕ ЖЕЛЕЗА.** Вот так водород!..

Загадка вторая.

Юпитер в пять раз дальше от Солнца, чем Земля. Год его равен двенадцати земным. А вот обращившись вокруг своей оси этот гигант очень быстро. Сутки на Юпитере — всего девять часов пятьдесят минут.

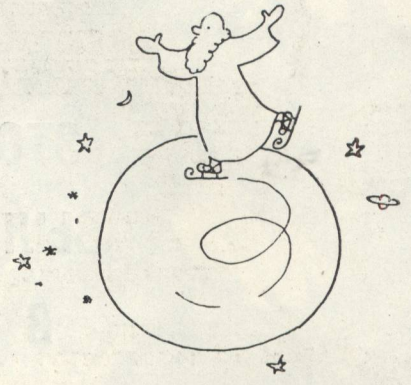
Если посмотреть на Юпитер в телескоп, сразу видно, что он **ВСЕ ПОВЕРХ ПОВЕРХ ПОКРЫТ ПОЛОСАМИ.** Широкие и узкие, тянутся они параллельно экватору, расплываются, как в небе облака. А может, это и есть облака? Ведь могут быть ураганные ветры и свирепые бури в мощной атмосфере огромной планеты?

Наблюдая за движением огромных облаков на эллиптическом диске Юпитера, ученые и определили скорость его вращения.

Впрочем, не все полосы переменчивы. Вот тут мы и подошли к новой загадке.

Загадка третья.

Триста лет назад впервые обнаружили большое **КРАСНОЕ ПЯТНО НА ДИСКЕ ЮПИТЕРА.** Удивительно было то, что в отличие от остальных, оно не меняло форму. Зато цвет его не оставался постоянным. Примерно сто лет назад пятно вдруг «вспыхнуло» и стало ярким, как море красных чернил, вылившихся из гигантской бутылки. А сейчас оно снова — бледное, даже рассмотреть трудно...

Температура на Юпитере ниже 100°

Почему диск Юпитера — эллипс?

Почему Юпитер полосатый?

ХОЛОДНОГО СОЛНЦА

Рисунки Б. Стародубцева

Красное пятно ведет себя очень агрессивно. Полосы бурь, тучи и облака никогда не закрывают его. Налетев на пятно, тучи рассеиваются, обходят пятно с севера или с юга, потом снова сливаются в мутную полосу.

ПОЧЕМУ ЮПИТЕР НАЗЫВАЮТ ХОЛОДНЫМ СОЛНЦЕМ?

В центре планеты не только огромное давление. Там очень высокая температура — почти **СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ГРАДУСОВ.** Если бы масса Юпитера была в пять раз больше теперешней, то он превратился бы в настоящее солнце, и светило бы оно не меньше нашего. Даже в небольшой телескоп **ДИСК ЮПИТЕРА ИМЕЕТ ЯРКО ВЫРАЖЕННУЮ ЭЛЛИПТИЧЕСКУЮ ФОРМУ.**

Множество загадок гигантской планеты ждет своего разрешения. Но сегодня легче предположить, что первые космонавты выберут для посадки не сам Юпитер, а один из двенадцати его спутников. Оттуда и произведут они научные наблюдения.

Конечно, это предположение касается только первого корабля-разведчика. Люди не успокоятся, они научатся преодолевать притяжение, сконструируют защитные экраны от радиации, и тогда **ХОЛОДНОЕ СОЛНЦЕ ПЕРЕСТАНЕТ БЫТЬ ЗАГАДОЧНЫМ.**

В обратный путь!

Посвящаю эти страницы комсомольцам и пионерам —
друзьям по Театру юношеского творчества.

ЭТО БЫЛО В МЮЛЛЮ- ПЕЛЬТО

Г. Платонова

На боевом посту.

ГРАНД-ОТЕЛЬ

— Интересное сооружение! Для средневекового замка, правда, тесновато...

— Шесть на девять, — авторитетно оценивает Юрка, расставив ноги на длину шага.

— Придется смириться с обстоятельствами и спать на жестких досках, называемых нарами. А эта круглая прореха в потолке возместит отсутствие окон... — говорит Саша Белов.

— Но это же великолепно! — рокошет Алеша Днепровский, заполнив собой весь проем двери. — Это же ничуть не хуже, чем у Робинзона Крузо! Братцы, это же... это же... гранд-отель.

Алеша победоносно поворачивается к мальчишкам и девчонкам, сидящим на узлах и чемоданах перед раскрытой дверью бывшего курятника.

Гранд-отель... Мы жили потом на берегу озера, в солнечном доме с множеством сияющих окон, но наш первый дом, наш мюллюпельтский гранд-отель забываем. Романтика самостоятельной жизни, жаркие споры шепотом после отбоя, репетиции «капустников» и новых песен, накаленные собрания совета лагеря, — все умещалось в тесных стенах гранд-отеля.

«КУХОННЫЕ МУЖИКИ»

Кто забудет нашу первую лагерную печку? Была она сложена из старых потрескавшихся кирпичей и грозила каждую минуту развалиться. Строители — Саша Белов и Толя Воробьев — с замиранием сердца следили, как впервые закипает вода в тяжелом баке — печка весело пофыркивала, печка работала. Сколько надо крупы для каши? Когда сыпать соль? — вопросы были сложными и вызвали сомнения и раздумья.

Кто разделял с девочками-поварами все кухонные горести и радости, кто бывал нередко виновником непоправимого опоздания обеда или ужина? Дежурный по кухне — кухонный мужик.

Кухонный мужик! Личность героическая и скромная. Босой, в клетчатой рубаше на выпуск, с глянцевыми пятнами копоти на лице и одежде, со спутанными волосами и горящим взглядом изобретателя... Это его неутомимый мозг сделал неоценимое для мюллюпельтской кухни открытие: как растапливать печку сырыми дровами. Теперь ни дожди, ни грозы не пугают обитателей гранд-отеля.

Идет лето за летом, но поэзия кухонного труда все та же: напилить и наколоть дров, растопить плиту и поддерживать огонь к завтраку, обеду и ужину, вскипятить воду, вымыть кухню, начистить до блеска огромные баки и ведра, сбегать, принести, поднять, подмести, подмести,

вытащить, снять с плиты, добавить воды, усилить огонь, подхватить падающую кастрюльку, починить мясорубку! А где же у тебя дрова? Опять кончились? Бегом к начальнику лесопилки! И голова идет кругом у кухонного мужика. Скромная, героическая личность...

ДАЕШЬ РАБОТУ!

Сумерки... Дверь гранд-отеля распахнута настежь. Члены совета расположились на нарах. А на поляне перед гранд-отелем лежат, сидят на корточках, играют в шахматы, читают, пишут письма, тихонько переговариваются друг с другом остальные тютовцы. Идет очередной совет лагеря.

Из гранд-отеля доносится голос Нади Румянцевой, члена хозяйственной комиссии: «Конечно, повара и «мужики» стараются, но ведь из одного щавеля борщ не сварить. И кашу без масла тоже хвалить не будут. Деньги и продукты на исходе. 5 рублей в день на человека — этого мало. Если так будет дальше — мы продержимся неделю, а потом придется уезжать!»

Несколько мгновений в гранд-отеле и на поляне держится напряженное молчание. Потом с обеих сторон нарастает шквал, в кинении которого теряются выкрики, недоуменные вопросы, негодующие возгласы. В апогее шквала возникает рокот Алешиного баса, разворачивается, подкашивает нестройный хор: «Ко-о-о-нч-а-ай галдее-еж!» — и кидает в завоеванную тишину: «Ну, чего делать будем?»

— Дашь настоящую работу!

Боря Ентин тоненько вздыхает: «Трудно сейчас. Сорняк так в землю и вцепился».

Опять шквал — только теперь он весь обрушивается на Борю. Костяные шашки, легонько постукивая, скатываются в траву с картонной доски, которую он держит в руках. «Ну, ребята, я разве против... Я ведь только сказал... Ну, я «за», целиком и полностью «за!» Боря широко улыбается и начинает смущенно шарить в траве.

Откуда-то из мрака поднимается долговязый Юрка в белом колпаке. Потрясая половником, он кричит:

— Будем держать до последнего!

* * *

Утро — неуютное, серенькое, морозящее.

...Идут на работу бригады
Из Тюта отважных бойцов.
Вставай, не мешкай, сбрасывай

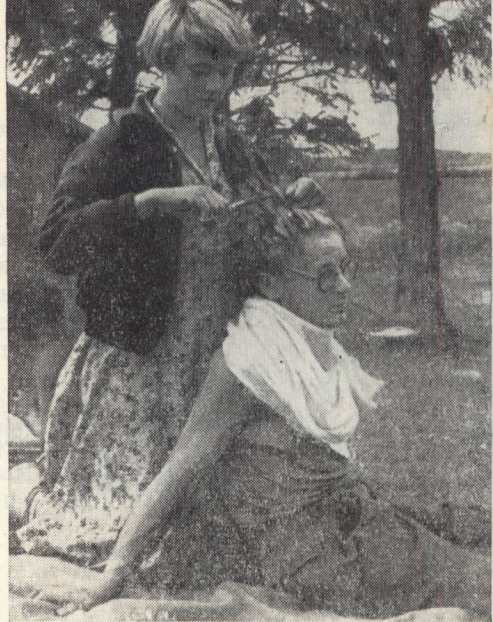
Ночную лень!
Ждет трудный нас, но радостный
Грядущий день!

Картофельное поле кажется бесконечно унылым в осенней хмури. Бригада разделилась по бороздкам. Бой начинается.

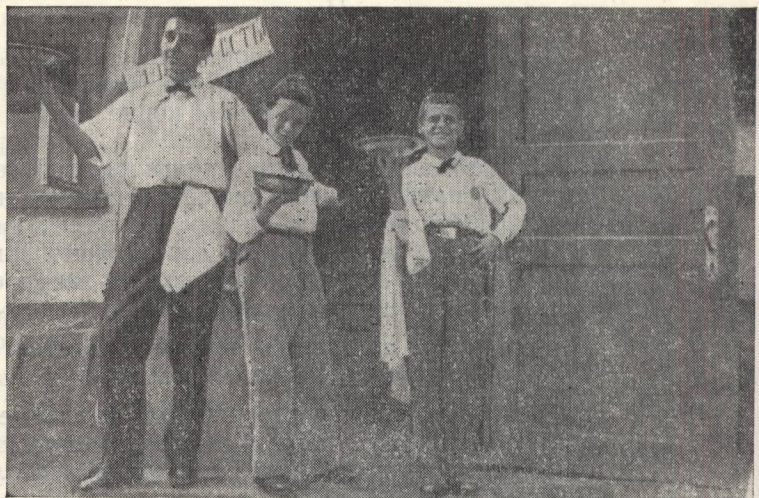
Разлетаются в стороны колючие мокрые сорняки. Глубоко врезался в землю рядом с бороздой след от коленок Бори Ентина.

Десять дней упрямо шли ребята — навстречу друг другу, с остервенением, яростью выдергивая упругие колючки занемевшими руками.

Умеем работать

Саша Волстовский хочет быть красивым.

Это не этюд. Милости просим обедать!

И в последний, десятый, «авральный» день таким же незбылемым строем шагали с поля по дороге между высокими корабельными соснами под неожиданно-обильным теплым дождем. Впереди, на высокой сучковатой палке колыхалась насквозь мокрая красная футболка Саши Белова. Победно покачивались в руках ботинки, тапочки, резиновые сапоги, а босые ноги радостно топали по мокрой грязной земле в такт песне:

Закалит в труде нас лето,
Смело мы вперед глядим!
Пропололи мы с тобой полсвета.
Если надо — повторим!

Умеем отдыхать.

ОТКУДА ПРИХОДИТ ПЕСНЯ

На листе фанеры головами к центру лежат двенадцать мальчишек и девчонок. Они наперебой кидают слова, и Алеша Днепровский, вооруженный куском угля, подхватывает наиболее удачные и записывает прямо на фанере:

Слышали ль вы,
Что наши львы —
Их четверо у нас —

Они не в поле — за столом
Работы кажут класс.

— Неправда — босые ноги одного из Львов оскорбленно вздымаются вверх и описывают в воздухе дугу. — Меня вы только для рифмы приплели, я не хуже Белова работаю! Но растревоженный Лев к концу концов «жертвует» собой ради рифмы. Из песни слова не выкинешь!

Новые песни появляются почти каждый день. Примостившись у кухонного стола, их пишет лагерный поэт Женя Сазонов, их сочиняют и поют все. Они незамысловаты и просты, эти песни. Они появляются, потому что всем хорошо, и все вокруг — хорошо.

Несколько раз в день по дороге мимо лагеря проносится пыльная трехтонка. Гремят пузатые бидоны. А над ними — сияющие, запудренные серой дорожной пылью физиономии. Ветер смахивает с машины слова песни:

Мы друзья, мы молочные братья,
Мы облиты одним молоком!

И должны откровенно сказать вам,
Что бидоны грузить нелегко.

Бригада «молочников» работает на ферме — грузит и отвозит на молокозавод тяжелые бидоны с молоком. В первый же день работы один бидон угрожающе наклонился, крышка легонько щелкнула, и Саша Волотовский попал под щедрый душ тепловатого парного молока. Вскоре появилась песня.

Пели свою песню и «лошадники», ходившие по бороздам вслед за «конным агрегатом», в который была впряжена строптивая Амазонка. В течение лета мужская половина лагеря познакомилась с неукротимым характером Амазонки. Любители верховой езды неизменно оказывались в колючих кустах шиповника, буйно разросшегося у дороги. Но кое-кому все-таки удалось «подружиться» с Амазонкой. Лагерные поэты тотчас отметили это событие новой песней.

Неизвестно, откуда ждать ее. Она может вдруг зазвучать из чердачного окна, прилететь с середины озера, где колыхается тытовская лодка с застывшим рыбаком.

Лето проходит, уносит с собой
Много хороших минут.

А-а-а! Э-э-э! И-и-и! О-о-о

Наши сердца будут с тобой,
Мы не расстанемся, ТЮТ!

Поют свою песню и наши «официанты» — дежурные в столовой бригаде:

И кто на нас не поглядит,
Тот непременно говорит,
Что вызываем мы приятный аппетит!

Песню могут принести вылезшие из сосновой аллеики «папуасы» в ярких одеяниях, полосато загримированные углем и сажей.

Песня есть у каждой бригады. Песня есть у каждой группы тютовцев, объединяющихся для очередного выступления на лагерной сцене. Петь хочется всегда. Жить весело.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Гримерная под открытым небом.

— А-а-а-а! Э-э-э! И-и-и! О-о-о! — звучит в комнате отдыха.

— Ба-ба-бана! — Бут-пу! — резко и отрывисто доносится из аллеики.

Местные ребята спокойно ловят рыбу. Они уже привыкли. Первое время непонятные звуки мучили и тревожили их. Они с недоумением поглядывали из-за кустов на странный хор, выпеваящий или шумно выталкивающий звуки. «Купи кипу пик! Купи кипу пик!» — убеждал хор. «Наш голова вашего голову переголовил, выголовил», — окатывал вдруг кто-нибудь звучным потоком чеканных «л» взъерошенного пацана, неосторожно вылезшего из-за кустов. Тот испуганно исчезал.

Теперь все стало привычным и понятным: тютовцы занимаются «техникой речи», шлифуют звуки, каждый день по пятнадцать минут.

Но самые волнующие дни для местной детворы — это дни тютовских концертов. Яркая афиша уже несколько дней тревожит сердца. И вот он настает, этот день! После работы в лагере начинается четкая, ритмичная подготовка к концерту. Монтировщики вешают в клубе кулисы, осветители укрепляют «бережки», устанавливают фонари и подсветки. Во время работы небрежно перекидываются профессиональными терминами: «поддуга», «зеркало сцены», «портал», испытывая наслаждение от обстановки сцены и от близости сегодняшнего концерта.

Костюмеры неутомимо шьют, гладят, собирают по всем палатам шляпки, шарфики, кушаки, спрашивают совхозного сторожа дядю Федю дать валенки «только на один вечер».

Бутафорам труднее всех. Где достать пенсне? Как выглядит «козья ножка» у фельдшера Курятина в чеховской «Хирургии»? Нужна ваза, дорогая, хрустальная. Где ее возьмешь?

И над всем этим, руководя, требуя, подгоняя, подсказывая — фигура помощника режиссера. Помощник режиссера ведет концерт. Взмах его руки — и один из монтировщиков раскрывает занавес. Выразительный взгляд помрежа — и на сцене вспыхивает или вырубается свет. Его спокойный голос звучит за кулисами и вызывает очередных исполнителей на сцену. У помощника режиссера должно быть твердое сердце, его не смягчит ни умоляющий взор осветителя, у которого контакты не сходятся, ни жалкие оправдания радиста, которого не удовлетворяет слабый ток в электросети. «Через пять минут пойдет занавес, — говорит помреж. — Надо успеть все закончить». И занавес пойдет через пять минут!

У помощника режиссера должен быть ясный ум, находящий выход из любого положения. Помощник режиссера — это бесстрашный и суровый капитан. Его корабль называется концертом. Незадолго до отплытия ка-

Самые благодарные зрители.

питан принимает рапорт младших членов команды. «Товарищ помощник режиссера! Костюмы выглажены и сложены. Старшая группа костюмеров Помокина». — «Товарищ помощник режиссера! Кулисы повешены, сцена к концерту готова! Старший группы монтажников Климович!» — «Товарищ помощник режиссера!..»

Исполнители отрепетировали еще раз свои номера. Все тютювцы в праздничных костюмах. Настроение отличное. Корабль готов к отплытию! Горн! Капитан (сегодня это «гном» Аркаша Корзенев) оглядывает команду. Строй безукоризненно красив. На лицах улыбки. Такие не подведут. Можно идти в клуб.

— Внимание! Хор — место! Тишина на сцене! Даю занавес! — «гном» собрался в железный комок. Старт дан!

А в это время в «артистической» появляется очередной «Боевой листок».

«Внимание, внимание! Говорит радио Тютя! Наш микрофон установлен в клубе. Отсюда мы сегодня транслируем концерт Театра Юношеского Творчества. До конца концерта остается пять минут. Пройдемте за кулисы. Здесь за стеной из шести одеял расположились артисты. На сцену они самоотверженно влезают через окно. Условия трудные. Саша Белов и даже сам А. С. Днепровский играют без усов! Освещение комбинированное: дневное плюс две электрических лампочки по 75 свечей! Декораций нет. Но зрители, которые заполнили зал клуба, принимают концерт хорошо. Такова сила искусства. Из достоверных источников известно, что после концерта артисты прямо со сцены «ахнут» в озеро, смыть «грим».

Мы играли наши концерты в обеденный перерыв, прямо в поле, где «кулисами» служили стога сена. Мы выезжали в соседние совхозы, играли в маленьких тесных клубах при свечах или прямо на поляне при свете фар грузовика, ночевали на чердаках и сеновалах, варили еду на кострах. Вместо торжественных линеек проходили короткие «летучки»: оценка качества каждого концерта, распределение бригад за дровами, водой, устройством ночлега...

Сквозь серую морозящую дымку мелькали незнакомые притягивающие названия: Загостицы, Серебрянка, Домкино, Жельцы, Калищи, Перечицы... Всегда радостные и приветливые лица зрителей. «Приезжайте еще! Спасибо! Счастливого пути!» Волнующая, захватывающая романтика дальних странствий!

Летний день

Воздух рассекают
Взмахи звонких кос.
Над водой мелькают
Крылышки стрекоз.

Вдалеке от зноя
Тают облака.
Шелестят травую
Вздохи ветерка.

Лес манит прохла-
дой,
Запахом цветов,
Открывает клады
Ягод и грибов.

Сладкий запах меда
И жужжанье пчел...
Как сама природа,
Край родной рас-
цвел!

Солнечные дали
И лесная тень
Песней прозвучали
В этот летний день.

Москва

Ира Киселева

Л. Семин

Рисунки Н. Кустова

ВОТ БАКОЙ МАКС!

Утром по палубе процокал Железный Каблук, остановился на корме. Андрей понимал теперь, почему у матроса подковка лишь на одном ботинке. Он хромает. Оттого, наверное, и набил железку, чтобы не стоптать ботинок. «Экономный фашист».

— Ши-цок... Ши-цок... — такие звуки доносятся, когда по палубе бродит Железный Каблук.

— Макс, ты почему не спишь?

Голос у него хриплый, скрипучий, как жестианка.

— Думаю.

У Макса голос чистый и тихий.

— О чем?

— Так... О хорошей погоде. Неплохо бы искупаться...

— Хм. О погоде думаешь... А еще о чем?

Железный Каблук стоял над самой головой Андрея, который понимал из разговора матросов не слишком много. Порой лишь некоторые слова. Старался догадаться по смыслу.

— Больше ни о чем... — нехотя отвечал Макс.

— Юноша! — вдруг воскликнул Железный Каблук. — Я все знаю. Да, да. Давно знаю, о чем ты думаешь. Зачем скрываешь?..

«Оказывается, Макс — юноша?» — удивился Андрей.

— Я ничего не скрываю. — Голос Макса дрогнул.

— Врешь. Скрываешь. Да, да...

Макс молчал.

— Ну, что же, — усмехнулся Железный Каблук. — Погода хорошая... Август. Хе-хе-хе...

— Что вы хотите? — сердито спросил Макс.

— Ничего, кроме честности и правды.

— Не понимаю...

— А тут и понимать нечего. Только прошу без всякого притворства. Да, да... Я хочу, чтобы у нас с тобой все было ясно, — продолжал Железный Каблук. — Сейчас война. Ты мог бы сейчас быть там... Понял? Там! — угрожающе проскрипел он. — Мог бы сражаться. Тебе двенадцать лет. Да, да!.. О, это прекрасный возраст! Ты мог бы отличиться. Мне кажется, ты храбрый. У тебя крепкие нервы и мощные мускулы. Такие парни, как ты, уже по нескольку раз ранены. Да, да... Не так ли я говорю? А ты сидишь здесь и считаешь, что все в порядке. Тебе никогда не проходило в голову, почему ты здесь? Здесь, а не там, не на восточном фронте? Нет? А вот мне приходило. Скажи-ка, в твоих жилах какая течет кровь?

— Насчет крови вы... осторожнее, — задыхаясь предупредил Макс.

— Ты сядь и не шипи, шенок! — прохрипел Железный Каблук. — Знай, что это я тебя взял сюда и вправе выбить из твоей головы дурные мыслишки. Да, да... Я взял тебя. Мне понравились твои мускулы.

Железный Каблук закурил. Помолчал. Потом заговорил уже спокойнее:

— Ты должен обижаться на себя, а не на меня. Я хочу тебе помочь. Я старше тебя и пролил кровь на восточном. Это дает мне право. Но ты видишь, я редко суюсь в твои дела. А вот сегодня решил поговорить. Мне кажется, ты от меня кое-что скрываешь. А ну, посмотри мне в глаза! Я умею в глазах читать. Меня этому учили. Да, да...

Макс молчал.

— Думаешь, я не видел, как ты бросил тем русским пачку сигарет, когда они грузили

Окончание. См. «Костер» № 7, 1961 г.

бочки? Видел. Но я не сделал тебе замечания, потому что на борту было много посторонних. Ведь за такие штучки тебя следовало бы сплести на берег и отправить в штрафной батальон, под пушки большевиков. О, они тебя не пожалеют. Попадись, кишки выпустят. Глотку перервут. Да, да...

— Я не слышал... Что же было сказано? — Железный Каблук учащенно дышал.

— Говорят, они взорвали на Дунае какой-то плавучий... бензозаправщик или что-то в этом роде. Как следует не расслышал. Только вошел в каюту, а передача уже кончилась.

— Мы им тоже перерываем глотки, — заметил Макс.

— Правильно. Два года назад, когда я был под Ленинградом, считал, что все с врагом кончено, он поставлен на колени. А теперь ругаю себя, что мало убивал русских. Да, да...

Голос Железного Каблука скрипел. Он плевался, притоптывал кованой подметкой.

— В Румынии тоже партизаны...

— Что? — испуганно спросил Железный Каблук. — Кто тебе сказал? Ложь. Пропанганда.

— Об этом по радио упоминалось. По нашему радио, — пояснил Макс.

— А, черт! — тяжело пробормотал фашист.

— Может, нам еще придется с ними схватиться, — спокойно заключил Макс. И, видя, как его наставник перепугался, храбро добавил: — Да вы не волнуйтесь. Они сюда не сунутся!..

— Да, да... — упавшим голосом подтвердил Железный Каблук. — Они не посмеют. Не решатся напасть на целый караван. Да, да...

Этот разговор о партизанах Андрей хорошо понял. Он с теплотой подумал: «Вот какой Макс!» Потом сжал кулак, погрозили: «Дрожишь, Железный Каблук!»

КАК УСТРОИТЬ АВАРИЮ

Весь день перед глазами Андрея стояла такая картина: посреди быстрого Дуная, высоко задрав нос и опустив до дна корму, сидит нефтянка. Вокруг нее снуют катера, пароходы, раздаются гудки, слова команд, ругань. Беснуется Железный Каблук, хватая себя за голову, брызжет слюной. Потом его снимают с баржи и увозят в гестапо. А там, конечно, лу-

пят, допытываясь, как произошла авария...

Нет, этого пока не случилось с баржой. Она идет вниз по Дунаю. И Макс уже раза два кому-то громко говорил:

— Венгрия... Венгрия...

Андрей понимал, что они в Венгрии. А за нею будет та самая Румыния, куда ему и надо. И вот там, в Румынии, посреди реки не-

фтянка должна сесть на корму и задрать нос. Она станет похожа на собаку, которая сидит ночью на цепи и, подняв морду, воет от скуки на луну... Лет шесть назад на Каме Андрей видел нефтянку, задравшую нос к небу. Возле нее суетились катера и пароходы, приезжала спасательная команда, и самые настоящие водолазы опускались на дно. Отец говорил, что за такую аварию надо голову оторвать...

Лежа на ворохе ветоши, Андрей вспоминал детство, которое казалось таким далеким.

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА

Вечером Макс снова спустился в трюм. Андрей успел зарыться в тряпки, притих, стараясь угадать, что делает немец, зачем пришел. Может быть, ищет хлеб? Или спустился за ведром? Почти всю воду Андрей выпил. Заметит?

Макс пробыл в трюме недолго. Андрей не мог видеть, как матрос включил фонарик и внимательно осмотрел помещение, остановил взгляд на ворохе тряпья, из которого торчала босая нога. При этом Макс улыбнулся.

Едва он ушел, как Андрей поспешно выбрался из «гнезда» и стал искать ведро. Оно оказалось почти на том же месте, наполненное свежей водой. Значит, Макс только что зачерпнул ее. Он принес другое ведро, а порожнее унес. Андрей пошарил руками возле ведерка. И точно. Еще один кусок хлеба!.. Теперь он не сомневался: немец знал о его присутствии, помогал ему.

«Заметит Железный Каблук, заберут Макса в гестапо, а там... Могут даже расстрелять».

Внезапно на берегу завывли сирены. Завывли истошно, на разные лады. Казалось, собралась стая громадных кошек и мяукает. «Тревога!» И вдруг сильный взрыв потряс окрестность. Здрожала железная палуба. Задребезжали выбитые в каюте стекла... После взрыва наступила зловещая тишина. Перестали выть сирены, не хлопал плицами колес пароход, не шумела за кормой вода. По палубе пробежал Железный Каблук, сильно припадая на хроющую ногу.

— Спасательный круг! — крикнул он Макс. — Быстро!..

— Зачем?.. Они пошли прочь... Вот они — один, два... четыре... Их всего четыре...

— Приготовь, тебе говорят, — повысил голос Железный Каблук. — Ты меня не учи! Молокосос! Да, да... Я-то их знаю.

— Есть приготовить спасательный круг! — В голосе Макса прозвучала насмешка.

— Проклятье... — бормотал Железный Каб-

лук. А перед глазами все стояла картина аварии. Он непременно должен выбраться ночью из трюма. Лишь бы люк не заперли. Если в двенадцать ночи открыть клинкеты, к рассвету жидкий груз перельется в кормовые отсеки, и баржа задерет нос. Тогда на «Рузе» матросы говорили, что клинкеты почему-то оказались открытыми. По халатности никто не заметил, погрузка была ночью.

Андрея беспокоило, что немецкая нефтянка сидит в воде неглубоко. Произойдет ли авария?

лук. — Они могут вернуться. Да, да... Я знаю их.

В эти минуты Андрею хотелось, чтобы советские самолеты вернулись и начали бомбить караван. В то же время было страшно. Попадут в баржу, вспыхнет бензин. Жутко умирать в горящем трюме... «Не трусь», — успокаивал он себя.

Сирены опять завывли.

— Отбой! — крикнул Макс. — Я же говорил!..

Ругаясь, Железный Каблук ушел в каюту.

Вскоре после налета послышались крики с парохода. Что-то говорили в рупор. Пароход подавал гудки: то короткие, то длинные. Затем на корму прибежали Макс и Железный Каблук. Загремела в клюзах якорная цепь. Остановка.

— Что случилось?

— А черт их знает!.. — проскрипел голос Железного Каблука. — Я сейчас съезжу к капитану. Перепугался, наверное. Но его заставят идти. Да, да... Заставят!

Прошло не более получаса, и Железный Каблук вернулся. Быстро прогремел своим кованым башмаком, остановился на корме.

— Какого дьявола ты тут торчишь? — накинулся он на Макса. — Такие события, а он с удочкой. Не время.

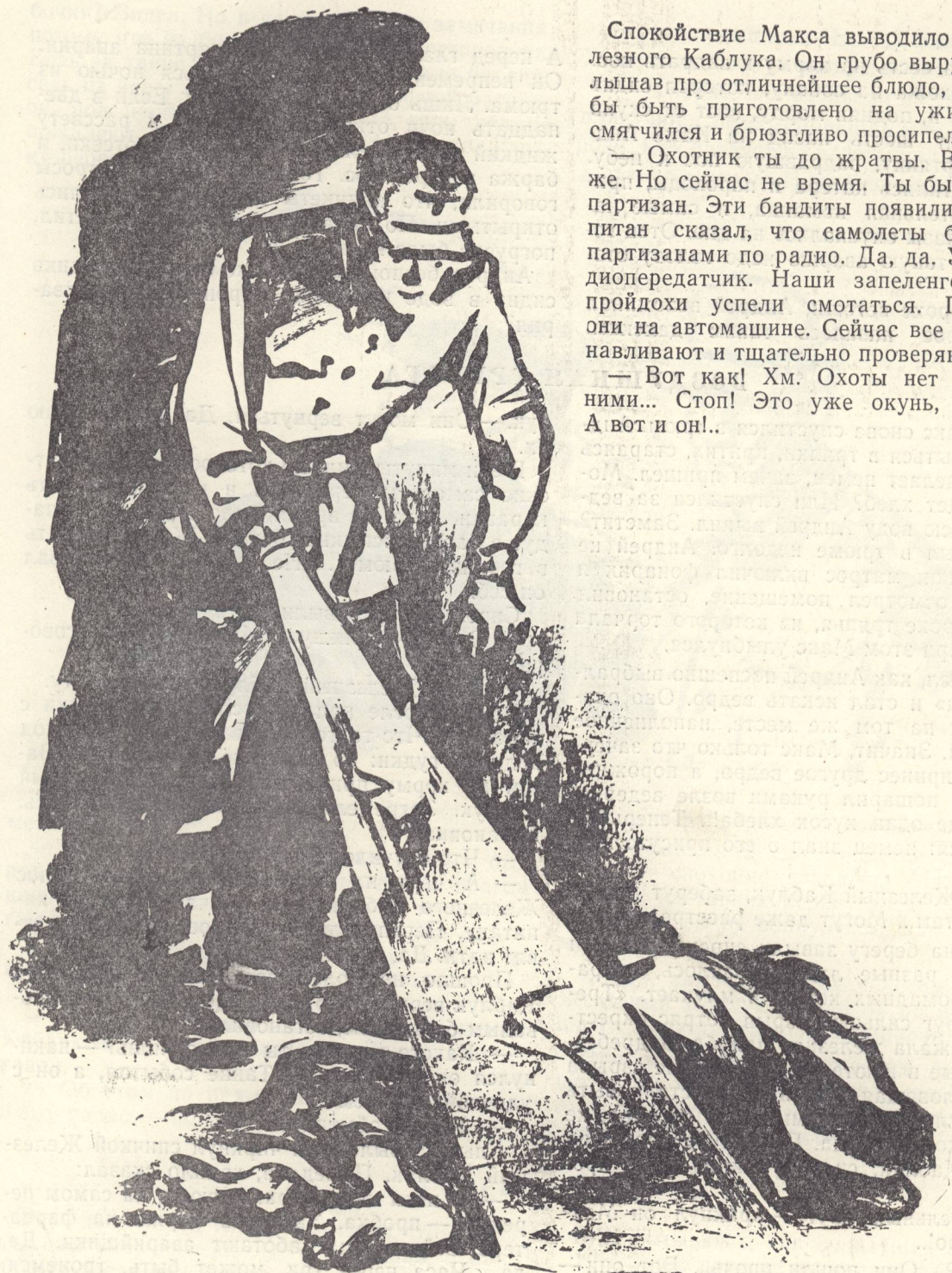
— Какие события?

Слышно было, как чиркнул спичкой Железный Каблук. Помедлив, хрипло сказал:

— В пяти километрах отсюда, на самом перекате — пробка. Затонула баржа на фарватере. Сейчас там работают аварийщики. Да, да... Часа через три, может быть, тронемся. Обо всем капитану только что сообщили... Но ты, я вижу, не слушаешь?

— Слушаю, слушаю... Ключет! Тсс... Похоже на хариуса. Я где-то читал... Разве здесь водятся хариусы?

— Ты идиот, Макс. Спросил бы лучше, почему затонула баржа!

Спокойствие Макса выводило из себя Железного Каблука. Он грубо выругался, но, услышав про отличное блюдо, которое могло бы быть приготовлено на ужин из хариуса, смягчился и брюзгливо просипел:

— Охотник ты до жратвы. Впрочем, я тоже. Но сейчас не время. Ты был прав насчет партизан. Эти бандиты появились всюду. Капитан сказал, что самолеты были вызваны партизанами по радио. Да, да. У них есть радиопередатчик. Наши запеленговали его, но пройдохи успели смотаться. Предполагают, они на автомашине. Сейчас все машины останавливают и тщательно проверяют.

— Вот как! Хм. Охоты нет встречаться с ними... Стоп! Это уже окунь, его повадка... А вот и он!..

- Почему?
- Прямое попадание авиабомбы.
- Стоп! Сорвался!.. Ах ты, черт!.. Хариус великолепный был. Я приготовил бы отличный ужин...

На палубе тихо затрепыхалась рыбина.
— Еще бы парочку, и можно греть сковородку.

Железный Каблук, ничего не сказав, ушел.

С ПОГАШЕННЫМИ ОГНЯМИ

Баржа снялась с якоря глубокой ночью. Подняться на палубу нечего было и думать. Команды не спали. Железный Каблук и Макс переговаривались с матросами баржи, шедшей по левому борту. И все-таки Андрей рискнул выглянуть. Подняв головой крышку люка, он посмотрел туда, где хлопал плицами колес пароход. Вчера через узкий коридор, образованный рядами бочек, пароход был все же виден, светились сигнальные огни на его бортах, горел слабый свет в рулевой рубке. Теперь же полная тьма окутывала караван. Шли с погашенными огнями. Боялись налета. Только прожектор включался и выключался, нащупывая путь. В темноте мелькали красные точки папирос, описывая замысловатые траектории. Но курильщиков строго обругали с капитанского мостика. И красные точки сразу погасли. Слышен был только приглушенный разговор, часто упоминались слова: «флюгцойг», «партизанен».

Постепенно голоса раздавались все реже, пока не прекратились вовсе. Андрей снова выглянул из люка. Теперь в редющей ночи виднелся смутный силуэт парохода, маячила на мостике фигура капитана. Огорченный Андрей вернулся к своей постели. Даром прошла ночь. Он не спал ни минуты, все надеялся выбраться на палубу и открыть клинкет, а затем плыть к берегу. В то же время все чаще закрадывались печальные и тревожные мысли о судьбе Макса. Что будет с ним, когда произойдет авария? Наверняка в первую очередь заподозрят его. Достаточно будет фашисту сказать, что он помогал русским пленным, и все будет кончено. Гестаповцы схватят парня, подвергнут жестоким пыткам. А Железный Каблук по-прежнему будет цокать кованым башмаком по палубе. Ясно одно: Макса надо предупредить.

Если бы не Макс, кто знает, может быть, Андрей умер бы здесь от жажды и голода, может, не выдержав, выдал бы себя... Размышляя обо всем этом, он зарылся в тряпки, надеясь пролежать весь день.

Ночь, проведенная без сна, скоро дала свои результаты. Мускулы ослабли, веки слиплись. Однако Андрей привык спать чутко. Незначительный стук, и он сразу настораживался. Вот и теперь: проснулся, как только над головой послышались шаги. Вскоре что-то мягкое тихо шлепнулось на пол трюма.

Дождавшись, когда шаги удалятся, Андрей вылез из тряпья и стал шупать руками пол, наткнулся на ведро с водой, тронул основание железной лестницы. Неподалеку от нее нашел сверток. Поднес к лицу, глубоко потянул приятный запах. Рыба. Жареный окунь!..

Никогда еще рыба не казалась такой вкусной. Раньше, еще в довоенное время, Андрею доводилось отведать всякой рыбы. Однажды колхозные рыбаки взяли его с собой на ночной лов. Ехали по Оке на двух больших лодках. Андрей сидел на свернутом неводе и ждал, когда приедут к Черному Яру. Это любимое место лещей. Разбудили его и говорят: «Ушицы, рыбак, хошь отведать?» Оказывается, он проспал все на свете. Проснулся — уже поднималось солнце, а веселые рыбаки сидели вокруг костра, над которым висел большой артельный котел. От него вкусно пахло, Андрею подали горячий кусок стерляди...

Стерляжья уха запомнилась на всю жизнь. В лагерях и тюрьмах снилась не раз. Это были голодные сны, после которых он целыми днями думал о далеком счастливом времени. А теперь кусок обыкновенного окуня казался вкусней всяких стерлядок.

УРОК ГЕОГРАФИИ

Вскоре Макс вернулся на корму, поздоровался с матросом другой баржи. Они стали лениво перебрасываться фразами. Из разговора Андрей вдруг понял, что Венгрию прошли, началась Югославия.

«Почему же Югославия? Почему не Румыния?.. Но сколько он ни думал, вспомнить, через какие страны течет Дунай, не мог. Зато ярко припомнилось другое — уроки географии. Вела их старенькая сгорбленная учительница. Бывало, сняв очки и сощурив глаза, она всматривалась в ученика, который не мог ответить

урока, затем, резко надев очки, восклицала: «О, ужас!» и под общий смех ставила двойку. Эта ее манера настраивала весь класс на веселье. Постепенно уроки географии превратились в часы развлечений, буйного озорства. Однажды Андрей и самый озорной парень их класса Ильюхин, влезли в шкаф, стоявший в переднем углу, неподалеку от классной доски. Прежде в него складывали учебные пособия, однако с течением времени полки поломали, замок вынули, оторвали дверную ручку, и шкаф пустовал. Разве что валялись в нем

тряпки для вытирания доски да мел. Перед злополучным уроком географии в шкаф бросили разбитую мусорную корзину, сплетенную из прутьев. Ею на перемене играли в «футбол». Закрывшись в шкаф, Ильюхин решил позабавить класс. Андрей и сам не понимал, зачем он-то оказался с Ильюхиным. Когда вошла учительница, ее удивила и обрадовала необычная тишина. Но стоило начать урок, как Ильюхин тихо мяукнул. Казалось, все только и ждало этого. Прокатился дружный смех.

— Опять Залевский шалит? — спросила учительница, глядя на белобрысого толстогубого паренька. Тот спокойно пожал плечами.

— Мяу-у, — донеслось снова.

— Чулков! — резко сказала учительница. — Выйди из класса.

— Но я же не мяукал.

— Выйди!

— Мяу, — раздалось опять.

Класс неистовствовал оттого, что учительница не догадывалась, откуда доносятся звуки.

Учительница вышла из терпения. Строго глядя на ребят, приказала:

— Встать!

— Мяу, — снова мяукнул Ильюхин, ища в темноте лицо Андрея и пачкая его мелом.

И вдруг хлопнула дверь. «Прасковьюшка» выбежала из класса.

— Мя-ау.. — радостно протянул Ильюхин, но никто почему-то не засмеялся. Нависла тишина.

Через минуту кто-то вошел в класс, и резкий голос директора приказал:

— Встать!

Громыкнули парты, и снова все смолкло.

— Кто мяукал?

Все молчали.

Директор велел старосте выйти к столу и рассказать, что произошло.

«Она не ябеда, не выдаст, что мы в шкафу...» — прижавшись к стене спиной, испуганно думал Андрей.

И вдруг староста сказала:

— Куда-то спрятались Ильюхин и Косцов...

— Где они? — спросил директор.

Стало так тихо, что даже в шкафу было слышно, как объясняет материал учитель в соседнем классе.

Директор подошел к шкафу, открыл дверцы, крикнул:

— Выходите!

«Ну, теперь...» — сжался Андрей. Они вышли из шкафа грязные, с испачканными мелом лицами, с взъерошенными волосами. Кое-кто засмеялся.

— Молчать!!! — яростно закричал директор.

Ильюхина исключили из школы, Андрей привел отца. Первый раз в жизни, помнит Андрей, отец ударил его...

Вспомнив о старенькой «Прасковьюшке», Андрей вдруг подумал, как не ценил всего, что ему давалось на родине. Добраться бы теперь до своих, встретить после войны учительницу, директора школы — встать бы перед ними на колени, попросить прощенья...

В самом деле, через какие же страны течет Дунай?

ТЕМНОЙ ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

И еще один день прошел...

Андрей свыкся с темнотой, мог свободно разгуливать по трюму, не боясь наткнуться на что-нибудь и сломать ногу. Он осмелел и почти перестал думать, что его обнаружит Железный Каблук. Не раз в течение дня поднимался по лесенке и, приподняв над головой крышку, любовался дневным светом, смотрел на уходящие вдаль берега, то низкие и голые, то обрывистые, поросшие лесами.

В этот день на корму часто приходил Макс и неторопливо заводил разговор с матросом соседней баржи о Югославии, о партизанах. Андрей понимал: это ему, тайному пассажиру нефтянки, Макс объяснял обстановку. Значит, теперь, после Венгрии, баржа находилась не в Румынии, а в Югославии. Потом, как понял Андрей, справа от Дуная будет находиться Болгария, а слева Румыния. Затем могучая

река круто повернет на север и углубится в Румынию. В Румынии — фронт. С каждым днем он передвигается все дальше на запад.

Голод снова сжимал Андрею горло, а Макс почему-то не решался кинуть в трюм хлеба.

К вечеру погода начала портиться. Подул ветер, по Дунаю забегали белые барашки волн, небо сделалось синевато-темным. Быстро наступила прохлада, берега потемнели и стали едва различимыми. Вода за кормой сделалась черной. И только чайки, носившиеся над рекой, будто побелели. Их можно было видеть очень далеко. Они безбоязненно летали, подкарауливая зазевавшуюся рыбешку... Когда на палубе зацокал Железный Каблук, Андрею пришлось поспешно спуститься и залезть под ворох тряпок.

— Эй, Макс, — громко произнес Железный

Каблук. — С двадцати двух — твоя вахта. Иди поспи немного. Югославия... — многозначительно добавил он. — В лесах много бандитов...

Вскоре раздался оглушительный раскат грома, а вслед за тем по палубе мелко застучало,

словно горох посыпался. Теперь Андрей хотел только одного: чтобы не скоро кончился дождь.

Томительно тянулось время в напряженном ожидании. Дождь то утихал, то барабанил сно-

ва. Ветер налетал шквалами. Давно не было слышно шагов на палубе. Должно быть, Железный Каблук ушел в каюту или сидит в рубке. Но что он может увидеть оттуда в такую темень? Наверняка фашист прикорнул в каюте, не дожидаясь, когда проснется Макс.

Андрей опять думал о том, что будет с Максом, когда на барже произойдет авария. Как предупредить его? Была бы бумага и карандаш... Впрочем, Макс, наверное, читать по-русски не умеет. Андрей же не сможет написать по-немецки. Так что бумага и карандаш не нужны. Единственное, что он сумеет сделать, написать углем на стене трюма: «Смерть фашистам!» И на русском и на немецком сможет. Такие надписи встречал много раз. Когда баржа сядет на корму, в трюм непременно спустятся аварийщики. И увидят надпись. Можно еще написать слово «партизан». Тогда за аварию, может быть, Железный Каблук будет наказан в первую очередь, потому что на барже он старший. Надпись сделать нетрудно. Надо только вылезти из трюма, взять из ящика кусок угля.

От голода тряслись руки и ноги. Держась за поручни, Андрей с трудом поднялся, прислушиваясь к каждому шороху. Кроме завывания ветра, шума воды да мелко стучащего дождя, ничего не было слышно.

Вот и крышка люка. Не запер ли ее Железный Каблук?

Крышка легко подалась. Андрей поднялся выше и, поддерживая ее, осторожно опустил. Немного постоял, высунувшись до пояса. Нефтянку окружала тьма. На берегах не было ни единого огонька. Темнота слилась в сплошной могучий океан, и казалось, что нет ничего на свете живого, кроме Андрея да этой плывущей по течению баржи. Но вот впереди каравана вспыхнул прожектор и снова погас.

Андрей подполз к ящику, открыл и достал кусок угля. Но тут же отбросил уголь. Железный Каблук спит и не появится в такую погоду с фонарем на палубе. Надо скорей найти клинкет. Скорей, скорей!..

Андрей отыскал узкий коридорчик между бочек. Двинулся по нему, отсчитывая шаги. Пять... Десять. Как только бочки кончились, начал искать круглые толстые железные «барашки». На «Рузе» их был целый десяток. Андрей двигался осторожно, стараясь не шлепать по мокрому железу. Он направился к каюте, помня, что на «Рузе» один клинкет находился прямо возле ступенек, у самой двери. Отсчитывая шаги, Андрей чуть не наткнулся на каюту. Замер. Донеслись голоса. Кто-то пел. Послушал с полминуты, догадался: вклю-

чено радио. Опустился на колени, стал шарить руками возле ступеней и вскоре нащупал клинкет. Обхватил пальцами его стержень. Толстый, он, казалось, был спаян с поверхностью палубы. Взявшись крепче, попробовал повернуть его вправо. Колесо с трудом подалось. Тогда Андрей напряг все силы и повернул его. Оно пошло легче. Сунул палец к основанию стержня, почувствовал, что стержень вылез сантиметра на два. Сделал еще несколько оборотов и, убедившись, что клапан, разъединяющий отсеки, теперь наверняка открыт, пополз назад, широко расставляя руки, ища другой клинкет. Крепко обхватив колесо, повернул. Оно тоже подавалось тяжело. Стержень медленно вылезал, барашек поднимался. Следующий клинкет удалось найти не сразу. Но через минуту и он был открыт. Андрей искал другие. Ему казалось, их должно быть по крайней мере штук семь. Однако попался еще лишь один, возле самых бочек. Андрей открыл его и двинулся к кормовому трюму, но оказался вдруг возле самого борта. Догадался, что в темноте потерял всякую ориентировку. Крутая волна ударила о железный борт, разбилась, окатив Андрея с головы до ног. Он резко повернул назад, с трудом нашел путь к кормовому люку.

Теперь оставалось одно: сделать надпись. Андрей сильно дрожал, хотя и не было холодно. Он подумал, что если авария почему-либо не произойдет, все равно груз окажется испорченным. Вражеские самолеты не смогут заправиться. Чистейший авиационный бензин теперь смешается с машинным маслом. Нефтянка доставит грязный бензин!.. «Смерть фашизму!» — хотелось крикнуть во весь голос.

Он добрался до ящика с углем, остановился. Сердце трепетно билось. После погони он сделал кое-что важное...

За кормой гудели волны, бушующая и налетая друг на друга. Тяжело будет плыть.

Плавает Андрей хорошо, но в такую непогоду может захлебнуться любой пловец. Даже трудно понять, где берег, далеко до него или близко, шире здесь река или все такая же, какую он видел часа два назад. Дрожащей рукой Андрей открыл ящик, нащупал осколок угля. Зажав его в ладони, двинулся к трюму. «Смерть фашизму». Да, больше он ничего не может придумать...

В то время, когда Андрей собрался спускаться в люк, за бочками послышались шаги. Он сжался и скорее почувствовал, нежели понял, что по палубе идет человек.

«Это он, Макс!» — трясась от волнения, угадал Андрей.

НАПРАВО ИЛИ НАЛЕВО?

Андрей спрятался за бочкой. Немец осторожно открыл люк и стал спускаться в трюм. Он включил фонарик. Когда голова его скрылась, Андрей вышел из своего убежища, догадываясь, что Макс принес хлеб. Напрягая память, Андрей торопливо подбирал немецкие слова. Запас их был невелик. Подойдя к люку, он заглянул в трюм. Немец ворошил тряпки. Тогда Андрей тихо позвал:

— Макс.

Матрос резко выпрямился, свет фонаря погас.

— Кто ты есть? — не сразу спросил он.

— Советский Союз. Россия...

— Иди сюда.

Андрей спустился в трюм.

Включив фонарик, Макс положил его на ступеньку лестницы. Они стояли лицом к лицу — худой, в мятой куртке русский мальчишка и плотный молодой немец. Смотрели один на другого. Затем рука Макса опустилась в карман.

— Ешь. Уходи. — Он протянул хлеб. — Югославия... Партизаны... Русский понимают.

— Спасибо... — Андрей тяжело дышал, на лбу выступил пот. — И ты уходи, — наконец выговорил он. — Баржа капут. Бензин — масло... — Андрей сделал движение руками, показывая, как смешивается в отсеках бензин с маслом.

— Почему? — не понял немец.

— Утро... Баржа... Капут... Бензин — масло — грязь.

Макс пожал плечами.

— Открыты клинкет, понимаешь?.. Нет, ничего ты не понимаешь. — Андрей изобразил клинкет, показал, как открыл его и как смешиваются теперь бензин и машинное масло.

Вытаращив глаза, Макс вдруг шагнул к Андрею вплотную и схватил его за горло.

Андрей рванулся. Пальцы немца казались железными. Андрей понял — не вырваться. Немец сильный. Он сытый, здоровый и старше его.

— Пусти! — отчаянно вскрикнул Андрей. — Смерть фашизму... — Последние слова он лишь прошептал, потому что Макс сжимал ему горло.

Внезапно Макс отпустил. Оба тяжело дышали. Фонарик спокойно освещал их лица.

— Когда открыл? — лицо Макса покрылось бледностью.

— Часа два назад, — не моргнув глазом Андрей. — Теперь: бензин — грязь.

— О, мейн гот, мейн гот... — простонал Макс, схватив себя за голову.

Андрей смотрел на него с жалостью.

— Капут, капут... — бормотал Макс, закрыв рукой глаза.

— Макс, — тихо позвал Андрей, почувствовав вдруг, что эта минута решает все. — Макс, — повторил он. — Югославия. Партизаны, Фронт. Гитлер капут. Война капут. Идем!..

Макс понял. Лицо его теперь казалось серым, а волосы пепельного цвета. Он смотрел мимо Андрея. Пальцы его мелко дрожали. Так стояли минуту, две. Потом Макс устало показал наверх:

— Поднимайся.

И то, что он позволил Андрею подняться первым, успокоило беглеца. Немец отпустит его.

Макс поднялся, закрыл люк.

— Прыгай. Плаваешь хорошо. Я видел.

«Куда плыть, направо или налево? Темно, ни зги не видно...»

— Ты? — спросил Андрей.

— Прыгай. Быстро.

— Прощай!

Вода была нехолодная. Несколько раз Андрей оказывался под волной, но скоро свыкся и даже разглядел вдаль прожектор. Увидев свет, сообразил, где берег правый, где левый. Резко выбрасывая руки, как научился еще в детстве, уверенно поплыл навстречу волнам.

В ПОХОДЕ

По дороге узкой, длинной
Шел отряд...

Вспотели спины.

Все мечтали о реке,

А река-то вдалеке.

И не слышно что-то горна,

Барабан не бьет задорно.

Солнце в небе так и жжет...

Барабанщица сказала:

«До чего же я устала!»

А отрядный запеваля

Смолк и песен не поет.

Но сказал тогда вожатый:

«Ну-ка, что же вы, ребята,

Все раскисли по пути!

Ведь в походе

Стыдно вроде

Хныкать-плакать, не идти!

Запоем-ка песнь орлиную

Про того, который смел».

По дороге узкой, длинной

Шел отряд и песню пел!

Тульская область

Володя Суворов

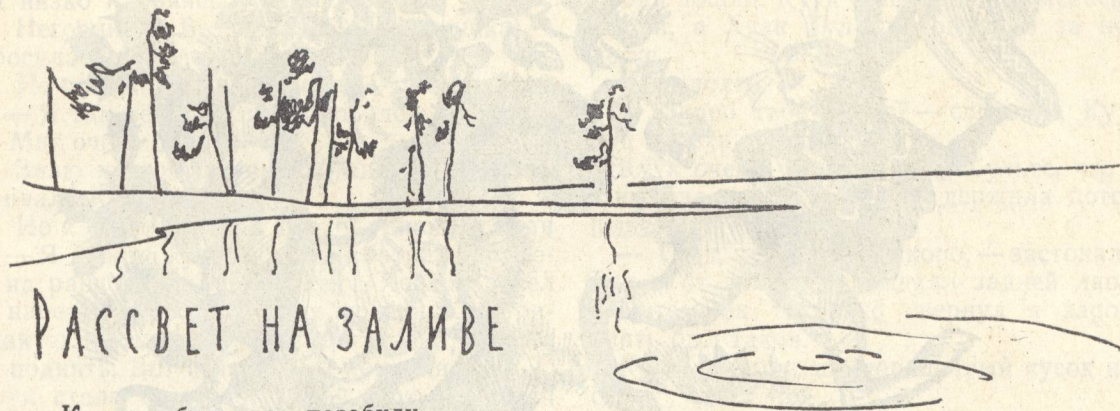

ПИОНЕРИЯ

Плакат И. Харкевича

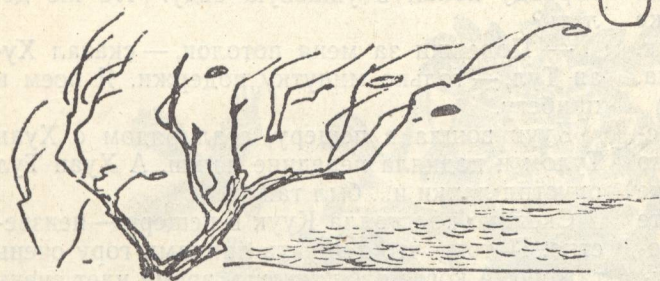

РАССВЕТ НА ЗАЛИВЕ

Когда-нибудь все позабуду,
Но это останется вам:
Рассвет, будто тихое чудо,
Ступает по тихим волнам.
И сосенок тени, как лыжни,
От рожицы наискосок
На берег легли неподвижно,
Впечатавшись в белый песок.
Камней добродушные глыбы —
В ночных бородавках росы,
И пахнет непойманной рыбой
Вода у песчаной косы.

ОСЕННИЙ МЫС

Без шуб зеленых и зеленых шапок
Кусты сбежали на сырой мысок.
Как отпечатки легких птичьих лапок,
Тень веточек ложится на песок.
В глубинах вянут водорослей пряди.
А вдоль мыска, дрожа от ветерка,
Все вяжут, вяжут на озерной глади
Петлистый невод спицы тростника.

ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ

В прозрачном и праздничном воздухе
На север летят журавли,
Травинок зеленые гвоздики
Проткнулись к нам из под земли
Торчат, коротки и не шелковы,
Иголки ранние трав,
Средь них одуванчики желтые
Встают у дорожных канав.
Встают над весенними лужами,
Просторами удивлены,
Доверчивые, неуклюжие
Посланцы земной глубины.

Рисунки Е. Парфенова

ХУАН ТУЛ—ПРОКАЗНИК

Мексиканская сказка

Кто такой Тул? Да просто-напросто заяц. Так называют индейцы племени майя всех зайцев подряд. Но тот заяц, о котором здесь рассказывается, носил еще и пышное испанское имя — Хуан. И Хуан очень гордился своим именем, потому что у других зверей имен не было. Вот, например, белка, о которой тоже рассказывается в этой сказке, звалась Куук. А на языке племени майя это и значит белка.

Ну, а теперь слушайте.

Однажды Куук прогуливалась по лесу. Распушив свой прекрасный хвост, она осторожно ступала лапками и пела песенку. А в песенке говорилось все о том же прекрасном хвосте сеньоры Куук да еще о жалком зайчьем хвостике, который и хвостом-то нельзя назвать.

Ах, бедная, бедная сеньора Куук! Лучше бы ей петь другую песенку!

Но она все пела и пела. И только допела последние слова, как услышала тяжкие стоны. Куук повернулась направо, налево, оглянулась назад, посмотрела вверх. Нигде никого. Наконец она глянула вперед и увидела пещеру. А в пещере сидел на задних лапах Хуан Тул и подпирал передними лапками каменный потолок. И при этом жалобно стонал.

— Что с тобой, Хуан Тул? — спросила Куук.

— Я умираю с голоду, — печально ответил Хуан Тул.

— Умираешь с голоду? — удивилась Куук. — Но ведь кругом столько сочной травы и вкусных корешков. Почему бы тебе не выйти из пещеры и не поесть?

— В том-то и дело, что я не могу выйти из пещеры, — протянул Хуан Тул. — Разве ты не

видишь — потолок вот-вот рухнет. Если я опущу лапы, он сейчас же раздавит меня. А если я еще часок так простою, я непременно умру с голоду.

— Бедняжка! — пожалела его Куук. — Ты и вправду попал в ужасную беду. Что же делать?

— Подержи за меня потолок, — сказал Хуан Тул, — только минутку подержи. Я поем и прибегу.

Куук вошла в пещеру, стал рядом с Хуан Тулом и подняла передние лапки. А Хуан Тул опустил лапки и... был таков.

Сколько простояла Куук в пещере — неизвестно. Потому что держать лапками гору очень тяжело. А когда тебе тяжело, время идет очень медленно. И Куук показалось, что прошла целая вечность. О, как устала Куук! Лапки у нее тряслись, пышный хвост опустился, спину лопило.

Наконец она не выдержала. Будь что будет! Пусть рухнет гора, пусть обвалится пещера!

Куук отняла одну лапку. Потолок не дрогнул. Она отняла вторую и с ужасом посмотрела вверх. Пещера стояла, как стояла века.

Тогда Куук поняла — бессовестный заяц просто посмеялся над ней.

— погоди, длинноухий! погоди, короткохвостый! — грозилась Куук.

Она выбежала из пещеры и кинулась искать зайца.

Долго искать не пришлось. Хуан Тул сам выскочил ей навстречу из густых высоких зарослей тростника.

— Здравствуйте, тетушка Куук, — заговорил заяц низко кланаясь.

— Негодник! Бездельник! Мальчишка! — набросилась на него Куук.

— Не понимаю вас, сеньора! — сказал Хуан Тул. — Я так вежливо поздоровался с вами, а вы... Мне очень обидно.

— Знаю я твои штучки, Хуан Тул! — опять закричала Куук.

— Но я вовсе не Хуан Тул, — удивился Хуан Тул. — Я просто Тул. Я бедный батрак и работаю на ранчо здесь неподалеку. Хозяин велел мне нарезать тростника для крыши. Смотрите, какую огромную кучу я приготовил. Мне ее и не поднять. Вот если бы вы помогли...

Куук стало совестно. Такой трудолюбивый заяц! Не то что Хуан Тул. А она на него накричала.

— Я охотно помогу тебе, — сказала Куук и подставила свою спину.

Заяц взвалил ей на спину такую вязанку тростника, что Куук под ней и видно не было.

— Ну хватит вам, тетушка Куук, — сказал он, — нехорошо взваливать много на пожилую женщину. Уж как-нибудь остальное я донесу сам.

Хуан Тул пошуршал тростником, покряхтел, словно ему очень-очень тяжело, и сказал:

— Вперед, тетушка Куук!

Они пошли. Куук сгибалась под непосильной ношей, а Хуан Тул припрыгивал за ней на легке.

Шли долго.

— Скоро твое ранчо? — спросила Куук из-под вороха тростника.

Куук очень устала — не забудьте, что перед этим она целую вечность держала потолок в пещере.

— О-ох, теперь уже скоро, — застонал Хуан Тул и от восторга помахал задней лапой.

Потом он тихонько свернул в заросли и опять был таков.

Куук прошла еще порядочный кусок и спросила:

— Где же ранчо?

Никто ей не ответил.

— Тул, я спрашиваю тебя: где же ранчо? — повторила Куук. И снова ей никто не ответил.

Тогда Куук сбросила с себя тяжелую вязанку и оглянулась. Тропинка была пуста.

— Значит это все-таки был Хуан Тул! — воскликнула Куук. — Я найду его. Хоть на краю света разыщу! Уж теперь-то он меня не проведет!

И она нашла его. Хуан Тул превесело проводил время. Он уцепился за конец лианы,

свисавшей с самой верхушки высокого дерева, и раскачивался на ней. Вверх — вниз, вниз — вверх. Когда взмывал вверх, он приговаривал: «Согнись, лиана!» Когда несся вниз, приказывал: «Выпрямись, лиана!»

И лиана то сгибалась, взлетая почти до самой верхушки дерева, то распрямлялась, спускаясь почти до земли.

Куук думала, что Хуан Тул уже ничем ее не сможет удивить. Но тут она удивилась.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Колдую, — ответил Хуан Тул. — Видишь, как лиана послушна моим заклинаниям. Хочешь, я и тебя научу колдовать? Прыгай ко мне.

И простодушная Куук, выждав, когда лиана спустится совсем низко, подскочила и уцепилась за нее всеми четырьмя лапками.

В то же мгновение Хуан Тул спрыгнул с лианы, а Куук взлетела едва не до облаков. Потом понеслась вниз, потом опять вверх, потом опять вниз, пока у нее голова не пошла кругом и она не перестала понимать, где верх, где низ. Наконец Куук свалилась на землю; больно ударившись.

— Не буду я больше связываться с этим Хуаном Тулом! — сказал она, чуть не плача. — Схожу к озеру, умоюсь и пойду домой.

Услышав из-за куста эти слова, неугомонный Хуан Тул помчался к озеру.

Как раз у самого берега озера из воды торчал высокий шест. Хуан Тул забрался на этот шест и стал ждать.

Куук еле притащилась к озеру. Она нагнулась к воде и вдруг увидела, что из воды на нее насмешливо смотрит Хуан Тул.

Будь Куук догадливей, она взглянула бы вверх. Но Куук не была догадливой. Она закричала:

— Ты и тут не оставляешь меня в покое! Так я тебя и со дна достану!

И она прыгнула в воду, чтобы схватить и наказать обидчика. Место было глубокое, и Куук плыла все вниз, вниз, все глубже и глубже. Пока не начала совсем задыхаться.

— Спасите! — хотела она крикнуть, но вверх поднялось только несколько пузырей.

Когда Хуан Тул увидел с шеста эти пузыри, он понял, что дело плохо. Чего доброго Куук и вправду утонет! А ведь он вовсе не хотел ей зла.

Хуан Тул сложил над головой передние лапы, вытянул задние, прыгнул в озеро и вытащил Куук на берег.

Куук открыла глаза и спросила слабым голосом:

— Кто ты, храбрый, благородный спаситель?

— Неужели ты не узнаешь меня? — спросил Хуан Тул. — Я Хуан Тул.

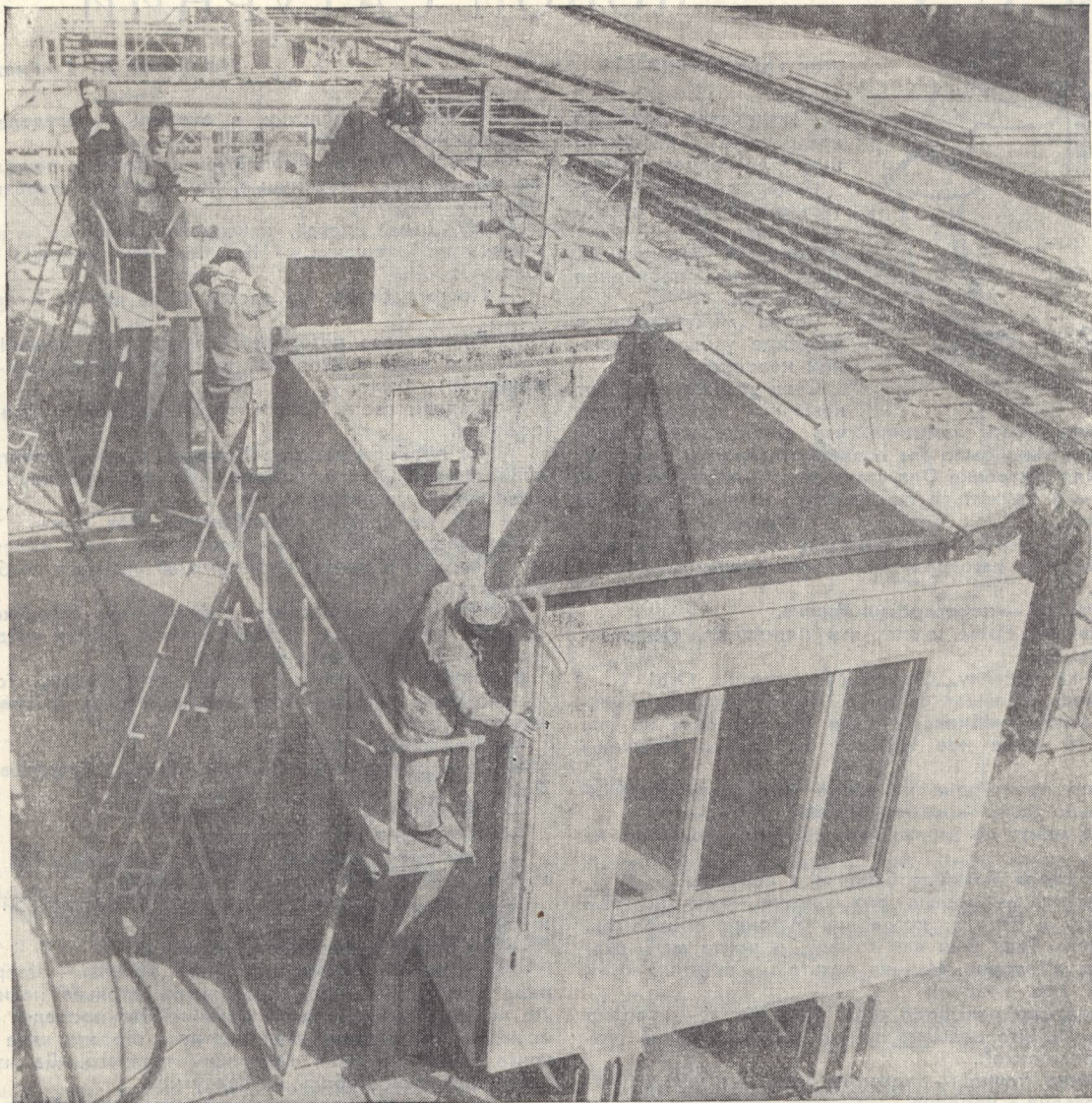
— Не может этого быть! — возмутилась Куук. — Да ты совершенно и не похож на Хуан Тула. Хуан Тул лопухий, а у тебя ушки маленькие, аккуратненькие. У Хуан Тула жалкий хвостик, а у тебя — хоть и не беличий, но хвост как хвост. Не пытайся убеждать меня, что ты Хуан Тул. Я все равно не поверю.

ОКНО СЕНИ- ЛЕТКИ

ДОМ
РАСТЕТ
НЕ
ПО ДНЯМ...

Перевела с испанского Э. Петрунис

Как вы думаете, сколько времени строится пятиэтажный дом? Месяцев семь, восемь, — отвечает не очень сведущий человек.

Действительно, всего несколько лет назад такие сроки были и даже считались неплохими.

Двенадцать дней и — пятиэтажный дом готов — так работают сегодня монтажники.

...Строительная площадка превратилась в большой монтажный цех. Строители заняты невиданным делом: дом собирают не из панелей — вы, конечно, слышали название — крупнопанельный дом — а из больших кубов. Целая комната и даже квартира

помещаются в таком «кубике». Комнаты, ванны, кухни полностью отделаны и оборудованы.

Наш фотокорреспондент как раз и снял сборку таких кубиков на заводе.

Посмотрите, с какой тщательностью проверяет установку оконной панели бригадир монтажников. Панель с дверью уже выверена. Сварщик надел защитный щиток. Сейчас электрод замкнет цепь, и электросварка навечно свяжет панели. Закрепят сваркой все стеновые панели, заполнят швы бетоном, уложат перекрытие — потолок — и комната готова. Теперь остается побелить

ее, оклеить обоями, установить окна и двери и — можно вести на стройку.

...Грузовик-тяжеловоз привозит кубик-квартиру на стройку. Мощный монтажный кран принимает за работу и устанавливает на место все, что надо, за пятнадцать минут.

За неделю монтируется большой пятиэтажный дом. Это темпы нашей семилетки: пятьсот тысяч больших — семиэтажных — домов будет построено в нашей стране к 1965 году.

Фото Б. Уткина

КОКОН САТУРНИИ

Лев Стекольников

Рисунки В. Голявкина

«Поздравляю дорогого племянника наступающим двенадцатилетием.

Подарок — кокон сатурнии — выслан посылкой. Дядя Женя».

Прочитав телеграмму, Толя даже побледнел от счастья.

Через минуту все в квартире узнали о важной новости.

Отец сказал: «Да? Вот как!» — и продолжал читать газету.

Мать заметила, что единственному племяннику можно было бы послать подарок и получше. Трехлетняя сестренка Оля стала петь: — «Сатурния! Сатурния!» — и кружиться по комнате, хотя и ничего не понимала.

К счастью, у Толи был приятель Мишка. Вот с кем можно всласть наговориться о замечательном подарке!..

— Большая? — переспросил Мишка.

— Большая! Брем пишет, что пятнадцать сантиметров в размахе.

— Дай-ка линейку. Отмерим на парте... Ого!

Оказалось, большая сатурния может закрыть крыльями страницу учебника, а если бы она села на нос Мишке, то из-за нее торчали бы только Мишкины уши...

Разговор происходил на уроке географии и тянулся довольно долго — мешал учитель.

За пять минут до звонка Толя зашептал приятелю на ухо:

— Она самая большая бабочка в Европе...

— Сундуков, — прервал его учитель, — что вы там бормочете о Европе, когда мы Африку проходим!..

Весь день Толя был как в чаду, и когда мать сказала ему: «Холодно. Надень пальто!» — ответил: «Нет, я пойду без кокона!»

— А здорово рассчитал твой дядя Женя! — говорил Мишка. — Неужто посылка придет точно накануне твоего дня рождения?..

— Конечно, точно! — подхватил Толя, — я уже ей место приготовил в коробке...

Настало 30 апреля — день Толиного рождения. Толя каждые полчаса заглядывал в почтовый ящик, — извещения о посылке не было.

Родители обиделись — Толя очень холодно принял их подарки: красную рубашку-ковбойку от мамы и толстенный научно-фантастический роман от папы. Он небрежно поблагодарил их и... побежал с Мишкой на почту.

В тесной комнате почтового отделения было шумно. Очереди к окошкам «прием телеграмм» и «выдача посылок» извивались, как гусеницы.

— Давай извещение, — сказал Мишка. — Я пролезу к окошку.

— Да нет еще у меня извещения, — ответил Толя грустно глядя на недостижимую гору посылок за стеклянной стенкой.

— Так чего ж стоять-то! — удивился Мишка. — Ну-ка я...

— Тетенька! — настойчиво прозвучал Мишкин голос. — Есть ли посылка Сундукову из Сухуми?.. Тетенька!

— В очередь, мальчик, в очередь, — загудела «гусеница», — в очереди!

— Брось, Мишка, — сконфузился Толя и пошел было искать хвост «гусеницы», но Мишкины старания не пропали даром:

— Ну, давай, давай, извещение, мальчик! — послышалось из окошечка. — Нет? Так иди домой и жди. Следующий!..

— Почта работает до десяти часов вечера, — прочел Толя.

— Еще не все потеряно, Толька! Айда домой!

Старые часы в столовой пробили восемь раз — извещения не было.

Приходили гости. Толя с грустным лицом принимал подарки.

Часы пробили девять... Коротко звякнул электрический звонок. Оттолкнув отца, чуть не опрокинув стол, Толя кинулся к двери.

— Вам телеграмма, распишитесь. Вот здесь.

Поздравляла тетя. Толя небрежно сунул телеграмму в карман и вдруг, пробормотав «сейчас», выбежал на лестницу.

Мишка играл в шахматы с почтенным старичком — соседом по квартире. Оставив своего короля «под шахом», он вылетел вслед за Толей.

В почтовом отделении народу поубавилось. Только у окошечка «прием телеграмм» стояла очередь — завтра Первое мая!

— Извещение, мальчик!

— Она обязательно должна быть... Сундукову из Сухуми.

— Извещение!

— Извещения нет, но посылка...

— Если нет извещения — нет и посылки... Ну, ладно уж. Сейчас проверю. Ньюра! Ньюра!

Подожла круглощекая девушка в форменной тулупе.

— Ты носила извещение Сундукову?

— Да разве вспомнишь, кому носила? — затараторила девушка. — Перед праздником столько носишь!.. Да что ты беспокоишься, мальчик? Не пропадет твоя посылка. Не сегодня, так завтра... ой, нет, два дня почта будет закрыта. Получишь третьего. Да что у тебя в посылке? Небось, не протухнет.

— Вот именно протухнет, — подал голос Мишка.

— А вот мы вас оштрафуем. Нельзя посылать скоропортящиеся продукты, — строго сказал начальник почтового отделения.

— У меня там куколка, — покраснев, тихо произнес Толя.

— Мальчик, а в куклы играет, — захихикала девочка в очереди. Все засмеялись.

— Сама ты кукла безмозглая! — огрызнулся Мишка.

— Это куколка бабочки, — поспешно объяснил Толя.

— Значит вас, молодые люди, надо оштрафовать за пересылку сельскохозяйственных вредителей, — и начальник подошел к окошку.

— Да вы ничего не понимаете в ляпи... допи... лепи... лепидептерологии, — важно сказал Мишка.

— Что это за... лепи-лепи? — спросил начальник.

— Это наука о бабочках.

— Так, значит, там бабочка? Да ей же там тесно и душно, в посылке-то, — заинтересовалась Ньюра.

— Ей не тесно, — объяснил Толя. — Она в коконе, а вот если она вылезет в посылке, то будет инвали-

дом. Ей надо крылья расправить на свободе. А крылья большие — вот такие...

— Да неужто такая большая! — изумилась Нюра.

— И она очень красивая. Как... как бархатный занавес в театре. И на каждом крыле большое пятно, словно глаз.

— А что она ест? — спросила девочка.

— Она совсем не ест. У нее даже хоботка нет. И живет очень недолго. Отложит яички и умрет...

Было уже десять минут одиннадцатого, но почта оставалась открытой, — все слушали Толю.

— Нюра, — неожиданно сказал начальник, — у тебя в графе получения какой-то Крестовоздвиженский на

Сундукова залез — сразу две графы занял. Смотреть надо!

...Крохотный ящичек несли по очереди. Гости встретили ребят веселым подтруниванием, а родители возмущенными взглядами.

— А мы хотели было съесть ваши пирожные, — пробасил старик-шахматист.

И вдруг в ящике послышался шорох...

— Вылезает! Мишка, давай нож! — отчаянно завопил Толя.

Гости испуганно откачнулись от стола...

Бабочка превзошла самые смелые ожидания: она была не пятнадцать сантиметров в размахе, как сказано у Брема, а целых шестнадцати.

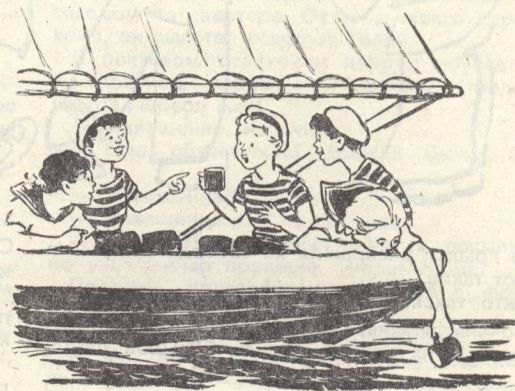

Яхта «Костёр» остаётся без компаса

В ночь на первое августа дежурный радист морского клуба принял радиограмму капитана яхты.

«Такого ливня мы еще не встречали во время плавания. Блеск молний и грохот сопровождали нас весь день. К вечеру что-то случилось с компасом. Его катушка стала неустойчивой и все время колебалась. Был момент, когда я худо подумал о ребятах — быть может, кто-нибудь положил около компаса ключи или молоток? Проверил — нет. Все оказалось в порядке. Хорошо, что небо прояснилось, и мы, как древние мореплаватели,

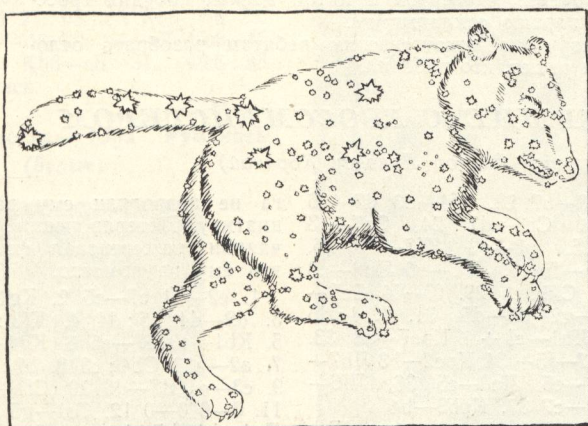
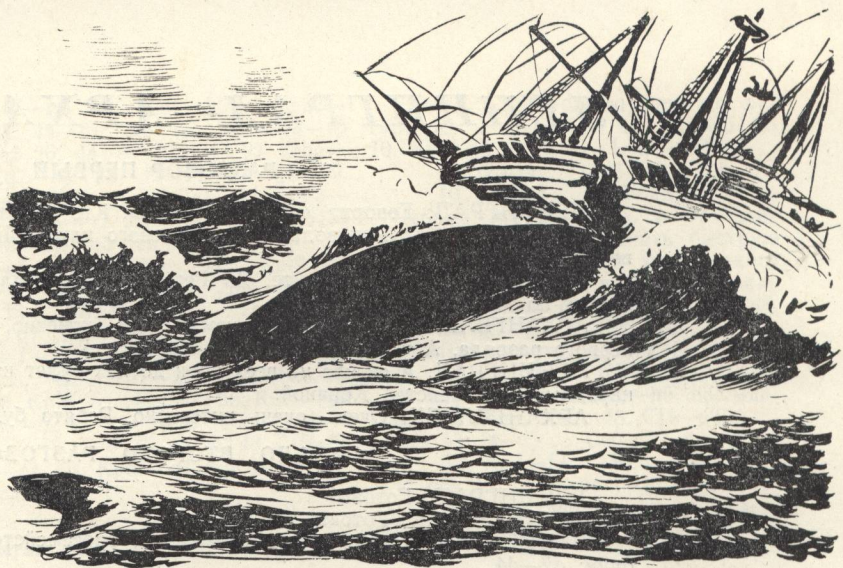

стали ориентироваться по Полярной звезде. Нелегко было Диме Гогину стоять на руле, ведь Полярная звезда находилась прямо за кормой нашего судна. Он чуть себе шею не свернул.

Ровный свежий ветер, сопровождавший нас почти неделю, окончательно стих. Мы попали в полосу штилей. Наше положение все ухудшается. Единственная радость — компас исправился сам собой. Правда, от этого мало толку — нас только несет течением. Самое страшное — запасы воды на

исходе. Лева Бурчалкин предлагает пить морскую воду, а ребята не хотят. Утром океан сделал нам подарок — стая летучих рыб пронеслась над яхтой. Удалось поймать несколько штук. Жареные летучки — неплохой завтрак.

Вечером коротали время. Рассказывали байки: что видели, что слышали. Юра Семечкин любит истории о кораблекрушениях. Он поведал нам, как гигантские спруты и кашалоты губят суда. Я показал ребятам старинный альбом созвездий и задал загадку о Большой Медведице».

ПРИКАЗ № 3 ПО МОРСКОМУ КЛУБУ

В редакцию поступило срочное донесение капитана яхты «Костер». Приключения мореплавателей продолжаются.

Приказываю ответить на следующие вопросы:

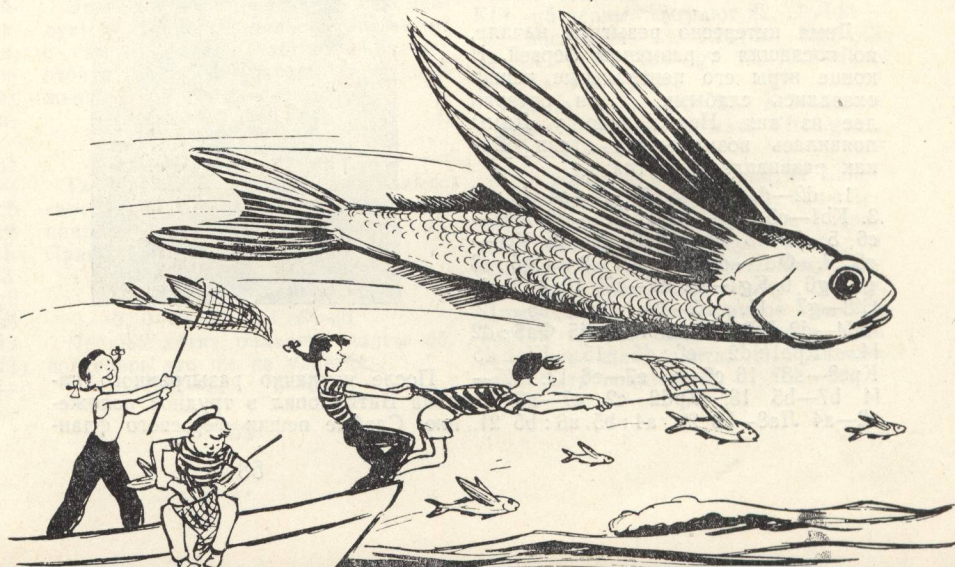
- § 1. Что случилось с компасом на яхте?
- § 2. Почему летучая рыба стремится взлететь в воздух?
- § 3. Можно ли пить морскую воду?
- § 4. Каким курсом шла яхта во время вахты Димы Гогина?
- § 5. Как найти Полярную звезду на небе?
- § 6. Разгадайте загадку капитана: почему созвездие похоже на ковш, а называется Большой Медведицей?
- § 7. Возможны ли случаи, о которых рассказал Юра Семечкин?

Боцман РУМПЕЛЬ

ОТВЕТЫ БОЦМАНА РУМПЕЛЯ

(Вопросы в журнале № 6)

- 1. Набирать воду ведром следует не по ходу судна, а против него.
- 2. Тузик не кличка, а наименование маленькой шлюпки.
- 3. Яхта — тендер. Паруса: грот, топсель и стаксель.
- 4. «Отдать якорь» — команда при постановке судна на якорь.
- 5. На яхту необходимо взять: лаг, лот, топор, пилу, клещи, кисть, обыкновенные весла, уключины.

ЛЕНИНГРАД — АРХАНГЕЛЬСК

РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ

ЛЕНИНГРАД: Говорит журнал «Костер». Кто у телефона?
АРХАНГЕЛЬСК: Руководитель шахматного клуба Дворца пионеров Ян Германович Карбасников.

ЛЕНИНГРАД: Здравствуйте, Ян Германович. Предлагаем сыграть матч на пяти досках по телефону.

АРХАНГЕЛЬСК: С удовольствием. У нас, конечно, найдется пять шахматистов первого разряда. А у вас?

ЛЕНИНГРАД: А от нас на всех пяти досках будет играть наш сотрудник, международный гроссмейстер Корчной.

АРХАНГЕЛЬСК: Очень, очень интересно. Ребята будут рады.

НАЧАЛО ВТОРОГО РАЗГОВОРА

ЛЕНИНГРАД: Готовы?

АРХАНГЕЛЬСК: Готовы.

ЛЕНИНГРАД: Принимайте первый ход гроссмейстера Корчного. Доска номер один: d2—d4...

КОНЕЦ ВТОРОГО РАЗГОВОРА

(прошло четыре часа)

АРХАНГЕЛЬСК: На второй, третьей, четвертой и пятой досках победил гроссмейстер Корчной. На первой доске партию откладываем.

ЛЕНИНГРАД: Гроссмейстер поручает архангельским ребятам разобрать отложенную позицию. Пусть ребята сами решат, кто победил.

ПЯТЕРО, ПОСПОРИВШИЕ С ГРОССМЕЙСТЕРОМ

(партии комментирует Виктор Львович Корчной)

Первая доска — Дима Иванов
(черные)

Дима интересно разыграл начало, но поспешил с разменом ферзей. В конце игры его центральные пешки оказались слабыми, и он потерял две из них. Неожиданно у Димы появилась возможность атаки. Вот как развивалась партия:

1. d2—d4 f7—f5 2. e2—e4 f5:c4 3. Kb1—c3 Kg8—f6 4. Cc1—g5 Kb8—c6 5. f2—f3 e4—e3 6. d4—d5 Kc6—e5 7. Фd1—d4 Ke5—f7 8. Cg5:e3 g7—g6 9. Kgl—e2 c7—c6! 10. Ke2—f4 Cf8—g7 11. h2—h4 Фd8—a5 12. Фd4—d2 Kf6:d5 13. Kc3:d5 Фа5:d2 14. Kpe1:d2 c6:d5 15. Kf4:d5 Кре8—d8? 16. c2—c3 e7—e6 17. Kd5—f4 b7—b5 18. Kpd2—c2 a7—a6 19. a2—a4 Ла8—b8 20. a4:b5 a6:b5 21.

Ce3—a7 Лb8—b7 22. Kf4—d3 d7—d6 23. Kd3—b4 Cc8—d7 24. Ca7—e3 Kpd8—e7 25. g2—g3 Kf7—e5 26. Ce3—d4 Cg7—f6 27. Ла1—a6 Лh8—c8 28. Cd4:e5 Cf6:e5 29. f3—f4 Ce5—f6 30. Cf1—g2 d6—d5 31. Kb4:d5 e6:d5 32. Лh1—e1 + Кре7—d8 33. Ла6:f6 Cd7—f5+ 34. Kpc2—b3 Лb7—d7 35. Лe1—e5 Лc8—c5 36. Лf6—f8+ Kpd8—c7 37. Kpb3—b4

Здесь партия была отложена. Ребята архангельского Дворца пионеров решили, что у белых — преимущество, достаточное для победы.

Вторая доска — Витя Харитонов
(белые)

После неудачно разыгранного начала Витя попал в трудное положение. Слабые пешки ферзевого флан-

га не позволяли ему развить инициативу. Потеряв пешку, Витя в отчаянии пожертвовал фигуру, но и это ему не помогло.

1. e2—e4 c7—c5 2. Kgl—f3 a7—a6 3. d2—d4 c5:d4 4. Kf3:d4 Kg8—f6 5. Kb1—c3 e7—e5 6. Kd4—f3 Cf8—b4 7. a2—a3? Cb4:c3 8. b2:c3 Фd8—c7 9. c3—c4 d7—d6 10. Cf1—d3 Cc8—e6 11. 0—0 0—0 12. Cc1—g5 Kb8—d7 13. Ла1—b1 h7—h6 14. Cg5—e3 Ce6:c4 15. Cd3:c4 Фc7:c4 16. Фd1:d6 Фc4:e4 17. Лb1—b4 Фе4—c6 18. Фd6—d2? Kf6—d5 19. Лb4—b2 Лf8—e8 20. Лf1—b1 b7—b5 21. a3—a4 Kd5—c3 22. a4:b5 a6:b5 23. Лb1—e1 Kd7—f6 24. Ce3:h6? Kf6—e4 Белые сдались.

Третья доска — Сережа Кукарников
(черные)

Сереза, видимо, играл без определенного плана. В то время, как белые спокойно разыграли начало, избегая известных продолжений, неудачно расставленные фигуры черных топтались на месте. Пешечный строй белых быстро двинулся вперед на ферзевом фланге. В стесненном положении Сереза потерял пешку, а затем просмотрел потерю ладьи.

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—b5 a7—a6 4. Cb5—a4 Kg8—f6 5. 0—0 Cf8—e7 6. d2—d3 d7—d6 7. c2—c3 b7—b5 8. Ca4—c2 0—0 9. Lf1—e1 Lf8—e8? 10. d3—d4 Cc8—g4 11. d4—d5 Kc6—b8 12. h2—h3 Cg4—c8? 13. a2—a4 b5:a4 14. Cc2:a4 Cc8—d7 15. c3—c4 Cd7:a4 16. Фd1:a4 Kb8—d7 17. b2—b4 Фd8—b8 18. Kbl—c3 Kd7—b6 19. Фа4—a2 Kf6—d7 20. Ccl—e3 Kpg8—h8 21. Kf3—d2 Le8—f8 22. Фа2—a5 g7—g6 23. c4—c5 Kb6—c8 24. Фа5—a4 Kd7—f6 25. Le1—b1 Kf6—e8 26. b4—b5 d6:c5 27. b5:a6 Kc8—b6 28. Фа4—c6 Фb8—d8 29. a6—a7 Ke8—f6 30. Kc3—b5 Kb6—c8 31. Фc6:a8 Черные сдались.

Четвертая доска — Юра Румянцев (белые)

Юра прекрасно разыграл начало, имел большое преимущество до неудачного 16-го хода. Партия могла закончиться вничью, но белые подготовили и провели неправильную жертву фигуры. Черным удалось защититься и сохранить перевес в силах.

1. e2—e4 e7—e6 2. d2—d4 d7—d5 3. Kbl—c3 Cf8—b4 4. e4—e5 Kg8—e7 5. a2—a3 Cb4:c3 6. b2:c3 c7—c5 7. a3—a4 Фd8—c7 8. Kgl—f3 Kb8—c6 9. Cf1—e2 Cc8—d7 10. 0—0 b7—b6 11. Lf1—e1 0—0 12. Ce2—d3 f7—f6 13. Cel—f4 c5—c4 14. Cd3—f1 Ke7—g6 15. Cf4—g3 Фc7—d8 16. h2—h4? f6:e5 17. h4—h5 e5—e4 18. h5:g6 e4:f3 19. g6:h7+ Kpg8:h7 20. g2:f3 Фd8—f6 21. f3—f4? Kc6—e7 22. Cf1—

h3 Ke7—g6 23. Фd1—h5+ Kph7—g8 24. f4—f5! e6:f5 25. Cg3—e5 Kgb:e5 26. d4:e5 Фf6—f7 27. Фh5—g5 Cd7—e6 28. f2—f4 g7—g6 29. Kpg1—f2 Фf7—g7 30. Le1—g1 Kpg8—f7 31. Lla1—e1? Lf8—h8 32. Ch3:f5? Ce6:f5 33. e5—e6+ Kpf7—g8 34. Le1—e5 Lh8—h2+ 35. Kpf2—e1 Ла8—e8 36. Lgl—g3 Le8:e6 37. Фg5:f5 g6:f5 38. Lgl:g7+ Kpg8:g7 39. Le5:e6 Lh2:c2 40. Le6—e7+ Kpg7—f6 41. Le7:a7 Lc2:c3 42. Ла7—a6 Lc3—b3 43. a4—a5 Kpf6—e6 44. a5:b6 Кре6—d6 45. b6—b7+ Kpd6—c5 46. Ла6—f6 Lb3:b7 47. Lf6:f5 c4—c3 48. Lf6—f8 Kpc5—c4 49. Kpe1—d1 Kpc4—d3 Белые сдались.

Пятая доска — Галя Таранина (черные)

На партии, которую играла Галя, нужно остановиться подробнее. Партия очень поучительна для начинающих шахматистов.

1. e2—e4 e7—e5
2. d2—d4 ...

Этот ход применять не рекомендуется. Но белые делают его, чтобы с самого начала заставить черных отойти от хорошо известных продолжений.

2. ... e5:d4
3. Фd1:d4 Kb8—c6
4. Фd4—e3 d7—d6?

Таким путем черные затрудняют свое развитие. Рано или поздно им придется продвинуть пешку на d5. Правильно было 4. ... Kg8—f6.

5. Kbl—c3 Kg8—f6
6. Cel—d2 Cf8—e7
7. 0—0—0 Cc8—e6

Черные хотят овладеть полем d5, но теперь это им не удастся.

8. Cd2—e1 0—0

Если 8. ... d6—d5, то теряется фигура (8. ... d6—d5 9. e4:d5 Kf6:d5 10. Kc3:d5 Ce6:d5 11. c2—c4).

9. f2—f4 Фd8—c8
10. h2—h3 Lf8—e8

Черные играют вяло, и это дает возможность белым начать быструю атаку всеми пешками королевского фланга. К тому же черные потеряли темп: надо было сразу 10. ... Lf8—d8.

11. g2—g4 Le8—d8
Черные топчутся на месте.

12. g4—g5 Kf6—e8

В случае 12. ... Kf6—h5 последовало бы неприятное 13. Cf1—e2.

13. f4—f5 Ce6—d7
14. Kgl—f3 Kc6—b4?

И без того плохое положение черных еще ухудшается этой последней ошибкой. Надо было 14. ... Kc6—e5.

15. a2—a3 Kb4—a6
16. Kc3—d5 Ce7—f8
17. f5—f6 Cd7—e6

Плохо было 17. ... c7—c6 из-за хода 18. Kd5—e7+ (18. ... Cf8—e7 19. f6:e7, и ладья черных гибнет).

18. f6:g7 Ke8:g7

Черные выбирают одно из трех неизбежных зол (на 18. ... Cf8:g7 белые сыграли бы 19. Kd5—e7+, выигрывая ферзя, а на 18. ... Kpg8:g7 у белых есть в запасе 19. Cel—c3+).

19. Kd5—f6+ Kpg7—h8

Черный король окружен, гибель его близка, а фигуры черных далеко на ферзевом фланге и ничем не могут помочь.

20. g5—g6 f7:g6

При ходе 20. ... Kg7—e8 возможна небольшая отсрочка гибели черного короля (21. Kf6:e8 Ld8:e8 22. Cel—c3+ Kph8—g8 23. Фе3—d4 f7:g6 24. Фd4—h8+ Kpg8—f7 25. Фh8:h7+ Cf8—g7 26. Фh7:g7×).

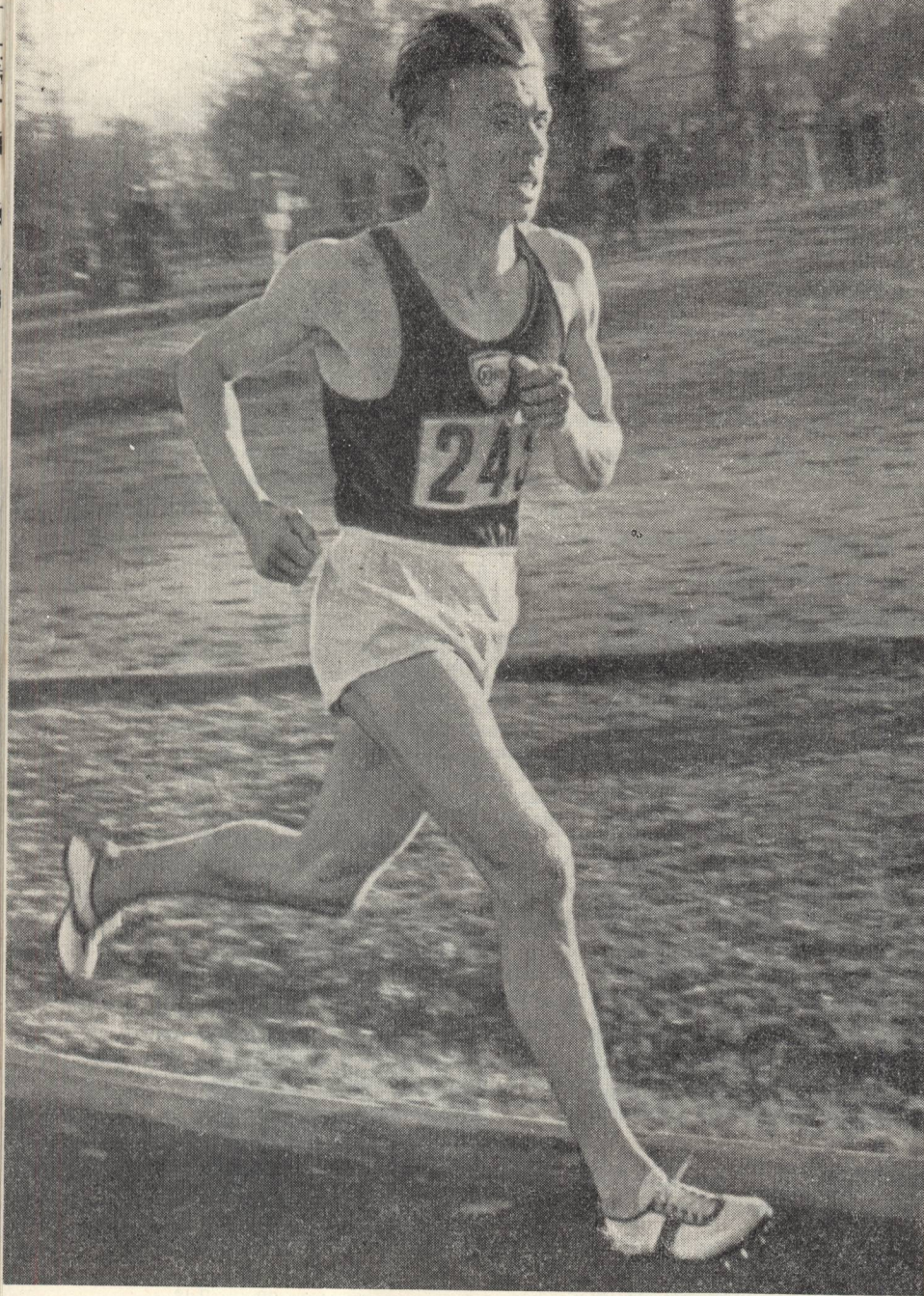
21. Фе3—h6 ...

Единственная защита от мата — 21. ... Ce6—g8. Но у белых имеется 22. Kf3—g5 с угрозой дать шах ходом Kg5—f7+. Слон черных должен взять объявляющего шах коня, поле h7 останется беззащитным, и белый ферзь даст мат.

Если же после 21. ... Ce6—g8 22. Kf3—g5 черные сыграют 22. ... Ld8—d7, последует 23. Kf6:h7 Kg7—f5 24. Cel—c3+ Cf8—g7 25. Kh7—f8+ Kf5:h6 Kf8—g6×.

Можно и просто 22. Kf3—h4, и черным не избежать мата Kh4:g6×. Черные сдались.

Ход событий в этой партии напоминает юным шахматистам, что в начале игры главное — быстрое развитие, причем не поверхностное, а осмысленное, по определенному, хотя бы приблизительно плану. Даже слабо разыгранное начало партии может быть звеном в цепи замыслов шахматиста. И, конечно, надо быть поактивнее.

ПОЛОВИНА ШАГА

Маршрут кросса напоминал растянутую подкову. На весеннем ветру колыхались флаги одиннадцати стран. Плотной стеной стояли вдоль шоссе зрители. Париж. Соревнования на приз газеты французских коммунистов «Юманите». Дистанция — восемь километров.

Александр Артынюк в последний раз оглядел соперников. Как всегда, улыбается, переминаясь с ноги на ногу, Петр Болотников, олимпийский чемпион и рекордсмен мира. Плечом к плечу стоят испытанные бойцы, поляки Ожуг и Зимны. Шутят, посмеиваются венгры во главе с Атилой Шимоном. И у каждого спорт-

смена на груди — красный галстук, только что повязанный французским пионером.

Звонко хлопнул выстрел. Бегуны сорвались с места.

Бежать было приятно: предыдущие забеги утрамбовали невысокую траву, и поэтому каждый шаг был легким и пружинистым. На тренировках Артынюк постоянно пробежал тридцать километров, восьмикилометровая дистанция его не пугала. И теперь он меньше всего думал о себе. Артынюк на бегу внимательно изучал противников.

Они появлялись и исчезали. Обходили Артынюка, скрывались из виду, а потом не выдерживали темпа, появлялись снова и отставали. А он шел все так же крупно, накатисто, и дорога разворачивалась перед ним, как лента кинофильма.

Главные события в этом фильме начались к концу, когда Артынюк догнал лидеров.

Их осталось всего двое, Шимов и Зимны. Венгр тут же сложил оружие и начал быстро отставать. Зимны не сбавлял скорости. Его сухое тело двигалось свободно и ритмично. Он был совсем свеж. Но и Артынюк не чувствовал никакой усталости.

Сознание цепко ощупывало оставшийся кусок дистанции. Где начать решающий рывок, выложить весь запас сил против всего запаса сил Зимны? Шоссе, луг, земляная дорожка, неглубокая лощина, финишная прямая. Значит, так: шоссе, луг, дорожка, лощина. Лощина...

Рывок начнется на спуске в лощину. Именно там, где Зимны меньше всего этого ожидает. Рискованно, очень рискованно. Но необходимо.

Десять шагов до спуска. Пять. Три. Есть! Ноги прошуршали по дну лощины и вынесли наверх. Еще трудно было понять, что произошло, но Артынюк почувствовал, что он впереди. Он не знал, насколько — на метр, на пять метров. Потом, гораздо позже, ему сказали, что Зимны отстал всего на полшага. А что такое полшага, если дистанция восьмикилометровая? Как два мяча, вылетели Артынюк и Зимны на финишную прямую. Зимны сделал все, что мог. Ценой невероятных усилий он держался почти рядом со спортсменом в алой майке. Но половина шага, та самая, проигранная в лощине половина шага, как невидимая стена, отделяла его от Артынюка. На полшага раньше Зимны Артынюк пересек линию финиша.

...Года через два Александр Артынюк окончит институт физкультуры и станет учителем. Очень может быть, что он придет работать в вашу школу. Тогда вы наверняка узнаете от него об очень важных «пустяках», которыми никак нельзя пренебрегать. Ни одной мелочью. Даже половиной шага.

И. Азербак

...что морские ежи Антарктики передвигаются по дну океана на своих иглах-ходулях. По форме эти ежи бывают разные — напоминают диск, дыню, бутылку, яйцо...

Дальневосточные ежи живут в углублениях подводных скал, в коралловых рифах или зарываются в ил.

В странах Южной Европы и Африки водятся морские ежи, у которых в скорлупе и иглах содержится известь. Сжигая скорлупу и иглы, можно получить ценное сельскохозяйственное удобрение.

...что людям известно более тридцати видов морских огурцов. Во многих странах голотурии, трепанги и другие виды этих морских животных считаются не только лакомым, но и лечебным блюдом.

В Китае, Корее, Индии, Италии из морских огурцов приготавливают бульоны и салаты, отваривают с мясом, тушат с овощами.

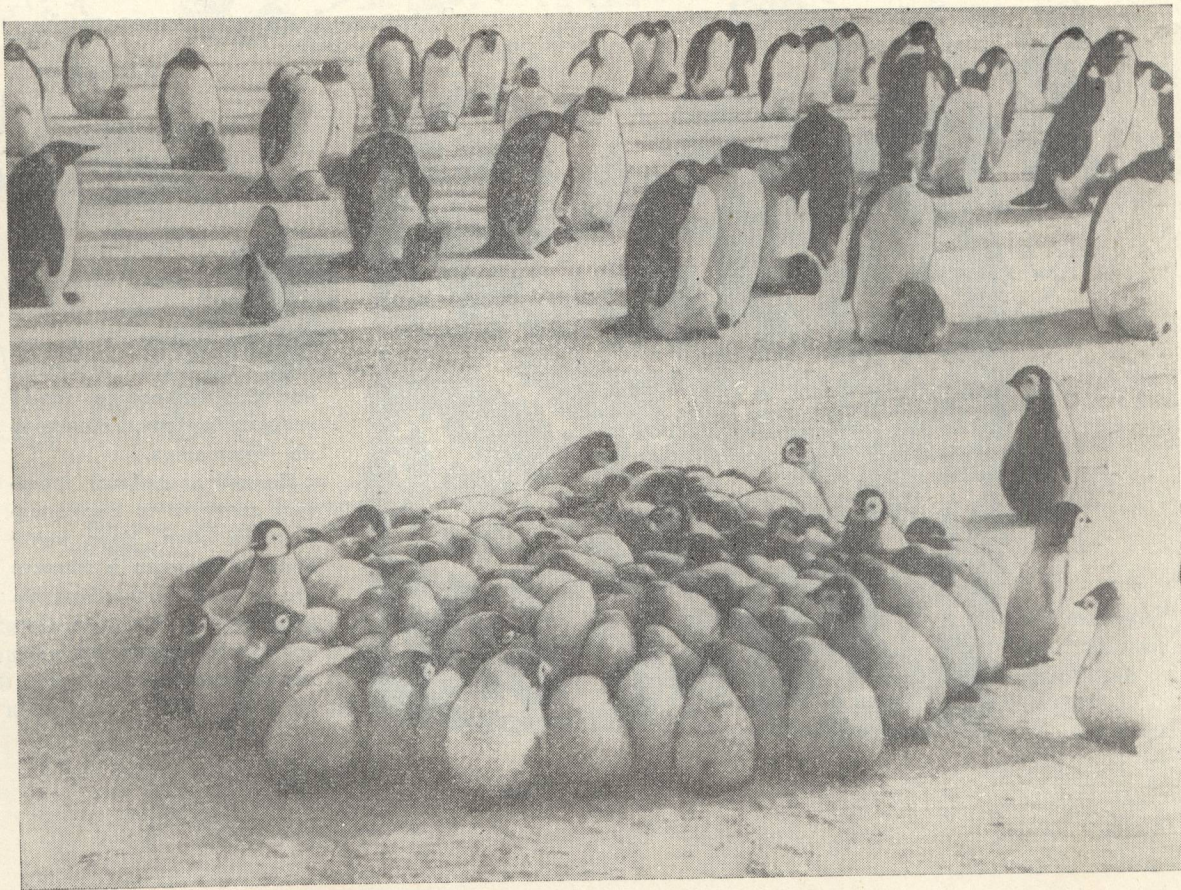
...что у всех ранее известных нам рыб кровь красного цвета. Но существуют белокровные рыбы. Об этом узнали сравнительно недавно.

В субантарктической части Индийского океана участникам советской антарктической экспедиции на дизель-электроходе «Обь» удалось выловить удивительную щуку, у которой вместо крови оказалась белая жидкость.

...что императорские пингвины согревают птенцов, выведенных в холоде, складкой, похожей на сумку. В каждой складке живота маленькие пингвины греются, пока не покроются пухом и не перестанут бояться холода.

На льду малыши образуют оригинальные «детские сады». Они стоят, плотно прижавшись друг к другу, согреваясь без помощи родителей. Лишь самые слабые остаются под опекой взрослых птиц.

«Детские сады» у пингвинов работают всю антарктическую зиму — с апреля до сентября. Когда приходит весна, пингвинам становятся не нужны «теплые компании».

ПОЧТА КАДРИКА

Дорогой Кадрик!
Я внимательно смотрел на фотозагадку в пятом номере журнала и решил, что это освещенный мыльный пузырь.

Алик Штейн (г. Львов)

Здравствуй, Кадрик!
В пятом номере на фотографии — круглый ломтик лимона.

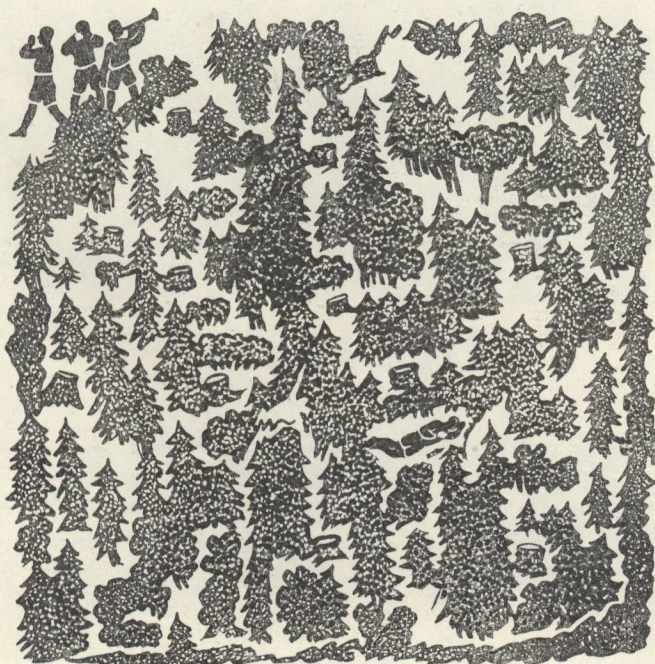
Лариса Балая (Ровенская область)

Дорогая Лариса!
Ты отгадала правильно, а Алик Штейн ошибся. Присылай еще отгадки.

Кадрик

Дорогие ребята!
Спасибо всем, кто прислал ответы на головоломки. Некоторые ребята дали два ответа на загадку Толи Хирхилия из города Магнитогорска. Они назвали города Томск, Омск, Ярославль и Ростов.

Ребус в пятом номере читается так: «Здравствуй, солнце, здравствуй, лес, здравствуй, лагерь пионерский!»

Здравствуй, Кадрик!
Ты обращался к ребятам, чтобы присылали рисунки. Вот я и нарисовала. Только зачем они тебе?

Надя Панова
(Луганская область)

Дорогая Надя!
Самые хорошие рисунки мы будем печатать в журнале, чтобы все ребята их видели. Вот зачем они мне.

Кадрик

Дорогой Кадрик!
Погладь за меня своего Объектива. Мне он очень нравится. Я умных собак люблю.

Оля Сахарова
(г. Новосибирск)

Кадрик

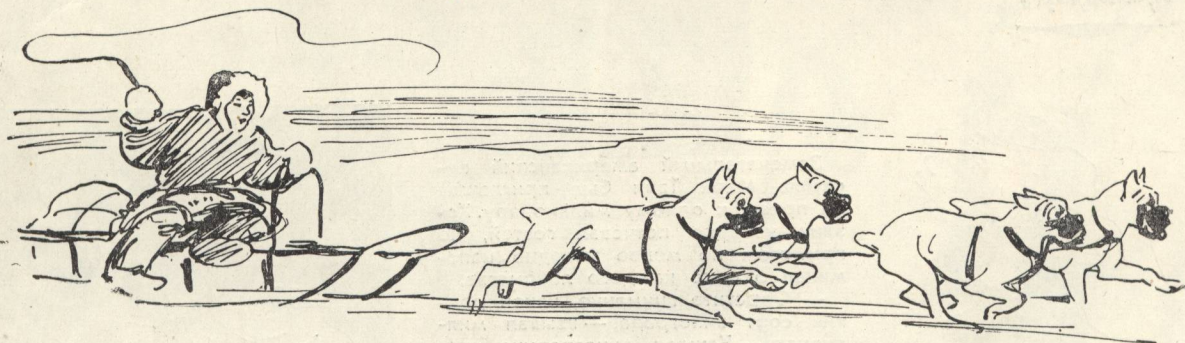
ПОМОГИТЕ ТРЕТЬЕМУ ЗВЕНУ!

Лабиринт

Третье звено было на прогулке в лесу. Собрались возвращаться в лагерь, а Миши Барсукова нет. Он, как всегда, где-то заснул. Кричали, горнили — не отзывается.

Помогите, ребята, третьему звену, а то оно опоздает на обед. Надо найти Мишу Барсукова и вывести его из леса. Через бурелом перелезть нельзя — можно ходить только там, где нет препятствий.

СТРАШНЫЙ СОН СОБАКОВОДА КАПИТОНОВА

Собаковод Капитонов увидел страшный сон. Он рассказал про этот сон своему другу художнику. Художник нарисовал то, что увидел во сне Капитонов. Вот этот рисунок. Чего испугался собаковод Капитонов? Все ли собаки заняты своим делом?

КАРТИНА ГОТОВА

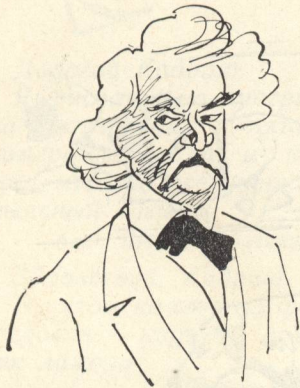
Валерка сказал,
Что картина готова.
На ней нарисованы
Луг и корова.

А Лида смеется:
— На этом лугу
Травы я, Валерка,
Найти не могу!

— Трава-то была,
Только, честное слово,
Ее без остатка
Сжевала корова.

— А где же корова?
— Ушла за травой,
Тебе на прощанье
Кивнув головой.

А. Бродский

Замечательный американский писатель Марк Твен был приглашен на прием к одному миллионеру. Хозяин усердно потчевал гостей, но при этом не менее усердно напоминал о цене каждого лакомства.

— Обратите внимание, какой редкий сорт винограда! — зывал миллионер. — Каждая виноградина стоит по меньшей мере доллар!

— Великолепный виноград, — крикнул через весь стол Марк Твен, — отпустите мне его еще на шесть долларов.

Марк Твен получил письмо от начинающего писателя. Автор письма интересовался, правда ли, что в рыбьих костях много фосфора, фосфор полезен мозгу, и надо есть много рыбы, чтобы стать великим писателем. Он спрашивал, много ли рыбы и какого сорта ест Марк Твен.

Марк Твен ответил: «Вам, по-видимому, надо съесть пару китов».

Один из друзей Марка Твена, начитавшись его рассказов, стал писать сам. Писал он из рук вон плохо, но все же каким-то чудом одно из его произведений увидело свет.

Счастливым автор сообщил об этом Марку Твену и прибавил, что писать юмористические рассказы — не такое уж трудное дело.

Марк Твен оглянулся по сторонам и прошептал приятелю на ухо: «Это верно. Только не говори никому, не выдавай нас обоих!»

Рис. Н. Муратова

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза.

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. Г. Любичкая

Технический редактор
А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-37373 Подписано к печати 7/VI 1961 г.

Формат 84×108^{1/16}.

Печ. л. 8+2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

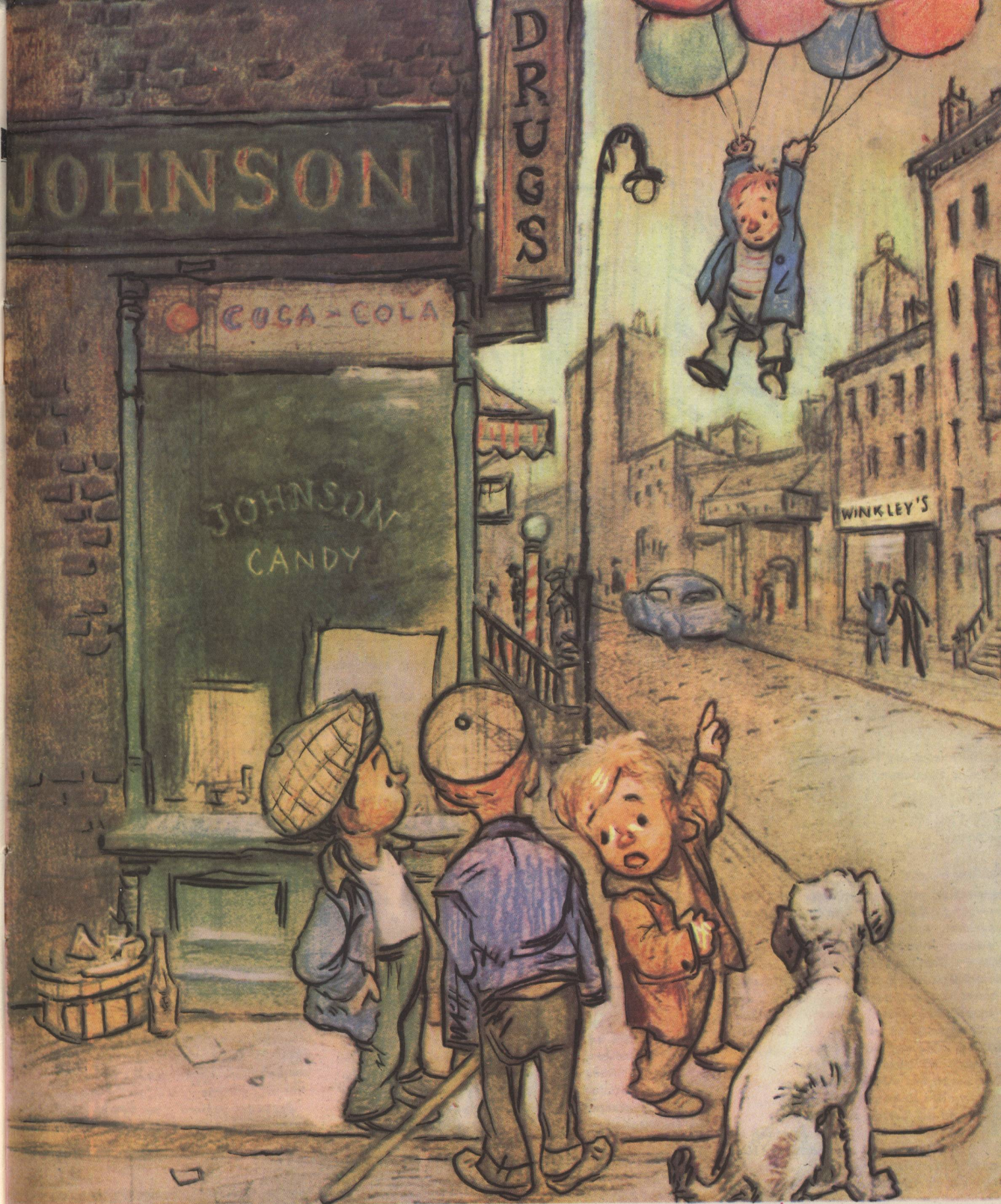
8,8 уч.-изд. л.

Тираж 240 000 экз.

Заказ № 2581.

Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

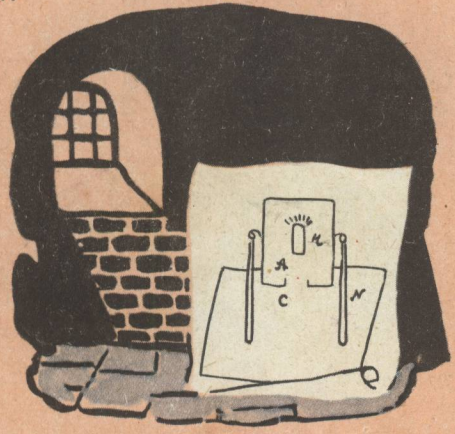
Американский мальчик: „Это, наверное, русский. Наши так высоко не летают.“ Из журнала „Ойленшпигель“ (ГДР)

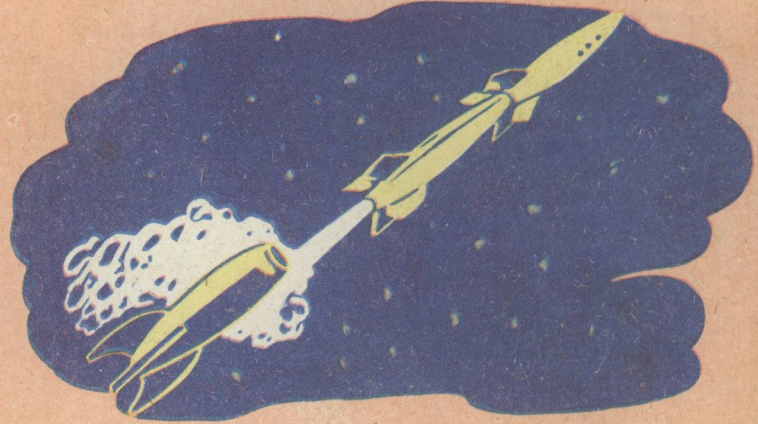
Первый реактивный двигатель был сконструирован Героном в Древней Греции почти 2000 лет назад.

Еще в X веке во время праздников в небо Китая взлетали красивые пороховые ракеты.

Чертеж двигателя летательного аппарата был разработан в тюрьме накануне казни в 1881 году русским революционером Николаем Кибальчичем.

Проект многоступенчатой ракеты предложен Циолковским в начале XX века.

12 апреля 1961 года советский летчик-космонавт Юрий Гагарин совершил полет в космос на корабле-спутнике „Восток“.